

БИЕНИЕ
*нашего
сердца*

18+

Николь Ри

Биение нашего сердца

<https://litres.ru/74484994>

SelfPub; 2026

Аннотация

Для поклонников турецких сериалов, представляю книгу «Биение нашего сердца». Две девушки - два разных мира. Две тайны, которые для безопасности окружающих должны оставаться под замком и почему любовь погубит одну ради спасения другой?

Содержание

Биение	4
Конец ознакомительного фрагмента.	365

Николь Ри

Биение нашего сердца

Биение

БИЕНИЕ НАШЕГО СЕРДЦА

БИЕНИЕ
нашего
сердца

Дорогой читатель, я, автор данной книги хочу только определить ключевые моменты этой истории. Она не просто глупая и бездушная обложка, а мир удивительной силы и стойкости.

Если хотя бы один человек задумается о ценности семьи, о важности ее сохранения и любви к близким, пока не стало слишком поздно – значит я на верном пути.

Как представитель нового поколения мечтаю о том, чтобы современные подростки, дети и взрослые жили на страницах стоящих их внимания и интереса книг. Но вот стоящее ли мое произведение, решать только вам...

Хруст под ногами привлекал внимание моих «гончих». Они близко, они здесь. Одна скупая слеза прокатилась по моей обмерзшей щеке. 10 часов на холоде дают о себе знать.

Босые окровавленные ноги выдают след, по которому я пытаюсь выбраться к людям.

Движение «их» справа вырабатывает в моей крови адреналин и я перехожу на бег, несусь сломя голову, даже не сообразив, что меня в любом случае поймают. Это игра и я в ней лишь пешка.

ГЛАВА 1

— Да, Чичек? Не могу говорить, у меня ровно шесть минут, или я потеряю работу, которую ещё даже не начала.

— Сестра, удачи. Но я переживаю. А вдруг...

— «Если бы да кабы да вдруг» — не те слова, которыми меня стоит напутствовать. Давай попозже. Я захожу.

Здание семьи Алтун, как всегда, выглядело величественно.

Ах да, я, кажется, забегаю вперёд. Итак, кто же такие Алтун и как они связаны с моим утренним забегом к их офису?

Для начала: я юрист, мне двадцать три. Во время учёбы в университете я мечтала попасть на стажировку к самому Керему Алтуну.

Семья Алтун правит Стамбулом. И когда я говорю «правит», это значит именно то, что вы подумали: руководит. Они — верхушка власти современной Турции. Если кто-то становится им неуютен — он исчезает. Если кто-то, наоборот, очень нужен — человек возносится до небес.

Корпорация «Алтун» основана двумя братьями: Бораном и Озгюром. У Борана-бея есть дочь, далёкая от семейного бизнеса. Озгюр погиб, и его долей распоряжаются дети — близнецы Керем и Яман Алтун. Вот к первому я и спешу.

Ах да, меня зовут...

— Передайте госпоже Сахин, что её время истекло. Она может идти домой.

— Я здесь! Я Сечиль Сахин. Здравствуйте!

Мужчина низкого роста удивлённо на меня посмотрел.

— Поздно. Всего хорошего.

— Господин Алтун у себя?

— Я попросил вас выйти.

— Время — восемь утра. Ровно восемь. Я не опоздала.

Но он даже не стал слушать, ушёл в кабинет, надменно глянув напоследок. Мерзкий тип.

Девушка-секретарь всё это время не сводила с меня глаз.

— Два кофе, Демет. И побыстрее.

— Да, господин Алтун. — Она переключилась на другую линию. — Роза, два кофе, срочно.

Из трубки раздался голос, и я поняла: Керем-бей на месте.

— Девушка, почему вы всё ещё здесь?

Я шагнула ближе и быстро заговорила:

— Понимаете, мне необходима эта работа.

— Все так говорят. Не новость.

Тут каждый сотрудник такой высокомерный?

— Демет, прошу, можно я отнесу кофе Керем-бею?

— Нет.

В эту же секунду вошла Роза — молоденькая, неуклюжая, с двумя чашечками ароматного напитка. Ещё немного — и уронит. Секретарша уже открыла рот, чтобы позвать охрану, и тогда я сделала единственное, что пришло в голову: перехватила у Розы поднос.

— Какой кабинет у Керем-бея? Говорите, Демет!

Боже, меня сейчас повяжут, как ту несчастную, что стащила помидор на рынке. Только у меня в руках поднос с кофе.

Демет ахнула и закричала:

— Охрана! Девушка, стойте!

Но я уже бежала по коридору.

Передо мной мелькали современные кабинеты, люди сновали туда-сюда, как муравьи. Так, у меня не больше пары

минут.

— Извините, — окликнула я сотрудника, — где кабинет Керем-бея?

— Кабинет три, прямо и направо.

— Спасибо!

Утро только началось, а я уже несусь сломя голову с несчастным кофе, от которого, кажется, уже ничего не осталось.

Кабинет 9... 8... 6... 5... Вот он, кабинет 3! Ура!

Время! Время! И тут случается непоправимое.

Дверь резко распахивается. Поднос вылетает из моих рук, летит, как в замедленной съёмке, и... приземляется на мою

же голову. Но это не главное. Человек, перепачканный кофе так же, как я, — Керем Алтун.

Хотите узнать, чем закончилась моя неудачная встреча? Давайте продолжим с того места, где я остановилась.

Итак, мы оба в кофе, но благо напиток не горячий. Я с трудом разлепила глаза и едва не провалилась сквозь землю. Керем-бей смотрит с ненавистью, желваки ходят ходуном. Что пришло мне в голову? Одно: меня посадят. Или убьют на месте.

Представляю заголовки: «Девушка выхватила поднос с кофе, проникла в офис, облила себя и потенциального начальника». Позор. Просто позор.

Мы стояли друг напротив друга как вкопанные.

— Вот она! Возьмите её! Она сумасшедшая!

Увидев охрану, я затараторила:

— Я не сумасшедшая. Меня не пустили на собеседование. Я Сечиль Сахин, у меня рекомендация от господина Чокрана Хайоглу.

Керем Алтун, не сводя с меня глаз, подал знак охране остановиться. Я вытащила из папки лист и протянула ему.

— Я пришла ровно в восемь, но меня не пустили. Я мечтала работать с вами всю жизнь.

— Прямо-таки всю? Вам на вид не больше двадцати.

— Мне двадцать три.

Он стёр кофе со лба и взгляделся в бумагу.

— Господин Чокран — грамотный специалист. Берёт к себе лучших.

— Но, господин Керем, она проникла без разрешения, — встряла Демет.

— Кто сказал, что я её не приму?

— Альп-бей...

— Вызови его ко мне. А пока мы пообщаемся с госпожой Сахин.

Секретарша не сумела скрыть недовольства. Ехидство исчезло, на лице мелькнула злость.

Когда она вышла, Керем-бей скрылся в кабинете.

— Вы так и будете стоять? Или мне арестовать вас за вторжение и нанесение вреда начальству?

Мои глаза округлились.

— Простите, Керем-бей. Мне очень стыдно. Я несла кофе, всё было нормально, а потом дверь... катастрофа. Если хотите, я уйду. Мне нет оправдания.

Его карие глаза приказали мне замолчать. И я подчинилась. Плюс в том, что меня не арестуют.

— Госпожа Сечиль. Да, госпожа Сечиль. Вы явились вовремя, но при этом ловко влетели в мой кабинет вопреки воле персонала. Это похвально. Однако моя одежда испорчена, а выглядите вы не лучше уличного попрошайки.

Как он меня назвал?

— Простите? Как вы меня назвали? Понимаю, мой вид далёк от идеала, но оскорблять меня, при том, что вы сами не лучше...

— Что? Я не лучше?

— Да, не лучше.

— Я не пойму: вы виноваты, а я ещё и не лучше?

Я встала.

— Но это не повод унижать человека, когда вздумается. А знаете что? Наверное, мне не стоит здесь работать. Господин Чокран уважал сотрудников — и мы уважали его. А по вашим кадрам видно: они — отражение вашей работы. Злые, завистливые, прогнившие. Я пришла ровно в восемь, но меня не пустили и одним взглядом дали понять, что я не их уровня. А ведь нужно смотреть не на внешность, а на способности, на ум и умение относиться к людям по-человечески. «Относись к другим так, как хочешь, чтобы относились

к тебе» — это не про вашу организацию. До свидания. И да, утренний кофе вам сегодня не помешает.

Кто-то заплотировал.

Керем перевёл ненавидящий взгляд с меня на человека за моей спиной.

— После такой речи я бы не сомневался, что мой братец уничтожил бы вас в пыль.

Я обернулась и ахнула: Яман Алтун. Его брат-близнец. Он протянул мне руку, но я не отреагировала. Высокий, смуглый, с карими глазами и каштановыми волосами — точная копия Керема.

— Знаете, я думал, мы с Керем-беем близнецы, а на деле вы двое — одно лицо. Прямо не отличить.

И он засмеялся — громко, с приступами веселья.

— Я тебя сейчас вышвырну, Яман. А вы, госпожа, можете идти и больше не возвращаться. Я такого хамства не потерплю.

— С удовольствием больше не увижу вашу физиономию,
— скорчила я гримасу.

Он сжал кулаки так, что побелели костяшки.

Я направилась к выходу, но меня окликнул Яман:

— Извините, госпожа. Я предлагаю вам работу у меня.

— Что?

— Что?!

— Я пришёл к тебе с новостью, брат: я хочу работать. И мне нужны сотрудники. И, кажется, я уже нашёл одного. Симпатичная молодая девушка — отличная правая рука. Твоих снобов я не выношу.

Я обернулась и, не сдержавшись, обняла Ямана.

— Ой, я совсем забыла, что вся в кофе.

— Ничего, утреннее пробуждение не помешает.

— Я правда принята?

— Да. Завтра в десять. Я всегда прихожу к десяти.

— Нет, она не будет здесь работать. Я так сказал.

— До встречи, Яман-бей. Рада знакомству.

— Завтра оформим тебя официально. В десять, не забудь. Я предупрежу, чтобы тебя пропустили.

— Никто её сюда не пустит! Да будь ты неладен, Яман! Она же...

Но я уже не слушала. Шла с победной улыбкой, стуча каблуками на весь коридор. Один — ноль в мою пользу. И это только начало.

Снаружи стояла прекрасная погода. Солнце освещало центр улицы, люди начинали рабочий день. Машины, автобусы, велосипеды и мотоциклы вереницей неслись по дороге, а продавцы в маленьких лавках готовились к новой знойной смене.

*Весенняя пора прекрасна
Величественна и опасна
Цветет она раз в год*

*И сердце заставляет вновь
Вновь жить, любить, резвиться
Смеяться , веселиться
Пора чудес и торжества
Давайте отмечать друзья!*

*Глаза откроем и услышим
Гул птичьих голосов
Травой и зеленью подышим
Когда пойдем гулять
Ты не отнекивайся , слышишь
Пора , пора вставать!*

*Нам солнце светит пестро, ярко
Оно благоволит
Благоволит идее, мысли
Что в голове кружит*

*Открой для мира их
И восприми себя
Таким , каким ты есть, дружок!
Таким, каким ты стал!*

Я шла, и ветер трепал мои волосы. Он был лёгким, словно пёрышко в летний день. Было настолько тепло, что душа пе-

репожнялась всеми возможными чувствами. Даже невыученный урок в выпускном классе казался пустяком, когда сама земля ожила. Стамбульское лето меняло людей до неузнаваемости. Улыбка тронула мои губы.

— Почему ты так улыбаешься, Сечиль?

Я повернулась к Чичек. Она моя кузина со стороны папы и самая близкая подруга.

— Разве ты не видишь?

— Что? Конец учёбы на носу, впереди экзамены. А ты радуешься. Или я одна решила их сдавать?

Я обняла её и сжала крепко-крепко. От неё пахло мёдом и корицей.

— Чичек, любовь моя, мир прекрасен! Вот смотри: девушка идёт с тортом и улыбается. А вон, — я указала на па-

ру с ребёнком, которые кормили уточек у берега, — это ли не чудо? Жить здесь и сейчас. Петь от счастья и беззаботности. Чувствовать, как лучи солнца касаются лица, и шурить-ся. Ощущать тепло и радость. Быть благодарной за ещё один прожитый день в самом прекрасном из миров.

— Какая была, такая и осталась, Сечиль. Выдумщица.

Мы заливисто рассмеялись. Наша дорога домой всегда была весёлой, и время пролетало незаметно.

— Знаешь, я поступлю в вуз и стану писателем, моя кузина. А ты — верным стражем закона.

Чичек закатила глаза, но вдруг остолбенела. Да ну. Ну конечно!

Впереди, как и каждый день, стоял один и тот же парень. Кажется, Фатих. Фатих Йошуглу. Сын директора школы, в которой мы учились. Он выпустился несколько лет назад и теперь словно ждал случая увидеть нас. Ну, точнее, не нас,

а мою кузину.

— Он здесь! И смотрит на тебя! А-а-а!

— Сечиль, замолчи, прошу тебя. Мне стыдно.

Румянец залил щёки сестры. Она была красива, как весенний пион. Розовые полные губы, темные волосы, карие глаза, средний рост, стройная — и слишком стеснительная, когда дело касалось парней. Эх. Зато в школе у неё был самый высокий балл среди старших классов. Вот тебе и гений науки.

Мы подошли к развилке. Лукаво ухмыльнувшись, я произнесла:

— Доброго дня, Фатих-бей! Сегодня чудесный день.

— Здравствуй, Сечиль. Здравствуй, Чичек. Ты... то есть вы... отлично выглядите.

Чичек выдавала себя с головы до ног. «Поманипулируй им, сестра!» Ах, не буду лезть в это дело. Её жизнь.

— Ну, я пошла. А вы постойте. Мне срочно нужно к брату, у него... э-э... много дел в магазине. Обещала прийти, как освобожусь.

Фатих опустил глаза и промямлил:

— Я, кажется, тоже кое-что забыл в магазине. Сходим тогда все вместе.

Его взгляд странно блеснул в мою сторону.

— Нет-нет. Я вас оставлю. Чичек, встретимся завтра утром здесь.

Улыбка не сходила с лица кузины и сияла в лучах небес.

Ослепительная пара. Они слишком милые.

Я пошла дальше. От школы нам было идти минут пятнадцать. Дальше — развилка: я направо, Чичек налево. Её семья жила скромнее нашей. Мой отец держал несколько магазинов автозапчастей по Стамбулу. Мама работала медсестрой в больнице. Священная профессия, и я ею гордилась. Несколько месяцев назад отец купил новую машину — внедорожник. По меркам города мы жили как стабильная средняя семья. Не голодали, но и деньгами не сорили. Счастье — жить и знать, что всё заработано честным трудом.

Завернув на свою улицу, я широко улыбнулась брату. Доган — самый заботливый брат на свете.

— Брат! Привет.

Но он был в магазине не один. С ним была девушка. Вау. Я её раньше не видела.

Она повернулась, и я заметила миловидное лицо. Волосы

— как вороново крыло. Карие глаза — чернее ночи.

— Лейла, познакомься. Моя сестра — Сечиль Кайя.

Девушка мягко улыбнулась и пожала мне руку.

— Ты не похожа на турчанку. Твоя мать — иностранка? Прости, просто Доган говорил, что похож на отца, а если так, то...

— Да, моя мама русская. Я очень похожа на неё. Голубоглазые блондинки в Турции — редкость.

— Ты очень красива. Даже больше, чем очень.

— Спасибо. Взаимно.

Хлоп.

Я возвращаюсь в реальность. Тот день был прекрасен...
Был.

Соберись, Сечиль! Вытри слёзы и иди. Можно выбрать другой путь, чтобы добраться до цели.

Цель.

Спроси любого человека о его цели — многие скажут, что хотят быть богатыми, жить в роскоши, встретить человека мечты. Наш мир докатился до того, что первоочередной мечтой стали деньги. Желательно много денег. Но люди в этом не виноваты. Не мы такие — жизнь такая.

И хотя моя цель — другая, деньги бы мне очень не помешали.

Устало, но с толикой радости, я иду домой. Словно в детстве, по инерции сворачиваю направо. Слёзы застилают увиденное. Заросшее сооружение, проданное моей тётей.

Странно: человек живёт столько лет, а после его ухода всё стирается. Словно и не было. Когда переживаешь утрату, остаётся лишь одно оружие против горя — память, неподвластная времени. Память об улыбке близкого, его эмоциях, мельчайших морщинках, его реакциях на те или иные слова. Пока помнится — важно сохранить. Будь то хорошее или плохое воспоминание, радостное или пронзающее болью. Ведь покуда мы чувствуем — мы живём. Бог дал нам жизнь, чтобы выбрать свой путь. Однако путь должен содержать добропорядочные помыслы. Чего нельзя сказать обо мне.

Я — исключение из правил. Особь, из которой безжалостно вырвали саму суть праведной жизни. Я ведь тоже когда-то умела радоваться мелочам. Любить ближнего было основополагающим и правильным. Но теперь я потерялась. Видя это, мурашки бегут по коже... Где та смеющаяся Сечиль? Её нет. И не будет. Она умерла. Выплыв из морока суждений, я вернулась в реальную, полную пороков жизнь.

Пора идти домой. Час поздний.

Через полчаса я открыла калитку и услышала знакомый

ГОЛОС.

— Сечиль! Дорогая Сечиль! Ты так поздно... Я звонила тебе, но было недоступно.

Чичек спустя столько лет не изменилась. Только вот жизнь её сложилась совсем не так, как она хотела. Выйдя замуж за Фатиха Йошоглу, она была на седьмом небе от счастья. Однако со временем он показал себя с совершенно другой стороны.

Дело было так.

Три года назад. Пять месяцев со свадьбы Фатиха и Чичек.

Дом Йошоглу.

Чичек попросила меня побыть с ней. Их дом достаточно большой и вместил бы ещё несколько таких же гостей, как я.

На второй день пребывания у них я выходила из душа, расположенного в гостевой комнате. И тут меня ждал сюрприз. Обёрнутая лишь в одно полотенце, как и полагается после банных процедур, я подпрыгнула от неожиданности. На моей кровати сидел Фатих и улыбался.

— Фатих, ты что здесь делаешь?

Он не отвечал. Лишь жадно пожирал меня глазами. С головы до ног.

Это было мерзко. Я спряталась за дверцу шкафа.

— Уходи! Уходи немедленно. Иначе...

— Что иначе? Я, может, хочу пообщаться с кузиной своей жены. С кузиной, которая уж очень симпатично выглядит.

— Смелости набрался? Почему таким не был, когда встре-

чал нас по дороге? Кишка тонка.

Зря я это сказала.

Он резко поднялся с постели и быстрыми шагами приблизился. Загнав меня в угол, прижал всем телом и угрожающе проговорил:

— Если хоть слово скажешь Чичек, тебе не сдобровать.

Фатих дотронулся пальцами до моего лица и облизал скулу. Я пыталась вырваться, но он был больше и сильнее.

— Отстань от меня, жалкий человек!

— Это я жалкий? Ты пытаешься меня соблазнить, а я жалок? Хорошо устроилась, ничего не скажу против.

— Соблазнить? Ты мне не нужен. И не был нужен.

— Ах вот как. Ты всегда такой была. И будешь.

Муж моей сестры одним рывком бросил меня на кровать и навалился следом, пытаюсь домогаться. Его руки оказались там, где их быть не должно.

— ПОМОГИТЕ! ПОМОГИТЕ! Сюда-а-а!

— Заткнись, дура. Ты мне всегда нравилась. Я любил тебя. Желал. А ты подсунула эту слабовольную Чичек. Каждый раз, когда я к ней прикасаюсь, я вижу твоё злорадное лицо — что ты ускользнула из моих рук. Ты! Ты слишком красива и должна была стать моей женой.

— Ни за что! Отстань от меня, иначе я всем расскажу.

— Кому, например?

— Мне.

За нашими спинами возникла Чичек. Заплаканная, со сковородкой в руке.

Фатих мигом отскочил от меня и начал оправдываться:

— Это она. Она набросилась на меня! Хотела занять твоё место, милая...

— Уйди из этой комнаты. И больше не прикасайся ни ко мне, ни к моей сестре. Понял?

— Понял... Не горячись. Потом поговорим.

Он злобно глянул мне вслед. А я, в полном шоке, сидела на кровати.

Чичек села рядом. Несколько минут мы молчали. Немно-

го придя в себя, я затараторила:

— Извини, я... я не хотела... он сам. Боже, что могло произойти... Я пойму, если ты меня выгонишь и не захочешь видеть...

Чичек взяла меня за руку и слабо улыбнулась сквозь слёзы.

— Я слышала, что он сказал. Ты не виновата. Я уйду от него. И даже не скажу, что беременна.

— Что?

— Какая радостная новость!

— Радость — не то слово, которым я сейчас наполнена. К сожалению.

Я обняла сестру и тихо прошептала:

— Мы справимся. Ребёнок и ты не виноваты. У него или у неё будет лучшее будущее, чем так.

Она мягко улыбнулась, но глаза выдавали боль, предательство близкого человека и горечь прожитого.

Много воды утекло с тех пор. Малышке Диджле уже два с половиной года. Когда она появилась на свет, весь дом наполнился счастьем. Фатих узнал о дочери и пытался вернуть Чичек, но было поздно. Мы заранее подготовили документы с примечанием, подсунули ему — и он подписал, не прочитав. Оплошал. Да так, что до сих пор строит козни нашей семье. Поделом.

Чичек рассказывала, что он снова стал отцом. Женился на какой-то девушке. Сестра старается отгородить себя и Диджле от этого тирана. И пока ей это удаётся.

— Почему ты стоишь там? Иди в дом, дорогая.

Я улыбнулась и вошла. В доме пахло уютом и детством. Сколько раз я оставалась здесь до того дня? Спала с Чичек в одной кровати, а тётя постоянно ругала нас, когда мы воровали яблоки у соседей. Были времена!

— Дядя и тётя спят?

— Они ещё не пришли. У дяди Энгина день рождения. Юбилей — шестьдесят пять лет. Я не пошла: уложила ма-

лышку и ждала тебя. Садись, принесу чай. Ты устала.

Я кивнула и села. Только сейчас ощутила, как болят ступни. Вытянула ноги и вздохнула.

Сестра принесла чай и села напротив, глядя на меня в упор.

— Что?

— Жду рассказа.

Спустя некоторое время рядом с чаем появились пирог и ватрушки. Мы, как в старые добрые времена, смеялись и болтали, но тихо, чтобы не разбудить кроху Диджле.

Нельзя показывать истинное настроение и переживания тем, кто тебя любит. У любящих есть свойство беспокоиться. А Чичек не заслужила моих разглаговльствований о порочности моей души. Она — моя отдушина в прогнившем мире, в котором скоро я совершу нечто ужасное...

— Да ты что? Прямо так и появился?

— Да... Знак судьбы. Это точно... Я до сих пор не верю. Такое бывает только в книгах и фильмах. Фантастика! Мой план был на краю пропасти, но восстал из пепла.

Чичек встала и обняла меня.

— Ты заслужила этого. Ты должна им отомстить. За себя, за меня, за нас всех. Такое не может сойти с рук. Ты будешь бумерангом, который возвращается в самый неподходящий момент.

— Спасибо. Я очень люблю тебя и ценю за всё. Это минимальная цена за то, что ты для меня сделала. И мне до сих

пор стыдно за такого поганого мужа. Ты — влюбилась. А он — зверь. Ты красивая женщина, Чичек. Красивая и эффектная.

— Да... только растяжки, помятый вид и ребёнок за спиной. Никогда не думала, что сама решусь на развод. А в итоге выступила инициатором.

— Представь, если бы жила с ним, ты была бы счастлива?

— Нет. Точно и безусловно нет. Не стоит тратить время на человека, который тебя не уважает. Знаешь, дорогая, мне не нужна была любовь. Мне необходимо было уважение. Уважение порождает связь, связь — глубину, а глубина — ценность человека. От него я не увидела ничего из перечисленного. Человек с маской. Улыбающийся друг с ножом в твоём сердце. Уйдя, я не видела своего будущего. А вот сейчас: доучиваюсь, живу, пытаюсь быть правильным наставником и матерью для своего ребёнка. Наверное, нужно было пройти через такое, чтобы понять: всю себя нельзя отдавать человеку.

— Ненужное кажется нужным, пока не придёт предначертанное судьбой. Ты сильная и умная. Это твой козырь. Жить с человеком после такого признания и лжи — слишком унижительно. Его вторая жена, наверное, ходит с пеленой на глазах.

— Не знаю. Я не рассказывала тебе, что видела его с ней. Они гуляли вдвоём, без ребёнка.

— И как она выглядит?

— Блондинка, маленького роста, с пышными формами. Увидев меня с Диджле, он подбежал и начал целовать её. Признавался в своей неправоте, просил, чтобы я простила и разрешила общаться с дочкой. Но я сомневаюсь в правильности таких действий. Когда дочь станет старше — я спрошу её. А до тех пор ради её безопасности её жизнью буду распоряжаться я.

— Ты абсолютно права. Кстати, а что насчёт того мужчины, который провожал тебя с Диджле?

Щёки сестры зарделись. Она сжалась и начала мило улыбаться. Когда она так делает, Чичек становится очень красивой.

— Ну-у-у... Это профессор.

— Одинокий? Высокий?

— У него есть сын. Он вдовец. Преподаёт уголовный процесс, а ещё является адвокатом. Ему понравилась наша маленькая принцесса.

— И взрослая королева тоже?

— Да брось. Он старше меня. И не думаю, что я в его вкусе.

Чичек направилась к выходу, но я преградила ей дорогу.

— Я рада за тебя. И сколько бы ты себя ни обманывала, знай: ты — особенная. Не такая, как все. Интересная в общении и в жизни. Побольше уверенности — и цены тебе не будет.

— Люблю тебя, дорогая Сечиль.

— Спасибо! Взаимно. Пока мы есть друг у друга, нам нечего бояться.

Уже лёжа в постели, в скромно украшенной комнате, я начала мыслить.

Жизнь расставит всё по местам. Сначала кто-то смеётся, а через неделю, год, десять лет — горько плачет. То, что пережили мои родственники и я, не может кануть в Лету. Я знаю их. Я помешалась на них. На нём... Но уже несколько лет не прикасаюсь ни к чему. Пора исправить это.

Достаю телефон и забиваю в поиске уже заученную наизусть фамилию.

Семья N. Последние новости.

Сайт «Новости звёзд Турции».

**РАСКРЫЛИ ПОЛ РЕБЁНКА БОГАТЕЙШЕЙ СЕМЬИ
АЛТУН**

В недавнем интервью глава семьи Алтун, Боран Алтун, намекнул, что его племянник со своей женой ждут МАЛЬЧИКА! Род Алтун будет процветать.

Как мы знаем, 27-летний миллионер Яман Алтун женился в 2024 году на Лейле Шахин. Род Шахин был основан в...

Но я уже не понимала, что читаю.

Это она. ОНА.

Я... Мне нужно с ней увидеться.

Я начала смеяться.

— А-ха-ха-ха!

Судьба смеётся надо мной. Уже совсем скоро мы встретимся.

— Сечиль... Сечиль...

Мужчина на фото протягивал ко мне руку. Его карие глаза внимательно наблюдали за мной, маняще прося:

— Сечиль... Сечиль... Иди ко мне...

— Кто ты?

— Я тот, кто тебе нужен.

— Нужен? А в чём заключается моя нужда в тебе?

— В том, что я ключ. **Два зеркала соединились, а в них — витражный силуэт. Он в ночи ярко освещает, а днём во мгле злобно сидит.**

И тут я вижу размытые очертания женского стана. Она стоит и молчит.

— Ты кто?

— Я — ты. А ты — я. Мы — единое целое.

В следующую секунду мужчина подходит ко мне и шепчет:

— Убей себя. Убей!

В моих руках оказывается нож. Я подношу его к животу.

Раз... Два... Три...

Тр-р. Тр-р. Тр-р.

ГЛАВА 2

СЕЧИЛЬ

Проснувшись от ночного кошмара, я приняла душ и оделась. Думаю, юбка-карандаш и чёрная блуза отлично подойдут под стиль сегодняшнего дня.

— Всем пока!

9:20. Отлично, времени достаточно. Поеду на маршрутке. Как по велению, подъезжает именно та, что мне нужна.

«Хороший день начинается с вовремя приехавшего транспорта». Жители больших городов меня поймут.

Итак, Сечиль, план начинает действовать. Но для начала обязательно нужно встретиться с Лейлой. Да уж, устроилась она очень неплохо. Сама из богатой семьи, но породниться с самими Алтунами... Даже думать не хочется, каким способом она добилась цели. Алтуны не смотрят на простой народ. Они ищут тех, кто сделает их бизнес более процветающим и развивающимся. Это своего рода сделка — ты мне, я тебе.

Я усмехнулась про себя. Лейла лишь прикидывалась человеком, которому не важны материальные ценности. Однако время и нужда показали её настоящее лицо. Ну ничего. Это долгая игра. И моя начинается СЕЙЧАС!

— Пропустите, пропустите!

Толпа заметно увеличивалась. Люди, как мухи на мёд, не могли соблюдать правила и постоянно лезли вперёд без очереди. «Стамбульский утренний настрой сотрудников».

— Эй, я стояла ближе! — возмущалась полная женщина.

— Вот именно!

Возгласы заполонили всю улицу. В офис на десятом этаже я вошла только спустя двадцать минут. 9:59. Да ты издеваешься! Если снова повторится та же ситуация, я поселюсь здесь, чтобы приходить вовремя.

— Здравствуй, Демет.

Девушка косо посмотрела на меня и отвернулась. Вот же снобка. И злопамятная. Ну прокралась я. И что? Ей-то никакого вреда не было.

— Госпожа Сахин? — твёрдо спросил мужчина преклонных лет с седой бородой, коротко стриженными волосами и в строгом костюме.

Он так быстро появился...

— Это я.

— Прошу за мной. Меня зовут Мохан. Мохан Сарачойглу. Для близких — дедушка Мохан.

— Приятно познакомиться. Сечиль Сахин. Новая помощница господина Ямана Алтуна.

— Я знаю вашу должность, дитя. Однако... удивлён, что Яман-бей начал дело. Всегда казалось, что лишь Керем-бей будет управленцем их доли. Но я ошибался. Господин Яман попросил меня встретить вас и передать пропуск. Вот, — он вложил карточку мне в ладонь. — Теперь можете показывать его Демет и охране. Они не пойдут против одного из учредителей компании семьи Алтун. Это было бы очень глупо и опрометчиво.

— Господин Мохан, я...

— Вот мы и пришли. Удачи вам на новом месте, дитя.

Пусть всё пройдёт по чести.

Да этот старик — настоящий поэт.

Постучав три раза, я вошла в кабинет. Яман-бей лежал на диване и... ел лёд? Зачем он его ест?

— Яман-бей, я пришла.

— Отлично. Присаживайся. Голова раскаляется...

— Вам что-нибудь принести?

— Ничего не надо. Сейчас отдохну и покажу тебе кабинет, который обустрою по своему вкусу.

— Может, вам нужен врач?

Я забеспокоилась. Мой начальник выглядел очень плохо. Будто его помяли несколько здоровенных амбалов.

— Всё замечательно. Просто вчера слегка перебрал. Клубы утомляют.

Звук мобильного отвлёк его. Взглянув на экран, Яман отключил звонок и выругался.

— Вот всегда она звонит не вовремя.

— Кто?

— Да неважно. Ладно, мне уже лучше. Не будем терять время. Пошли в твоё «логово». — Он усмехнулся.

«Логово» оказалось просторным кабинетом. Посередине — рабочий стол и стул, справа — диван со столиком, слева — шкаф с полками. Уютно и достаточно.

— Мне очень нравится.

— Я рад. Соседний кабинет — мой. С другой стороны — кабинет моего дяди, Борана Алтуна. Лучше не попадаться ему лишний раз на глаза. Он принимает только лично нанятых сотрудников. Но вообще он справедливый и честный босс. Итак, краткий инструктаж. Раз ты моя правая рука и секретарь, введу в курс главного. Кофе я пью только с третьего этажа, приготовленный Йеном. Лучше запиши. Каждое утро ты должна приносить его мне. Эспрессо в чистом виде.

Я кивнула.

— Далее. На звонки отвечаешь ты. Но если звонят из семьи, переводишь на меня. Это ясно. Документами и договорами занимаются Мохан и Паркер. Ты перечитываешь содержание любого документа и после проверки передаёшь мне на подпись. Я положу тебе расписание дней, когда принимаю клиентов лично. Их немного. В остальное время — только по почте. Почта привязана к компьютеру. Думаю, разберёшься. И да. Я решил, что тебе нужна помощница, и нанял одну свою знакомую — Жюли. Она француженка. Мы с её сестрой вместе учились в университете. Для неё это своего рода практика.

— Хорошо.

— Жюли прибудет завтра. А пока осваивайся. Кафе для сотрудников на втором этаже. Сегодня никаких дел и поручений у тебя нет. Приведи здесь всё в порядок, изучи планы и графики.

— Спасибо.

Яман улыбнулся и ушёл в свой кабинет.

Я подошла к окну. Вид был изумительный. Он доступен лишь избранным. Глупая иерархия. Моё настроение заметно ухудшилось. Вся империя этих людей построена на лжи и крови.

В оконном отражении я поймала своё лицо и выдохнула. Каждый поплатится за ошибку. Каждый...

Прошла неделя.

Работа размеренно кипит. Я быстро привыкла к новому ритму. Конечно, спасает то, что у господина Ямана более свободный график. Также я познакомилась с Жюли. Она очень милая и умная девушка. Мы сидим в одном кабинете, и она стала моей собеседницей.

Но я ни с кем не делюсь личным. Я не настолько наивна и глупа. У нас с ней чисто деловое общение или разговоры на отвлечённые темы.

— Госпожа Сечиль?

— Можешь звать меня просто Сечиль.

— Не могу. Госпожа Сечиль, вас вызывает Керем-бей.

— Для чего?

— Он не сказал.

Всё ясно. Этот человек вызывает меня каждый день. То передать что-то незначительное, то выкинуть мусор, то подать кофе. Ему всё равно, что я работаю на его брата. Он всеми способами пытается выжить меня отсюда. Ну пусть ста-

рается. Он не знает, с кем имеет дело.

Я ухмыльнулась.

— Конечно. Сейчас позвоню постоянному клиенту и подойду.

— Но он просил срочно.

Я отложила все принадлежности и направилась к нему. Постучала и вошла. И увидела странную картину: на Кереме-бее сидела девушка и целовала его. Я сузила глаза. Он что, нанял меня смотреть представление?

— О, это собачка моего брата. Сечиль. Можешь её так и называть.

Девушка отлипла от своего избранника и продемонстрировала дежурную фарфоровую улыбку. Ох, чувствую, день будет очень длинным. Терпения, Сечиль... Мы справимся.

ГЛАВА 3

АЙЛИН

— Вставай! Ты должна была уже выйти к завтраку. Айлин!

Я открываю глаза и громко вздыхаю.

— Ещё минуту — и я буду там.

Но Мерьем-ханым уже входит в комнату, и что-то ледяное обрушивается на меня. У нас нет замков. Моим родителям чужды личные границы человека, которому двадцать четыре года!

— А-а-а-а!

— Мама! ЧТО ЭТО?

Сразу взбодрившись, я распахиваю глаза и вижу мать, стоящую с пустым кувшином в руках. Смотрю на неё секунду — и взрываюсь от ярости.

— Ты сошла с ума?

— Пока ты не станешь дисциплинированной, каждое утро будет начинаться так. Время 7:15. Ты проспала пятнадцать минут! Пятнадцать! И ты уже совершеннолетняя.

— Я проспала всего ничего!

— Дисциплина делает из обезьяны человека. Поэтому, пока ты не освоишь навыки, которые я вкладывала в тебя всю жизнь, ты так и останешься животным. Вставай. В восемь мы ждём Араса.

— Араса? Зачем?

— Как зачем? Помолвка прошла. Пора решать вопросы со свадьбой.

— Но мы планировали её в течение следующих трёх лет.

— Три, два, один год. Что раньше, что позже — он всё равно станет твоим мужем. Не вижу проблемы. Я вышла замуж за твоего отца, будучи младше тебя. И всё сложилось неплохо.

С годами мой мозг превзошёл сам себя. В шестнадцать я экстерном закончила университет и стала полиглотом — шесть языков. Потом пошла в аспирантуру и благополучно её окончила. Что я делаю последние четыре года? Ничего. Путешествую, пишу научные статьи и диссертации. И всегда рядом моя мать.

Я от неё очень устала. Ну нельзя же так. Задавать неприемлемые вопросы в присутствии моего парня, точнее жениха. Арас весь краснеет, а ей хоть бы что. Она рада, что дочь с годами «стала нормальной», и пытается заставить меня пойти в юридическую фирму, стать квалифицированным адвокатом. Но мне это вообще неинтересно. Отцу всё равно на мою профессию. Лишь бы я была при деле и не позорила семью в глазах общества. Как банально.

— Одевайся и спускайся вниз. Яман с женой уже здесь.

— А Керем?

— А что тебе Керем? Керем, Керем — заладила. Он не

приедет. Очень занят, просил передать наилучшие пожелания молодым. Вот была бы ты как он — цены бы тебе не было. Или как Йылдыз.

Мама вечно меня со всеми сравнивает. Я недотягиваю абсолютно по всем пунктам её заоблачного списка требований. Хотя я уже привыкла. Психолог говорит, что это проявление заботы и любви. Конечно. Четыре года попыток и выкидышей. Мерьем-ханым ставят бесплодие. А потом рождаюсь я. После — проблемы, удаление матки. Я еле выжила. Обо мне слишком много мечтали и хотели сделать лучшим достижением своей жизни.

Выхожу в столовую — меня встречают четыре пары глаз. Арас в столь ранний час почтил нас визитом. Легко чмокнув меня в щёку, он садится рядом и накладывает еду. У меня идеальный жених. Настолько идеальный, насколько это возможно. Однако этого мало. Сначала я думала, что можно жить и со временем полюбить человека, к которому не испытываешь любви. Как сильно я ошибалась.

Поцелуй не ускользнул от Ямана. Впрочем, это лишь его проблемы. Его жена души в нём не чает. А он?.. Посмотрев

на него, а он — на меня, я одними глазами произнесла: «Я могу всё рассказать. Рассказать правду ей. Ты обманываешь её».

Помню день, когда я познакомилась с Лейлой. Это была очень неприятная ситуация.

Первый день сентября. Я шла в свой корпус на курс английского языка, который и так уже знала. Университет я закончила, но нужно было поддерживать знания с носителями как можно чаще. Села и стала ждать. Ко мне под села девушка примерно моего возраста. Не сказать, что красивая, но что-то привлекательное в ней было.

— Привет, меня зовут Лейла. А тебя?

Я проигнорировала. Не люблю общаться с посторонними без крайней необходимости.

— Спасибо за ответ.

Так мы и просидели два часа. Когда объявили о завершении мероприятия, я случайно разлила на неё свой холодный чай. Шуму-то было. Ну чай и чай. На вид у неё всё в порядке с материальным положением. Не вижу проблемы — просто сменить одежду. К нам подбежал молодой преподаватель. Им оказался Арас, её брат. Мне не было стыдно. Стыд чужд гениям. Я лишь сказала, что это не критично, и прошла мимо.

С Арасом мы встретились на улице месяц спустя. Я понравилась ему из-за остроумных ответов и достаточно высокой базы знаний по словообразованию. Он преподаёт в университете своего отца, но сам тяготеет к английскому и изучению литературы. Не мужская профессия, однако именно с ним я почувствовала себя на равных. В интеллектуальном плане. Он эрудирован, умён, неплох собой. Чёрные волосы, голубые глаза — контраст. Как и его мышление. На первый взгляд и не скажешь, что человек перечитал тысячи книг. Книголюб до мозга костей. И при этом развивается в других сферах. Будто нет занятия, в котором он не смог бы преуспеть. Это дар, не иначе.

Так мы и начали общаться. А когда Лейла узнала, была

не очень рада. Она до сих пор считает меня «серым кардиналом». Тогда обозвала бесчувственной. Но слабым людям только дай повод показать свою субъективность.

Вы не думайте, я не прельщаю себя. Я знаю, что умна, и цену себе неставляю. Такие, как я, — бесценные люди. Благодаря им движется прогресс. Вместо голубей и почты человечество дошло до телефонов и осознания собственной значимости.

— Теперь можем поговорить о предстоящей свадьбе. Арас, Лейла, предлагаю назначить торжество на конец августа. Тепло, без лишней суеты. Думаю, будет восхитительно!

Я раздражённо шикнула. Никакой столь ранней свадьбы.

— Мама, я не хочу спешить.

— А я считаю, это прекрасно. Мы с Айлин уже два с половиной года встречаемся. Я готов взять ответственность и жениться. Мне уже тридцать. Пора.

Я повернулась и натянула улыбку. Нет, конечно, ничего этого не будет. Поговорю с Арасом, а там и Мерьем-ханым подтянется.

— Брат, может, стоит повременить? — медленно произнесла Лейла.

— Нет. Я люблю Айлин и хочу быть с ней.

В этот момент Яман, внимательно и долго жуя пищу, поперхнулся. Все начали помогать ему прийти в себя.

Мои глаза озорно блеснули. Ну и ну. Пусть привыкает ко всему происходящему. Наша так называемая игра продолжается с того самого пари «правда или действие». Но я в неё не попадусь. Яман такой человек, что ему нравится недостижимое. Пока я не его — я в его сердце. А при достижении желаемого он попросту потеряет интерес. Хотя он может всё отрицать, я знаю его лучше. Все годы вместе: воспитывались, учились, знали друг друга. Когда-то он увлёкся и Лейлой.

Надеясь заменить меня, наткнулся на девушку, чьё сердце до сих пор боится покалечить.

Попытка доказать что-то в девяноста девяти процентах заканчивается неудачей.

— Давайте взглянем варианты.

И мы целый час просматривали варианты шатров и арок, ресторанов на открытом воздухе и в помещениях. Кружевные платья. План рассадки.

— Я думала, что убью себя, — сказала я Арасу, выходя из дома.

— Самая сложная часть пройдена. Осталась подготовка.

— Сложная часть? О чём ты?

— О том, что ты согласилась на нашу скорую свадьбу.

Остановившись, я посмотрела на него непонимающе.

— Я не говорила, что согласна. Моя мать решает всё за меня с рождения. Не помню, чтобы я выбирала себе носки самостоятельно. А ты говоришь о таком глобальном торжестве. Ей нельзя говорить при всех «нет», иначе мне сделают ещё хуже.

— Подожди, значит, ты не хочешь выходить за меня?

Сев в машину и пристегнувшись, я обдумывала ответ. Если скажу «да, не хочу» — будет скандал. Арас уйдёт. А Керем при любом раскладе не будет со мной. Если скажу «хочу» — свяжу себя, но при любой возможности буду сбегать. Однако не останусь одна. Как поступить? Даже если отвечу «хочу», но передумаю, смогу отказаться, сославшись на свои приоритеты. Придумать легко. Главное — грамотно реализовать задуманное.

— Хочу. Конечно, хочу, любимый.

Он улыбнулся и робко притянул меня к себе. Его широкая горячая ладонь накрыла мою шею, а губы соединились с моими. От лёгкости больше не веяло. Это был требовательный, собственнический поцелуй.

— Я не смог бы пережить это. Я бы не делил тебя. Ты либо моя, либо ничья.

— Я твоя. Только вот, любимый, у меня есть дело. Добро-
сишь до кафе? Мне нужно встретиться с Башак. У неё снова
проблемы с парнем, да и отец не соглашается на помолвку.
Отвезёшь?

— Конечно, отвезу. Так чего же мы ждём? Поехали.

В это же время некто смотрел на этих двоих и ухмылялся. Злобно, с нетерпением и остервенением.

— Скоро твоя жизнь, Айлин Алтун, закончится навсегда...

ГЛАВА 4

СЕЧИЛЬ

— К нам приезжает мой троюродный брат Джан с женой и дочерьми. Ясин — прекрасная девушка, ей уже восемнадцать, и Джан выбрал ей жениха. Вы тоже поедете. Будет помолвка.

Тётя вся светилась от счастья.

— Может, и вам встретится хороший и достойный мужчина.

— Тётя, но у меня первые выходные. Я очень устала.

— Я сказала, поедете все. Крошка Диджле побудет с семьёй Ибрагима.

Семья Оздемир приехала в субботу утром. Мы с Чичек совсем забыли, какой он невыносимый.

— Да, едем мы, значит. И Пакизе спрашивает меня: «Дорогой, а нам хватит места в доме Зехры?» А я ей: «У них, конечно, крошечный дом, но в тесноте, да в доброте».

— В тесноте, да не в обиде, дядя, — поправила его Чичек.

Этот лысый мужчина полного телосложения был простым

рыбаком, берущим кредиты в Бодруме, откуда они и приехали. У самого дом размером с зерно, а нас учит. Мой дядя Мерт — отец Чичек — терпеть его не может. И мы с ним полностью солидарны.

— Дорогая Дениз, покажи кольцо. И кто он, твой избранник? — пролепетала тётя.

Дениз — черноволосая, смуглая девушка с карими глазами, пышными формами и вечно недовольным выражением лица. Она нехотя вытянула руку и передала тёте Зехре кольцо для дальнейшего рассмотрения и обсуждения.

— Я видела его всего раз. У него в Бодруме живут родственники. Он гостил у своего кузена. Тот продаёт пахлаву на местном рынке и вообще ещё тот бизнесмен. Сам Метехан — так его зовут — занимается покупкой и продажей машин, ремонтом. Он очень богатый молодой человек.

— У них своя автомастерская?

— Нет, пока нет. Но он стремится. Свадьба будет шикарная. Не только же Чичек выходить замуж за богача. Моя очередь тоже пришла. А до Сечиль она и вовсе не дойдёт.

И Дениз со своей мамой синхронно засмеялись.

— Ну, у каждого своя судьба, особенно в любовных вопросах. Помню, ты, Пакизе, вышла замуж только в двадцать шесть. А по тем временам это было стыдно.

— Прекрати, Мерт. Не видишь — у девочки праздник. Порадуйся. Не сердись, Дениз. А где сладкая девочка Бетуль?

Чичек встала и вышла в другую комнату. Оттуда появилась малышка Диджле и сама Бетуль. Она не была похожа на своих родителей по характеру. Кроткая, стеснительная. Всего девять лет от роду, а уже стала подарком в доме Оздемир. Второй ребёнок.

— Дорогая Бетуль, расскажи нам о себе. Будешь кушать? Я приготовила специально для тебя долму, семит, пахлаву.

— Буду, спасибо, тётя.

— Да не за что. Так на чём мы остановились?

Мы с Чичек переглянулись, и она произнесла:

— Мама, мы пойдём. Нужно уложить Диджле, она капризничает.

— Ну так идите. Не мешайте слушать историю любви.

Мы с сестрой подняли брови, пытаюсь не рассмеяться.

— И вот он мне говорит: «Ты красивая». А я ему: «Я прекрасно знаю». Ну ничего. В паре должен быть человек, наделённый красотой, а другой — просто быть.

— Золотые слова, дочка.

Удалившись в столовую, подальше от этих великих речей, мы пошли отдыхать. Сегодня я сплю с ними, так как моя спальня будет занята дочерьми Пакизе.

Уже под ночь, лёжа в кровати рядом с Чичек, мы тихо смеялись над этой семейкой. Диджле мирно спала в своей маленькой кроватке.

— А какие важные... Помнишь, они всегда нам завидовали? А мама не замечает.

— Она любит их.

Чичек взяла мою руку и прошептала:

— Я думаю, она хочет заполнить пустоту после утраты брата. Она любила дядю Мехмета. Да и твою мать тоже... другой любовью. Она видела, что тётя Анна делает его по-настоящему счастливым.

Слеза скатилась по моей щеке.

— Я всегда думала, что тётя не любит меня. Лишь терпит. Моя мать была иностранкой и не вписывалась в традиции консервативной турецкой семьи.

— Ты что? Разве стала бы она тогда тебя воспитывать?

— Это был её долг перед братом.

— Это неправда. Я сейчас кое-что тебе расскажу. Лет пять назад я подслушала разговор. Оказалось, после утраты, когда ты осталась сиротой, с мамой связались твои родственники из России. Они хотели забрать тебя к себе. А мама отказалась. По документам Турции ты — единственная законная наследница состояния твоих родителей. Семья узнала об этом и думала, что, удочерив тебя, сможет распоряжаться имуществом как законные представители несовершеннолетнего ребёнка. Ну и плюс у них была бы возможность жить на две страны, путешествовать.

— И? Я помню только дядю Ивана. Но он бы не стал.

— Именно он и его жена Карина предложили маме отдать тебя. За отдельную плату, конечно. Там всё было очень мутно. Мама отказала и взяла опеку под свою ответственность.

Да, возможно, она не проявляла должной любви, но точно любила. И любит. Ты — единственное напоминание о её брате. Пусть не внешне, но внутренне. У тебя его характер. Мама постоянно это говорит, когда сидит с папой на диване. Ты такая же упёртая и сильная.

После этих слов я ещё долго не могла заснуть. Каково бы это было — жить там, в России? Была бы я счастлива? Действительно ли тётя любит меня? С этими мыслями я провалилась в пучину сна.

— Сколько вам нужно, чтобы вы молчали?

Женщина протягивает листок с шестизначной суммой, и я ахаю.

— У меня нет таких денег. Вы понимаете?

— Если есть деньги на такой дорогой браслет, то найдутся и на то, чтобы информация о вас не слилась в прессу. Думаю, они будут очень рады увиденному. Сенсация года. Айлин Алтун, дочь богатейшего бизнесмена...

— Молчите! Умоляю, я достану деньги. Только дайте мне месяц.

— Месяц? Это очень долго. Максимум — неделя. Это моё последнее слово. Если через неделю, восемнадцатого числа, вся сумма не будет лежать в конверте... Ну, вы понимаете. Грянет скандал. До свидания.
Стук каблучков заполнил пустое обшарпанное кафе.

ГЛАВА 5

АЙЛИН

Дорогой дневник, сегодня тот день, когда я чувствую себя опустошённой. Страх прошлого идёт со мной. Он безжалостно догоняет. В ту ночь я...

В дверь неожиданно постучали. Убрав самое сокровенное, что у меня есть, я встала. На пороге показалась наша домработница Каяна.

— Вам просили передать, госпожа.

— Кто?

— Сказали, что вы знаете.

Мороз прошёл по коже. Не может быть.

— Ты свободна.

Каяна кивнула и тут же удалилась. Нельзя сбрасывать со счетов даже прислугу. Каждый в этом доме может знать что-то... Этот человек до сих пор не проявил себя должным образом, а я, при всех своих мозгах, не в состоянии выяснить его личность. Он умён настолько, что пугает.

Развернув конверт, я расширила глаза от шока.

«Пора действовать. Время — то, что неподвластно и вам, госпожа Айлин».

Кто же ты такой? Кто?

От переполнявших меня страха и гнева я разорвала угрозу на мелкие клочки. Пусть попробуют. Они не знают, с кем связались.

— Айлин, дочка, собирайся. Мы выезжаем.

Я совсем забыла про ужин. Новые партнёры отца собственной персоной. Все соберутся, будут обговаривать ничьёмные, построенные на крови отношения, попивать дорогое шампанское и разглагольствовать о сложностях жизни. Терпеть не могу. Многие скажут, что это становится рутинной, если живёшь в подобной системе. Однако это не так. Наоборот, мы как никто другой понимаем, на что идут люди ради денег. Познав власть, человек захочет править всем и всеми. Без разбора.

— Айлин!

— Да, мама, я собираюсь.

Деловые переговоры прошли более чем гладко. Отец пребывал в наилучшем настроении, радовался и смеялся. Он кажется таким настоящим... Если бы мы все не знали, что это

фальш. Чего не сделаешь ради ещё одного успешного контракта.

Ковыряя вилкой в тарелке с салатом, я обернулась вправо. Мои кузены сидели вместе со своими пассиями. Как мило. Меня начинает тошнить от запаха ванили в воздухе.

Остался час — и мы уедем. Скорей бы.

— Боран-бей, у вас прекрасная дочь.

— Она красавица. Белое платье оттеняет её смуглую кожу.

Я тактично улыбнулась седому старику.

«Можешь льстить сколько угодно, но я никогда не буду твоей. Облизывайся на здоровье, господин Кайрас. И вообще, что за древние комплименты? Смуглая кожа? На себя посмотри!»

— Она у нас такая. — Отец взял руку матери. — Мы с Мерьем привили ей самые лучшие манеры. Она и её кузены, до смерти моего покойного брата, обучались по одному стандарту.

— Воспитание прекрасное.

— Благодарю.

Отец, явно желающий продолжить диалог, перевёл взгляд на Керема. Моё сердце забилося быстрее. Именно сейчас я смогла внимательнее его изучить. Он был в сером костюме-тройке, идеально сидящем на нём. Волосы прилизаны. На руке — фамильные золотые часы. Турецкий Бонд, не меньше.

И почему я ощущаю себя такой никчёмной рядом с ним? Хотя нет, я знаю ответ. Я сама виновата. Это я. Я. Если бы я тогда этого не сделала, всё было бы по-другому.

Только я и мой дневник знаем правду о произошедшем. И мне до сих пор тяжело смотреть на него. Смотреть и желать. Желать недостижимое... невозможное, несбыточное.

— Керем, как продвигается сделка со строительной компанией?

— Всё в полном порядке. Через три дня подпишем все необходимые бумаги. Наши услуги им точно важны в суде. Их холдинг уже выделил немалую сумму.

— Приятно знать.

Пробило полночь, когда мы семьёй вернулись домой.

— Твой будущий муж звонил тебе. Почему ты не берёшь трубку?

Снова нотации. Но теперь от отца. Приятно.

— Потому что... ах, — вытащив вторую ногу из неудобной туфли, я мгновенно ощутила лёгкость.

— Я жду.

— Потому что я не хочу ему отвечать. Я устала.

Попросив мать пойти на кухню и поставить чайник, потому что он пьёт только приготовленный ею напиток, папа поравнялся со мной.

— Если ты что-нибудь выкинешь, как много лет назад, я лишу тебя всего. Я не хочу быть с тобой строгим, дочка. Но отец Араса нам очень нужен. Ты же знаешь, у них не только университет, но и авторитет, деньги, акции в конце концов. Арас и Лейла из семьи поднявшегося магната. С ними мы будем процветать.

— Я спать.

Отец перехватил меня и насильно притянул к стене. Его взгляд не предвещал ничего хорошего.

— Ты меня поняла?

— Да, — с той же злобой прорычала я. — Поняла. Тебя интересует лишь выгода.

— Это не выгода, а инвестирование в будущее. В будущее! Твоё, матери, моё, внуков. Арас — замечательный вариант и для тебя, и для нас. Ровня.

— Но Лейла и так замужем за Алтун.

— Мне нет дела до какой-то Лейлы. А Яман — человек, который в миг может потерять и её, и ребёнка. Он — игрок судьбы. Ты — моя дочь. К сожалению, единственная. Но моя. Моя собственность. И если я сказал «без глупостей», значит, так и будет.

— Хорошо, отец.

Он погладил меня по щеке и поцеловал в лоб.

— А теперь иди спать. Уже поздно. А мы с мамой ещё попьём ночного чаю.

Я вымученно кивнула и поплелась в спальню. Так всегда. Сначала ты считаешь, что у тебя есть выбор и возможность влиять на события, но тут же эту возможность у тебя отнимают.

— Что это?

В комнате стоял цветочный запах. Ну конечно. Цветы.

— Терпеть не могу цветы. Особенно розы. Арас начинает действовать мне на нервы.

Я подошла к столику и принялась. Красные розы. Банальщина. Подождите... записка? Какая-то слишком большая.

«Моему ангелу».

Я усмехнулась. Какой же Арас романтик. Жаль, что я не ценю этих телячьих нежностей.

Ах. Бумага полетела на пол. Что за чёрт... Это же...

«Моя милая Айлин, я считаю минуты до твоей смерти. А пока хочу, чтобы ты знала: твоя тайна больше не тайна. Сегодня мне не очень понравилась твоя реакция на утренний конверт. Что ж, ты сама выбрала этот путь. Каждый день я буду присылать тебе и ещё кое-кому записи из твоего личного дневника. Вот запись номер один. Но ты не бойся. Нужный отрывок ещё нескоро дойдёт до необходимого адресата.

Сладких снов, Айлин. Надеюсь, ты уничтожила всех монстров у себя в голове...»

Мои руки задрожали. Я закричала и начала крушить всё вокруг, безжалостно ища дневник.

Его нет.

Нет, нет, нет. Мне конец.

Но... все близкие были на ужине. А это значит, что в дом проник кто-то чужой. Пора проверить всю прислугу и камеры видеонаблюдения.

Боже, что будет, если все узнают... И кому этот сумасшедший отослал копию?

ГЛАВА 6

ЗАПИСЬ ДНЕВНИКА

Кому: скрыто

От кого: скрыто

08 августа 2012

— Сколько тебе лет?

Я смотрела на эту женщину уже три года и не понимала, зачем меня к ней водят.

— Сколько тебе лет, Айлин?

Я встретилась с ней взглядом и ухмыльнулась. Она глупа, если думает, что я отвечу. Мне надоело. Каждый поход сюда оборачивается очередными таблетками.

— Скажи, сколько тебе лет, дорогая?

— Будто вы не знаете, дорогая. Пичкаете таблетками и учите меня логическим методам. Оставьте меня в покое.

— Госпожа Мерьем просила оказать вам помощь, Айлин. Вы снова их видите.

— И вы считаете меня сумасшедшей? Пытаетесь вбить мне в голову, что я сошла с ума. Что ж, каждый из нас когда-то оказывался на грани.

— Знаешь, Айлин, мне очень нравится общаться с тобой. Ты мыслишь как взрослая личность, прошедшая через множество бед и страданий. Через опыт рождаются умные мысли и высказывания.

— Я знаю, что умна. В отличие от меня, вы за эти годы не сказали ничего конструктивного. Один фарс. Глупо и неприятно. Моя мать платит вам огромные суммы, а вы как сорока бросаетесь на всё, что блестит. Она сказала: «Моя дочь видит существ и монстров. Она не в порядке».

А вы ей: «Я знаю причину и найду противоядие». По щелчку денег любой предъявит услуги по любой прихоти плательщика.

— Понимаю, ты не хочешь меня слушать...

— Я прекрасно вас слышу. У меня есть уши. Только воспринимать информацию, которую вы даёте, я не обязана.

— Всё верно. Давай перейдём к терапии. У меня трое детей, и я пытаюсь помочь и им — материально, и тебе — морально. Это моя последняя попытка, и больше аудиенций не будет.

— Не будет? — переспросила я.

— Нет, это наше последнее занятие. Помогите мне — а я тебе. Скажи причину, и всё. Почему ты их видишь?

— Потому что они всегда рядом с нами. Они в нашей голове. Они близко.

— Айлин, давай поступим так. Ты говоришь госпоже Мерем, что я превосходный специалист, а я не назначаю тебе препараты. Дам простой совет: возможно, нужно убрать источник твоих проблем. Ясно, что ты мне ничего не рассказываешь, но в твоей жизни есть фигура или фигуры, которые заставляют подсознание искажать действительность. Боль, причиняемая тебе, находит выход именно так. Во снах. В жизни. И никакие препараты не помогут, пока рядом будет то, чего ты боишься. Страх убивает изнутри. Мрак легко потушит свет, а свет уничтожит мрак. Главное — найти баланс. Ты слишком умная для нас. Поэтому

мне больше нечего сказать.

— Договорились, госпожа Несрин.

СЕЧИЛЬ

Три месяца работы в корпорации Алтун были изнурительными. Но, кажется, мой план потихоньку начинает действовать.

Втереться в доверие к Яману-бею оказалось проще, чем я думала. Конечно, это не тот брат, который мне нужен. Но их общую репутацию можно испортить и так.

Стоя перед зеркалом в своей комнате, я смотрю на отражение. «Ты сможешь причинить им боль? Разве такой тебя воспитывали?»

Одна слеза скатилась по щеке. Я яростно её стёрла.

Я должна. Ради своего прошлого. Ради справедливости.

— Мне так больно. Так больно.

Эта боль — сквозь прожитое, которого я лишилась в один миг. Я уничтожу их систему изнутри.

Месяц назад я познакомилась с руководителем компании, которая соперничает с Алтунами. Его номер у меня. Нужно позвонить и договориться о встрече.

Набрав номер и поднеся телефон к уху, я произнесла:

— У меня есть очень важная информация касательно сделки с «Роул-корпорайзинг». Думаю, вы заинтересуетесь...

На другом конце ответили утвердительно и назвали место встречи. Ночное время.

Я вымученно улыбнулась и подошла к прикроватной тумбе. Открыв потайное отверстие, вытащила старую потрёпанную газету. 2020 год.

30 июня 2020 года.

Трясущимися руками я провела по фотографии семьи, изображённой на главной странице. Шокирующее событие, произошедшее в Стамбуле.

Я всегда думала, что нужно отпускать плохие эмоции из груди. Простить человека раз и навсегда. Не добавлять в свою карму лишний повод для стыда. Ведь так гласит мудрость праведников, людей, проживших долгую и насыщенную жизнь. Только когда человек сталкивается лицом к лицу с непоправимым, он перестаёт мыслить о добре и зле. Потому что будь мир добрым, не случилось бы бед. Невинные не болели бы. Не умирали. За них это делали бы порочные, алчные, жалкие существа, которые смело называют себя «людьми».

Всю жизнь задумываешься, почему дети заболевают, а серийные убийцы живут свою лучшую жизнь, тая сокрушительные тайны своего бытия. Уничтожение — единственный выход для искоренения таких.

И сейчас я взяла на себя бремя — уравновесить чаши мира. Око за око — самый подходящий девиз.

— Сечиль, ты разве не должна уже выходить на работу?

— дядя Мерт всегда беспокоится обо мне, как о собственной дочери.

— Дядя, у нас сегодня интерактив. Меня заберёт Жюли.

— Хорошо. Мы с тётей уехали на рынок. Еда в холодильнике. Чичек тоже ушла.

Я вышла к дяде Мерту. Он уже был в прихожей и обувался.

— А куда ушла Чичек?

— Тайна. Мать всё пыталась выяснить, но бесполезно. Ну, давай. Удачного дня.

— И тебе, дядя.

Хм. Чичек. Неужели ты с тем мужчиной? Самое главное — чтобы ты была счастлива, сестра.

Пик. Пик.

Сообщение от Жюли: «Бонжур, госпожа Сечиль. Я приехала».

Выхожу...

Быстро печатаю ответ и надеваю новый спортивный костюм. Кто придумал бегать и прыгать вместо рабочего дня на свежем воздухе? Для человека, никогда не горевшего желанием заниматься спортом, звучит жутко и пугающе. Будем соревноваться и поднимать боевой дух.

Но я иду туда лишь с одной целью...

Я встречу спустя столько лет её... Лейлу Алтун.

13 марта 2014

Сегодня мой десятый день рождения.

Привет, дорогой дневник. Я буду вести тебя всю свою жизнь. Если, конечно, доживу до определённого возраста.

Итак, имя: Айлин Алтун.

Возраст: 10.

Знак зодиака: Рыбы. Родилась 13.05.2004.

Место и время рождения: город Анталья, Турция, 16:16.

Интересный факт обо мне: в три года я начала складывать и умножать цифры, читать книги и изрекать философские вещи. Три языка. Специализированная школа. Сейчас я на каникулах и отдыхаю.

Выше я прикрепил свой последний диалог с доктором Шанди. Но я всё ещё их вижу. Только теперь во снах. Они не отпускают меня никогда. Поначалу я всё рассказывала родителям, но поняла: чем меньше они знают тёмного о своём ребёнке, тем лучше для самого ребёнка.

Итог: я очень умная не по годам. В школе проходила тест на внутренний возраст, и выяснилось, что мой мозг работает как у человека в сорок лет. Прожитая жизнь в маленьком ребёнке. Только вот мама не любит рассказывать всем о моих способностях. Она надеялась на обычного ребёнка, но у судьбы были другие планы.

СЕЧИЛЬ

Загородный комплекс Алтун-холдинга включал четыре отдельные зоны. В первой поселились мы: дома на свежем воздухе, стилизованные под дерево, кафе и бассейн. Остальные части огромной территории были зарезервированы за несколько недель вперёд.

Администратор вежливо провёл экскурсию. В самом домике есть санузел, кухня и две маленькие, но уютные спальни. В одной — я, в другой — Жюли. С остальными коллегами я, к сожалению, почти не общаюсь. Но это можно исправить.

— Вот расписание дня.

Я взяла персональную программу мероприятий и ахнула. Да тут всё расписано по минутам. Какой же это отдых?

— Жюли, что за «Ловля пернатого»?

Она начала смеяться.

— Я не очень люблю, когда надо мной смеются. И не говори мне ответа на мой вопрос. Я пропущу несколько пунктов и приступлю к самому заветному: час спа, затем массаж, а после бассейн. И вот: ВЕЧЕРНИЙ КОСТЁР. Будут подавать УТКУ ПО-БАЛИЙСКИ. Звучит аппетитно.

— Но госпожа Сечиль, нельзя! Ислам-бей сейчас придёт за нами. «Ловля пернатого» — это интерактив. Проще говоря, полоса препятствий.

— То есть ты пытаешься сказать, что мы будем бегать?

— Если коротко, то да. А вот и он.

Ислам-бей, руководитель отдела по уголовным делам, мужчина лет пятидесяти, на вид грозный и угрюмый, проводил нас и поделил на команды. Вскоре к нам присоединились

Яман, Керем, его друг и две девушки. Одна из них — Лейла Алтун. За восемь лет она вообще не изменилась. Те же волосы вороньего цвета, только теперь подстриженные под каре. А другая...

Я спросила у Жюли, не Айлин ли это Алтун.

— Да, это Айлин Алтун, дочь Борана-бея. Она закрытая и почти неразговорчивая.

— Красивая девушка.

Это была чистая правда. Перед нами в обтягивающем спортивном костюме стояла темноволосая, смуглая, кареглазая девушка с ровным тонким носом и точеными чертами лица.

— Команды, стройтесь.

Не думала, что следующие два часа буду заниматься фи-

зическими нагрузками. Мероприятия довели нас до трёх состояний: тревоги, слёз и принятия. Уже сидя после финиша, я пыталась прийти в себя. Наша команда под руководством Ямана-бея проиграла команде Керема-бея. Он так радовался своей победе, что его мерзкая улыбка не сходила весь вечер.

— Лимонад?

Красивый молодой мужчина смотрел на меня пронзительными зелёными глазами, которые сочетались с русыми волосами. Необычная и крайне редкая внешность. Совсем как у меня.

— Спасибо.

Улыбнувшись, я взяла стакан и утолила жажду.

— Вы друг семьи Алтун?

— Да. И по совместительству партнёр. Селим Узайоглу.

Строительство офисов и многоквартирных домов.

— Ваша компания называется «Дирзанг»?

— Верно. А вы, я погляжу, подготовились.

— К таким мероприятиям готовишься тщательнее, чем к допросу. Особенно если знаешь, что придётся бегать в мешке.

Селим улыбнулся — открыто, по-мальчишески.

— Бег в мешке с вашим участием стал лучшим событием этого вечера. Вы были так сосредоточены, будто от этого зависела судьба компании.

— Так и было. Я пыталась не упасть лицом в грязь в прямом смысле.

— У вас отлично получилось. Почти.

— Почти? — я вскинула бровь.

— Ну, падение на финише добавило драматизма. Зато теперь вас запомнили все.

— Великолепно. Именно этого я и добивалась. Теперь меня будут звать «та самая девушка, которая целовала землю перед Керем-беем».

Селим рассмеялся. У него оказался приятный, заразительный смех.

— Керем-бей такое не забудет.

— Вот и пусть. Ему полезно иногда видеть, как кто-то падает.

— Опасная вы женщина, госпожа...

— Сечиль. Сечиль Сахин.

— Опасная вы женщина, Сечиль Сахин. Мне это уже нравится.

— Рано радуетесь. Я ещё не рассказала, как однажды облила вашего драгоценного Керема кофе.

Селим округлил глаза и подался вперёд:

— Это правда?

— Абсолютная.

— Тогда вы точно обязаны рассказать мне эту историю. За ужином. Или завтра. Или прямо сейчас.

— Прямо сейчас у меня лимонад и жгучее желание до-
браться до спа.

— Конечно, но я не могу не пригласить вас на настоящий
ужин. Без мешков, без полосы препятствий.

Я на секунду замолчала. А он, оказывается, не промах.

— Посмотрим. Я девушка занятая.

— Я терпеливый.

— Это полезное качество.

— Особенно если собираешься жениться на женщине, ко-
торая целует землю перед вашим деловым партнёром.

Я снова засмеялась. С ним было легко. Подозрительно

легко. Но именно сейчас мне это было нужно.

— Ладно, Селим-бей. Ужин — это не допрос. Я подумаю.

— А я буду ждать. И кстати... — он наклонился чуть ближе и понизил голос, — та девушка, Лейла Алтун, уже пятый раз смотрит в нашу сторону. Вы знакомы?

Я перевела взгляд. Лейла стояла неподалёку со стаканом сока в руке. Красивая, отстранённая, окружённая чужим вниманием. Она действительно смотрела на нас. Но во взгляде не было ни интереса, ни узнавания. Просто лёгкое любопытство, какое бывает при виде нового лица.

— Нет, — сказала я ровно. — Не знакомы.

— Странно. Она смотрит так, будто пытается вспомнить, где вас видела.

— Возможно, просто оценивает мои испорченные штаны

после бега и потрепанный внешний вид.

Селим снова улыбнулся.

— Тогда она наверняка завидует. Не каждой удаётся так эффектно закончить командные игры.

Я усмехнулась, но внутри всё сжалось.

Лейла не помнит.

Совсем.

Через час, когда мы с Жюли возвращались в домик, Лейла сама подошла к нам. Вблизи она была ещё красивее: гладкая кожа, тёмные волосы, дорогой лёгкий аромат. Она вежливо улыбнулась.

— Простите, вы новенькая? Я вас раньше не видела.

— Да. Сечиль Сахин. Помощница Ямана-бея.

— Лейла. Очень приятно.

Она протянула руку. Я пожала её. Тёплая, мягкая ладонь. Никакого подвоха.

— Как вам мероприятие?

— Утомительно, — ответила я. — Но интересно.

— Вы хорошо бегали. Я видела.

— Спасибо.

Лейла улыбнулась, но уже чуть отстранённо, как улыбаются людям, с которыми не планируют продолжать разговор.

— Ну, удачи вам. Увидимся вечером у костра.

— До встречи.

Она ушла. Легко, не оборачиваясь.

Я стояла и смотрела ей вслед. Она так и не вспомнила. Ни моего лица, ни имени, ни того, что было восемь лет назад. А я ведь надеялась, что при встрече увижу в её глазах хотя бы тень узнавания. Хоть что-то.

Но нет.

Для неё я — просто новая помощница Ямана.

Пустое место.

И, возможно, именно это разозлило меня сильнее всего.

ГЛАВА 7

ОТ КОГО: НЕИЗВЕСТНО

КОМУ: НЕИЗВЕСТНО

07 декабря 2014

Ёлка горит разноцветными огоньками. Скоро будут дарить подарки Керему и Яману. Они близнецы, мои двоюродные братья, которые унаследуют всё состояние моего и их отца, потому что имущество в нашей семье передаётся по мужской линии.

Столкнувшись с близнецами, все задают один и тот же вопрос: «Они и правда такие одинаковые?»

Мой ответ — нет. Внешне, конечно, одно лицо. Но внут-

ренне они как огонь и вода. Яман — вихрь. Сносит всё на своём пути, постоянно перечит отцу и матери. Ему ничего нельзя доверить — потеряет по дороге. Чего не скажешь о Кереме. Керем — эталон контроля и спокойствия. Сдержанный от природы, он пытается обуздать непоседливого брата. Пока тщетно.

Хотелось бы и мне иметь родную сестру или брата. Но у своих родителей я — долгожданный единственный ребёнок.

Ах да, забыла написать. В семье Алтун, помимо меня, Керема и Ямана, есть ещё моя кузина по матери — Йылдыз. Она всегда с нами, всегда в центре событий. Умом особо не блещет, но как подруга сойдёт.

Йылдыз влюблена в Ямана. Иногда она их не различает. Пытается подойти к Яману, а оказывается, это не он. Смешные ситуации. За это я и люблю Йылдыз. Она очень смелая, через кочки идёт к своей цели.

Она старше меня на два года, но ни ростом, ни лицом этот факт не выдаётся.

— Пора к столу, дети.

Рубина, мать близнецов, приятная и мудрая женщина с привлекательной внешностью, провожает нас к столу и садится вместе со всеми.

Постоянно замечаю, что мой отец — Боран — любит наблюдать за Рубиной. У неё есть восточные корни, но родилась она в семье нефтяных магнатов Ишивальди. В общем, стереотип «деньги идут к деньгам» работает.

— Рубина, можно мне слово?

Её муж, грозный и статный, черноволосый дядя Озгюр, начинает говорить пожелания на шестнадцатилетие близнецов.

— И пусть вы найдёте своих вторых половинок, как я, и мой брат, и все присутствующие. Берегите молодость и воспользуйтесь ею.

— Ну всё, милый. Пусть уже поедят. Трапеза открыта!

И все приступили к еде.

На столе было столько яств, что глаза разбегались.

Я сидела между Йылдыз и мамой, которая на любой мой жест тихо шептала:

— Не чавкай. Сиди прямо. Сколько раз говорила: телефон не должен лежать на столе. Не смотри так на людей. Дуй на еду, она горячая. Айлин, дочка, ты меня вообще не слушаешься.

Моё терпение было на исходе. Я очень устала. Гиперопека не лечится. Вот бы отец хоть что-то сказал, пригрозил матери. Но нет. Он сидит и мило беседует со всеми. Ну конечно. Он хотел мальчика — продолжателя рода, а получил меня. Нет, он любит меня, но не той искренней любовью, какая должна быть между отцом и дочерью. Слишком холодный, отстранённый, молчаливый. Полная противоположность своему брату. Моя мать такая же, как он. Поэтому они с завистью смотрят на семью Керема и Ямана.

КЕРЕМ

— Что это было вчера?

Мой давний и по совместительству лучший друг сидел напротив меня в баре, попивая виски и закусывая оливками. Конечно, вчерашнее общение между ним и этой наглой девчонкой Сечиль мне не понравилось.

— Селим, ты меня слышишь?

— Да, брат. Мне кажется, я влюбился. Сечиль. Знаю, ты её терпеть не можешь, но...

Я опешил. В смысле — влюбился? Какая ещё любовь? Селим такой же ветреный и непостоянный, как большинство парней с приличным состоянием. А у него оно не просто приличное, а безумно огромное. Нет, нет, нет.

— Ты перегрелся. Я тебя не узнаю, Селим.

— Я сам себя не узнаю.

Друг, уже выпивший больше своей нормы, начал ози-
раться по сторонам в пьяной манере.

— Да ты перебрал. Пойдём. Урман отвезёт нас.

— Твой водитель? У тебя его нет.

— Я взял его, потому что собирался пить. Ты не забыл?

Он кивнул, и мы вышли из бара. Стоя на парковке, Селим
начал бездумно говорить. Всякую чепуху.

— Она одна такая. Я предложил ей встретиться, но ду-
маю, откажет. А ведь мне никто не отказывал, понимаешь?
— Он схватил меня за воротник. — Я полюбил. Впервые.

А она такая... не такая. Я смотрю на неё и думаю: вот моя будущая жена. Ты скажешь, что я сошёл с ума. Да, наверное, сошёл. Но когда Сечиль там бегала, прыгала, я был в восторге! Её шарм, обаяние, эта внешность. Ты же заметил, брат, её белокурые волосы, голубые глаза. Ох, эти голубые глаза... Я бы их...

— Так, машина приехала. Пошли.

Мы поплелись к водителю. Через пять минут Селим уже храпел на заднем сиденье, а я всё вспоминал его слова. Мне совсем не нравилось, что друг думает о ней. Нет, я не ревную. Да и зачем? У меня есть Ханде. А если не Ханде, то другая. Но почему, видя её, я всегда хочу выбесить Сечиль? Сделать так, чтобы она заметила меня, и её лицо преобразилось. Эти яркие глаза, ямочка на правой щеке, то, как она хмурит брови, когда я появляюсь в поле зрения.

— Господин Керем, вам звонят.

И правда. Я так задумался, что не заметил. На дисплее высветилось: «НЕ ОТВЕЧАТЬ».

Снова она? Хватит названивать каждый день. Когда поймёт, что я не отвечу? Её одержимость переходит все границы.

— Господин Керем, вас отвезти на квартиру или домой? Рубина-ханым спрашивала, где вы.

Только не мама. У неё всегда на уме одно: женить меня, как брата. Это невыносимо. Насколько я её люблю, настолько же меня отталкивают её попытки.

— В квартиру. И быстрее.

Дзынь. Открываю только что пришедшее сообщение.

Ханде: «Я жду тебя дома. Тебе понравится».

...: «Еду».

Вот и планы на ночь появились. И теперь я выкину из головы невыносимую и такую манящую Сечиль Сахин. Ты не будешь в моих мыслях. Не будешь.

Утром я чувствовал себя полностью разбитым. Приснился отвратительный кошмар с участием упомянутой особы. Отвратительные сновидения доведут меня до белого каления. Сколько можно меня мучить? Хватило унижений и оскорблений с нашей первой встречи. Тот злополучный кофе на всём теле и ощущение невозможности. Обычно никто не разговаривал со мной так. Она — первая и последняя, кому я позволил. А теперь ещё и Селим. Как можно было пригласить её на ужин? Мы говорим об одном и том же человеке? Что ему вообще могло в ней понравиться? Её длинный язык без костей и колкости? Хм, не знал, что у людей бывают такие фетиши.

Встав спозаранку, я приехал в компанию. На первом этаже молоденькая Карин передала информацию по клиентам.

— Господин Натаниэль приедет не в пять, а в шесть. Он

попросил войти в его положение. У него жена рождает.

— Это веская причина. Хорошо. Утверди расписание и передай Альпу.

Нажав кнопку лифта, я смотрел на своё отражение. Усталый, замученный вид. Кто виноват, что, проснувшись рядом с Ханде после приятной ночи, я сквозь сон случайно назвал её другим именем? Каким — вы и так догадались. Как она орала, злилась, бегала туда-сюда. И это в пять утра. Сколько же в ней энергии. И сколько всего я упустил из-за этой несчастной Сечиль. Она уже даже в кошмарах снится. Не хватало ещё сейчас увидеть её — и день будет обречён на «успех».

Зайдя в лифт, я нажал кнопку нужного этажа и прислонился к стене, прикрыв глаза. От нехватки сна гудела голова. И тут двери лифта разъехались, впуская её.

Сечиль.

Да судьба смеётся надо мной!

Она вошла быстрым шагом, даже не взглянув, нажала кнопку и встала у противоположной стены спиной ко мне. Идеально выпрямленная спина, пучок без единого выбившегося волоска, строгий костюм, сидевший как вторая кожа. Даже затылок у неё был вызывающе гордым.

Я скривился. Каждый раз, когда видел её, внутри поднималось раздражение. Эта женщина появилась в офисе внезапно и, в некоторой степени, благодаря мне. Но она терпеть меня не могла и с первого дня вела себя так, будто это она здесь главная. Никогда не улыбалась, не заискивала, не боялась. Я привык, что женщины смотрят на меня, а не сквозь меня, как на пустое место.

— Вы не могли бы подождать следующий лифт? — бросил я ей в спину. — Я хотел бы проехать в тишине.

Только теперь она заметила меня и испуганно дёрнулась.

— А я не хотела бы видеть ваше лицо по утрам, — ответила она. — Но увы, у меня работа, а не капризы.

— Знаете, Сечиль, я всё думаю, как вам удаётся быть такой... такой заносчивой?

Я сжал руки в кулаки. Её было слишком много вчера, сегодня, всегда. Она никак не могла покинуть мои мысли.

— И эта манера смотреть на людей так, будто вы выше их. Смешно, учитывая, что вы всего лишь секретарь моего брата.

Она медленно повернулась. Льдисто-голубые глаза сузились, но голос остался спокойным.

— А вы, Керем-бей, не очень свежо выглядите. Тяжёлая ночь? Вы такой же серый, как ваш галстук. И ещё вы пустой. Как бумага, на которой ничего не написано. И это я ещё не припомнила вам «собачку» и все ваши «принеси-подай».

Я в одну секунду шагнул к ней.

— Я пустой? Да я создал эту компанию, пока ты в школе училась.

— Создали? — Сечиль усмехнулась, и в этой усмешке было столько презрения, что я опешил. — Вы унаследовали её от папочки и просто не разорили. Это не создание. Это умение не упасть в грязь лицом. Но не волнуйтесь, — она поправила воротник моего пиджака с таким видом, будто делала мне одолжение, — я никому не расскажу, что под этой маской вы просто испуганный мальчик, которому дали игрушки, но не дали ума.

Я перехватил её запястье.

— Ты хоть понимаешь, с кем разговариваешь?

— С мужчиной, который боится, что какая-то секретарша умнее его? — она не пыталась вырваться, только посмотре-

ла на мою руку с лёгким отвращением. — Отпустите, или я закричу.

Она была невозможной. Невыносимой. Самой раздражающей женщиной, которую я когда-либо встречал. И в то же время я не мог отвести от неё глаз. Этот вызов в глазах, эти губы, выплёвывающие ядовитые слова...

Лифт дёрнулся, загудел, мигнул свет — и остановился. Где-то между этажами.

— Отлично, — процедила Сечиль, выдёргивая запястье. — Застряли. Карма настигла вас за ваши слова. Но, к несчастью, я тут с вами.

— Я? Это ты во всём виновата. У тебя аура демоническая. Плотоядная. Дай посмотреть.

Я оказался прямо перед ней, пытаюсь отодвинуть её, освобождая обзор на кнопки. Между нами было не больше ладони. Я чувствовал её дыхание, видел, как в глазах мелькнула

паника.

— Если сейчас не отойдёте, я...

— Что? — перебил я, нависая. — Что ты сделаешь? Ударишь меня? Попробуй. Будет шанс показать свою силу. Или ты трусиха, блондиночка?

Она толкнула меня в грудь, но я не сдвинулся. Вместо этого схватил её за плечи и прижал к стене.

— Ты слишком много себе позволяешь, — прошептал я, глядя ей в глаза. — Слишком много.

Дыхание Сечиль участилось, но она не отвела взгляда. Смотрела с вызовом. Зрачки расширились. Наши лица были в сантиметре друг от друга.

Я чувствовал запах её духов — цветочный, с ноткой вишни. Это сводило с ума. Её губы были приоткрыты, и я видел,

как она облизнула их кончиком языка.

Машинально. Невольно.

— Пошёл ты, — тихо выдохнула она.

И я сорвался.

Сначала ударил ладонью по стене рядом с её головой. Потом впился взглядом в её рот. А затем просто припал к нему. Жестоко, грубо, без нежности. Целовал так, будто хотел выместить всю злость за эту неделю.

Она на секунду оцепенела, а затем ответила. Не мягко. Агрессивно. Вцепилась в мои волосы, потянула, заставляя наклониться ниже, и укусила за губу — до крови.

Я зарычал от боли и удовольствия. Руки сжали её талию, притягивая ближе, так что она почувствовала, как моё тело дрожит от напряжения. Это был не поцелуй. Это была борьба.

ба.

Через минуту искр, летящих между нами, она оттолкнула меня. Следующим действием был удар по лицу. Хлоп.

В моих глазах засветились звёзды.

— Если ещё раз сделаете такое, Керем-бей, пеняйте на себя.

— Захочу — сделаю. И ты мне не указ.

Сечиль едва спокойно дышала. Причёска в беспорядке, помада стёрта и немного выходит за контур губ. Боже, она была прекрасна в этом хаосе.

Свет зажёгся, лифт дёрнулся и поехал. Мы быстро привели себя в порядок. Это оказалось куда сложнее, чем казалось.

Двери открылись. На пороге стояли два сотрудника, чинившие лифт. Вовремя.

— Господин Керем, неполадка устранена.

— Отлично.

Но мы всё ещё стояли. Сечиль повернулась ко мне и яростно прошептала:

— Расскажите кому-то — я вас убью.

Я улыбнулся.

— Взаимно, дорогая блондиночка.

Она что-то неразборчиво прошипела и первая вышла из злополучного лифта.

Этот момент в закрытом пространстве я не мог забыть ещё долго... И самое страшное во всём этом было то... ЧТО МНЕ ПОНРАВИЛОСЬ.

ГЛАВА 8

ОТ КОГО: НЕИЗВЕСТНО

КОМУ: НЕИЗВЕСТНО

22 марта 2015

Этот день мы не забудем никогда. Я давно не писала в дневник — совсем не было времени. В нашей семье произошла трагедия. Авиакатастрофа. Отец Ямана и Керема погиб.

Подробности напишу позже. Я спешу. Надо утешить Керема. На нём нет лица. О боже...

23 марта 2015

Его привезли. Похороны завтра. Керем впал в депрессию, постоянно употребляет алкоголь. Яман, наоборот, горько плачет. Роли поменялись.

Даже пришла Ханде, девушка Керема. Но я её прогнала.

Да, мне одиннадцать, но я имею право её выгнать. Мама была не против. Они все в печали и горе. Никогда в нашей семье не было такого сближения. Однако мамина опека усилилась. Теперь я под защитой охраны 24/7. Это гложет, но я готова справиться ради него.

25 марта 2015

Прошёл день. В доме пустота и мрак. Отец настоял, чтобы Керем и Яман часто гостили у нас вместе с Рубиной. Хотя им уже восемнадцать. Керем постоянно пьян. Яман пытается привести брата в чувства.

СЕЧИЛЬ

Если бы кто-то спросил меня, может ли напряжение между мужчиной и женщиной перерасти в страсть, я бы ответила: может. То, что произошло два дня назад, до сих пор отчётливо стоит перед глазами. Этого не должно было случиться. Я всего лишь пришла на работу раньше положенного — и вот результат.

На душе лежит камень. Совесть не даёт заснуть. Я уже несколько часов лежу без сна, не в силах простить себя за такой необдуманый и стыдный поступок. Стыд — сильное ощущение? Для меня это мурашки от негодования и позора, которого можно было избежать. Я должна превратить их жизнь в ад. Отомстить. А по итогу целуюсь по углам, да ещё и с этим недоноском!

Было ли мне мерзко? К сожалению, нет. Должно ли быть мерзко? Вот это правильный вопрос. И ответ — да.

Мысли кружились нескончаемым потоком, снова и снова возвращая меня к той сцене.

Я и он. Расстояние в несколько сантиметров.

«Убери это из головы, Сечиль! Сейчас же!»

Я не заметила, как задремала. Пока будильник в виде мо-

ей племянницы не разбудил меня.

— Тётя! Привет, тётя!

Открыв один глаз, я увидела перед собой улыбающееся личико Диджле.

— Привет, милая.

Чмокнув её в щёку, я стала рассматривать её кудри. Волосы очень длинные, почти до поясницы. Кудри придавали образу лёгкость и воздушность. Наша красивая девочка!

— Тётя, мама готовит блинчики. С МАЛИНОЙ! Мои любимые!

Помню, как в детстве мама тоже готовила мне блины. Как мы с Доганом бегали наперегонки от стола к плите и обратно. Ох, мама тогда нас ругала. Доган однажды обжёгся, но принял это стойко, как боевой солдат. И только когда рука

стала краснеть и распухать, попросил отца помочь.

— Надо беречь себя, сынок. В жизни много всего может произойти, а тебе нужно защищать сестру.

— Я буду, отец. Вы все, а особенно Сечиль, — самое дорогое, что у меня есть.

— Молодец, Доган. Воспитывай своих детей так, как воспитали тебя мы. Семья — отражение тебя, твоей сути и принципов. Именно из неё выходит то, каким человек станет в дальнейшем. При правильном воспитании ребёнок вырастет с осознанием любви, счастья, добра и зла.

— Я понял, отец. Ай, больно!

Папа улыбнулся своей тёплой улыбкой и посмотрел на меня. От страха за старшего брата я держалась за него, как за спасательный круг.

— Сечиль, милая, ты можешь помочь?

Но я боялась. Боялась, что отпущу его — и он исчезнет. Навсегда. И больше никогда не будет шутить и играть со мной.

Водоворот воспоминаний выплюнул меня обратно в настоящий мир. От прошлого остаются лишь воспоминания и отголоски эмоций. Каждый хотя бы раз хотел повернуть время вспять. Увидеть улыбку человека, ушедшего в иной мир. Обнять, поцеловать, сказать слова благодарности и признаться в любви.

Я завидую людям, у которых есть шанс дотронуться до близкого человека, поговорить с ним. Но многие этого не ценят. Я знаю девушку, которая игнорирует попытки родителей помириться после незначительной ссоры. Это пугает. Пока горечь утраты не настигла её, она будет гордо выдерживать дистанцию. А потом её накроет ненависть. Ненависть к самой себе.

— Тётя! Пора вставать!

Мы начали собираться. На кухне уже сидели все: дядя, тётя и Чичек.

— Мы ждали вас. Присоединяйтесь к завтраку. Чичек приготовила блины.

Аромат стоял великолепный. Сколько я её помню, кузина обожала готовить. И у неё это прекрасно получалось. Мне до неё ещё учиться и учиться.

Умирая от проснувшегося голода, я взяла сразу несколько блинов и стала мгновенно их поглощать. Вкус — божественный.

— Они изумительные, сестра! Идеальны, как всегда.

— Рада стараться. Диджле, давай кушай.

— Сечиль, а кто этот таинственный мужчина по имени Селим?

Блин застрял в горле. Я начала запивать его чаем. Большим количеством чая.

Моя тётя умела ввести меня в ступор. Она от природы такая: бесцеремонно говорит всё, что взбредёт в голову.

За столом повисла угнетающая тишина.

Откашлявшись, я попыталась перевести тему. Но для тёти это стало ещё одним поводом для наступления.

— Это твой молодой человек? Почему не приведёшь его к нам? Пообщались бы.

О нет. Только не это.

— Мама, — начала Чичек, — не надо вмешиваться в чужую личную жизнь.

Тётя сделала самый невинный вид, отмахиваясь от слов дочери. Она всегда хотела выдать нас замуж. С Чичек удалось. Хотя и ненадолго. Фатих попросту не был её достоин.

— Я ничего не делаю. Мне интересно знать про вашу жизнь. А чем мне ещё заниматься в моём возрасте? Мы с отцом только и делаем, что лежим, спим, едим. Хочется разнообразия. И новостей. Так что, Сечиль, кто это?

Я закатила глаза. Я думала, тема закрыта. Но нет.

— Селим — знакомый. Пригласил на ужин. Сказал, что будет подобие двойного свидания.

— Какое-какое?

— Мы слишком стары для таких слов.

— Понял, — дядя Мерт посмеялся и сказал, что пойдёт играть в карты с друзьями.

— А он тебе нравится?

— Ну, он добрый. Вроде. Я знаю его всего ничего.

— А деньги у него есть?

— Мама, неприлично о таком спрашивать!

Тётя повернулась к дочери и прищурилась.

— Неприлично перебивать мать. Ешь свои блины. Не мешай общаться. Ну так что?

— Деньги не главное. Надеюсь, не пожалею о встрече.

— А кто его семья? А почему...

Не буду утомлять вас односложными вопросами, из-за которых у меня наверняка поднялось давление. Тёте нужно было идти в журналисты: выживала информацию, как профессионал.

Время близилось к вечеру, и я начала собираться. Что выбрать для похода в ресторан? Дорогой и роскошный?

— Сестра, я придумала, что ты наденешь. Моё платье. Платье мести. В твоём случае от мести до любви — один шаг. Селим не сможет оторвать от тебя глаз...

Меня загнали в ловушку. Сердце бьется и вот вот выпрыгнет из груди. Я одна. Совершенно одна. Рядом лежало несколько строк:

***ПОПЛАЧЬ ТЫ В СВОЙ ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ
ТЫ НЕ ВЕРНЕШЬСЯ СЮДА ВНОВЬ***

**ЗА ВСЁ СОДЕЯННОЕ ВПРЕДЬ
ПРОСИ ПРОЩЕНИЯ И СМЕРТЬ.**

Смерть....

**ЗА СВОЙ ЯЗЫК ТЫ ПОПЛАТИСЬ
УВИДЕВ ТО, ЧТО ЛИЧНЫМ ЕСТЬ
БЕГИ, БЕГИ ПОКА БЕДА
В ОКНО НЕ ПРОБРАЛОСЬ, СЮДА...**

ГЛАВА 9

**ОТ КОГО: НЕИЗВЕСТНО
КОМУ: НЕИЗВЕСТНО**

30 января 2016

Год пролетел незаметно. Мама нашла мой дневник. Прочла и была зла. Сказала не заниматься этой ерундой.

Сегодня мы были втроём: я, Яман и Керем. Родители уехали на ужин к партнёрам по бизнесу. Мне почти двенадцать. Я стала взрослее. Не внутренне — внешне. Выросла, округлилась. Волосы повсюду, уже надоели.

В общем, мы решили посмотреть кино. Керему стало легче, но он стал замкнутым. Яман ушёл в учёбу. Внезапно зазвонил телефон. Я прочитала: «Зехра».

*Настроение испортилось. Я не хотела ничего смотреть.
— Айлин, давай посмотрим ужастик.
— Не хочу.*

— Драмму?

— Не хочу!

— Исторический?

— Яман, отвали от меня.

— Твоё настроение меняется каждую минуту. Будешь попкорн?

— Засунь свой попкорн знаешь куда?

— Куда? — озорные глаза Ямана сверкнули.

Он берёт меня на слабо. Зря. Не с той играет с огнём.

— Ты хочешь поиграть?

— Я думал, мы уже играем, малыша Айлин.

Мои зубы клацнули. Это я малыша?

— Ты нарываешься на моё плохое состояние дня.

— Правда или действие?

Пока Керем был в другой комнате, я размышляла, не прибить ли этого засранца.

— Чего? Ты же вроде образумился.

Он улыбнулся и захохотал. Чёрные кудрявые волосы спадали на лоб. Высокий, стройный — полная копия Керема.

— Я взялся за ум. Нужно учиться. Юриспруденция сама себя не выучит. А ты?

— А что я?

— Правда или действие?

Он пододвинулся так близко, что я ощутила его дыхание на своих губах. Что он вытворяет? И почему мне так неудобно?

— Я не играю в эти игры.

— Ты боишься.

Этот манипулятор меня подловил. И я выпалила сгоряча:

— Правда.

— Ты влюблена в Керема?

Зрачки расширились, пульс участился. Что он хочет этим узнать?

— Действие.

Его улыбка стала шире. Он наклонился и прошептал мне на ухо так, что всё моё тело одеревенело:

— Тогда поцелуй меня, сестричка Айлин. Думаю, это прозвище подходит тебе лучше.

Мои глаза стали в сто раз больше. Я в шоке осмотрелась. Никого, кроме нас. А если Керем зайдёт? Что он подумает? Боже, какой кошмар.

— Поцелуй или проиграла.

— Я не проигрываю. Никогда.

— Никогда не говори...

Но я не дала ему договорить. Прильнула к его губам, не зная, что и как делать. Поняв это, Яман приоткрыл рот и нежно, мягко надавил на мои губы, заставляя их раскрыться. Целоваться оказалось проще, чем я думала. Просто повторять движения противоположной стороны.

Это длилось считанные секунды. Я отстранилась.

Вся красная, я передвинулась на другой конец большо-

го дивана. Вытерла губы, почувствовала вкус карамельного попкорна и взглянула на кузена. Сначала он был счастлив. Потом его лицо сменилось злостью. Он резко встал и ушёл.

Вошедший Керем лишь спросил:

— Почему Яман так гневно на меня посмотрел? Куда он ушёл?

Я пожала плечами, и мы начали смотреть фильм.

СЕЧИЛЬ

Что такое любовь? Ведь просто ответить: это когда два человека испытывают чувства друг к другу. Но какие это чувства? У каждого понятие «любовь» толкуется по-разному. Одни считают, что любовь — это мурашки, которые появляются, когда видишь человека. Вторые опровергают этот факт, считая, что через ненависть приходит истинная и искренняя любовь. Третьи убеждены, что без уважения не бывает настоящих чувств. Что лишь трепетное отношение к возлюбленному переносит в сказочный мир, полный чудес и волшебства.

Так ли это? Задайте себе вопрос. И ответьте не думая. Первое, что пришло на ум, — это и есть ваше понимание любви. Мы стали слишком тривиальны в суждениях. Смотрим на чужие судьбы и забываем о том, что происходит в нашем собственном сердце.

Если разобрать это слово на части.

ЛЮБОВЬ.

Любить — значит желать?

Любить — значит обладать?

Любить — значит... что?

Такие вопросы приходят в мою голову после этого злополучного ужина. Уже дома, сидя на диване, я поминутно анализировала каждый кусочек, складывая пазл, и ужасалась. Возможно ли то, что я испытываю, назвать влечением или даже любовью? Любовью к человеку, которого по разумным соображениям и обстоятельствам не могу любить. Это просто невозможно!

Однако это так. Видя его, я чувствую подступающее ощущение, спавшее глубоко внутри. Оно разрастается, как снежный ком, после того поцелуя. Он словно нажал на пуск — и двигатель завёлся.

Но нам не суждено быть вместе. Это противоречит всему, к чему я шла столько лет.

А может... возможно, это и неплохая мысль. Видоизменить план. Ведь именно он мне и был первоначально нужен. Ладно, подумаю об этом в самый сложный момент. А пока надо рассказать вам, читатели, что было накануне.

Выбрав по навязанному Чичек мнению чёрное облегающее платье с глубоким вырезом, я почувствовала себя не в своей тарелке. Оно было такое короткое, что тётя сошла бы с ума и причитала бы несколько недель. Мама, а после и тётя

учили меня главному: скромность в одежде — признак умеренности и целомудрия. Поэтому вызывающие платья официально не были под запретом, но осуждались из нравственных и моральных убеждений.

Свет фар показался в окне, и я закончила последние штрихи. Макияж. Локоны, заколотые на макушке крабиком. Подводя тёмным карандашом глаза, я заметила, что голубой оттенок стал выразительнее. Отбросив мысли о планах и мести, я разрешила себе сегодня расслабиться.

Впервые за двадцать три года я иду на свидание. И не просто с женщиной, а с обаятельным, умным и сообразительным. Да, может, у нас и не будет будущего. Но почувствовать себя желанной не повредит. Ведь что я смыслю в обольщении и страсти? Ровным счётом ничего. С детства я увлекалась иным, развивалась в других направлениях. Кроме поцелуя с этим ненавистным человеком! Только это была ошибка. А я хочу почувствовать нежные, мягкие чувства, от которых сердце выпрыгнет из груди и вернётся обратно, сделав пируэт или даже сальто.

— Сечиль, Сечиль, он здесь! Твой жених здесь!

Селим: «Твой покорный слуга ожидает у входа».

Я улыбнулась. Нет, он не был в моём вкусе. Точнее, внешне красив, но не в качестве будущего мужа. Всё-таки тёмненькие — моя слабость.

— Всё, мне пора.

Наконец сбежав от жужжания указаний тёти и Чичек, я

выдохнула. Дыши глубже и проведи этот день ни о чём не задумываясь! Была не была.

Селим, одетый в рубашку поло и брюки, стоял, облокотившись на машину. Таких денег простым людям не видать за всю жизнь. Увидев меня, он подошёл и поцеловал руку.

— Ты прекрасна. Я восхищён. Пойдём?

— Давай.

Дорога до ресторана пролетела незаметно. Огни города мерцали. Ночное время давало о себе знать: молодые люди выходили отдыхать и кутить.

Мы прибыли в ресторан «Ронталь» с выходом на набережную. В новостях показывали, что именно здесь проходят все важные мероприятия звёзд, дни рождения и годовщины. Попастъ сюда можно было лишь по записи. Фатих однажды пытался записаться, но даже с его финансами это оказалось невозможно. Он тогда так злился. Просто смешно. А вот Селим без вопросов провёл нас внутрь.

— Это очень модный ресторан.

Он застенчиво улыбнулся и отодвинул для меня стул.

— Я позвонил брату. Он совладелец заведения.

Я удивлённо посмотрела на него. Совладелец этого популярного места — родной человек мужчины, с которым я на свидании. Немыслимо. Словно в сказке.

— Ты голодна?

Я оглянулась и взяла меню. Ресторан был будто на воде. Ощущение парения усиливал прозрачный пол, местами усы-

панный блёстками. Взглянув наверх, я ахнула. Там была вода. Вода! Конечно, я слышала об этом, видела на фотографиях, но вживую это не передаёт и половины великолепия.

— Сечиль?

Я взглянула на спутника горящими глазами. Давно мне не было так хорошо. Обстановка располагала. Заказав напитки и основные блюда, мы стали ждать.

— Эти рыбы в оформлении потолка привезены из Австралии. Представляешь? Я сам удивился, как ребёнок.

— Это великолепно. Завораживающе. Волшебное. И даже эти эпитеты не выразят всего. Кстати, а твои друзья придут?

Селим взглянул на часы и повернулся вправо, напряжённо кого-то выискивая.

— Ах, вот и они. Ты только не нервничай.

Я недоумённо посмотрела на него.

— А зачем мне нервничать? Это твои друзья. Я буду вести себя подобающе.

— Подобающе? — этот голос.

Я встрепелась, но не повернула голову. Прекрасно понимая, кто за спиной, стала невольно ждать.

— Селим, Сечиль. Здравствуйте.

С ласковой улыбкой Чеширского кота ответил Керем. Этот чёртов Керем! Я знала, что они общаются, но не подозревала, что именно его он позовёт.

— Привет, брат. А вас как зовут?

— Бесте.

Нахмурившись, я задумалась. Куда подевалась госпожа Ханде, возомнившая себя царицей?

— Она мой тренер. Подумал, почему бы не пригласить такую красивую молодую леди в утончённое заведение. Неправда ли?

Во время рассказа он то и дело ехидно смотрел на меня. А его светловолосая высокая спутница, как глупая кукла с перекачанными губами, смеялась от каждого чиха этого напыщенного Алтуна.

— Можно я поменяюсь? Мне дует кондиционер.

— Конечно, брат. Бесте, пересядь ко мне.

Это было бы кошмарно. Ни за что! Керем Алтун не сядет со мной. Это выше всего.

— А давайте, — предложила я, — это я сяду к Селиму.

— Было бы здорово, подружка! — промямлила сделанная тренерша.

И какая я ей подружка? Он что, набирает их по глупости? Кто тупее, тот и сопровождает великого Алтуна.

С рассадкой так и порешили. Прошло два часа. И я пожалела, что пришла. Как же меня раздражал Керем! Он не давал мне пообщаться с Селимом, нервировал и злил. Как только я начинала диалог более низким голосом, он тут же врывался и рассказывал истории из жизни. Я сидела с лицом, которое вот-вот прожжёт человека напротив.

— Объявляем медленный танец. Господа приглашают своих дам.

Мягкая лирическая мелодия заполнила зал. Селим, уже изрядно нетрезвый, стал настаивать, чтобы мы закружились в неумолимом и безудержном танце.

— Я не буду. Пригласи Бесте. Она сидит одна и грустит.

И он послушался. Так легко. Бесте была на седьмом небе от счастья, а я хоть на секунду смогла побыть одной.

Мой взор устремился к барной стойке, откуда шёл Керем. Костяшки его пальцев побелели, когда он подошёл и сел в кресло. Улыбка стала ещё шире, вызывая во мне ещё больше гнева. Самодовольный мужчина. Надменный циник.

— Хватит спаивать Селима.

Керем сделал вид, что не слышит из-за громкой музыки. Я встала и подошла к месту, которое занимала Бесте. Сев рядом, я оказалась в нескольких сантиметрах от него.

— Хватит спаивать Селима. Ты всё испортил!

Он коснулся моей щеки и протянул губы к уху, нежно теря мои золотистые локоны.

— Я стараюсь. Ты не пара ему.

— Не пара ему?

Наши глаза встретились. Его карие против моих голубых. О, как же я их ненавижу. Все восемь лет я искала путь к нему, и вот он сам ищет меня. Я догадывалась, что интересна ему. Не надо быть гением, чтобы понять влечение мужчины из-за собственной недостижимости. Недоступность — вот ключ. Пока я не могу быть его, я — навязчивая идея в его голове. Голос, будящий каждое утро и не дающий спокойно жить,

есть, спать.

— Ты не будешь с ним. Ты не нужна такому, как Селим.

— Это он тебе сказал?

Он обхватил меня за затылок, соединив наши лбы. Касаясь носом моего носа, Керем проговорил:

— Ты моя боль. Мой ночной кошмар. Почему ты не уйдёшь из моей жизни? Почему я думаю о тебе? Убери себя из моей головы!

От такого внезапного напора я опешила.

Его губы приблизились к моим и попытались поцеловать, но я вовремя поставила ладонь между нами. Поняв, что я сделала, он разозлился, отстранился и выпил содержимое стакана одним махом.

— Я буду твоим ночным кошмаром, пока не разломаю тебя на части, Керем Алтун! — процедила я.

Услышав это, он с грохотом швырнул стакан на пол. Музыка стихла. Тишина окружила нас.

— Ничего страшного, продолжайте!

Но никто не продолжал. Всё было кончено.

Селим и Бесте, еле держась на ногах, вернулись на свои места. Пора было собираться домой. Позднее время меня не привлекало.

— Я вызову такси и поеду.

— Милая Сечиль, моя милая, — Селим взял мою руку и поцеловал. От него разило спиртным за километр. И за это спасибо его лучшему другу. — Может, поедем ко мне?

Его вопрос застал меня врасплох.

— Она никуда не поедет, — вставил Керем.

— Ну ладно. Дай тогда провожу тебя до такси.

Мы вдвоём вышли из ресторана. Прощаясь, Селим несколько раз извинился за своё состояние, но я сказала, что у нас ещё будет возможность увидеться в более трезвой обстановке. Он заранее оплатил такси.

Подъезжая к дому, я услышала звонок телефона.

Входящий вызов: «К.А. — не братъ» (3).

Отклонив звонок и поблагодарив водителя, я побрела домой, уставшая от прожитого вечера.

Уже лёжа в постели, я достала телефон.

На экране — несколько пропущенных от Керема. Все — «не братъ».

Я не стала их открывать. Вместо этого нашла нужный чат и быстро набрала:

«Селим, я подумала. Я согласна встречаться. Только прошу: пусть пока об этом никто не знает. Особенно Керем».

Через минуту пришёл ответ:

«Это лучшая новость за вечер. Обещаю, никто не узнает. Я хочу, чтобы ты чувствовала себя спокойно».

Я отложила телефон и закрыла глаза.

Пусть это будет моя игра. Только моя.

ГЛАВА 10

ОТ КОГО: НЕИЗВЕСТНО

КОМУ: НЕИЗВЕСТНО

ВОСПОМИНАНИЯ АЙЛИН

17 июня 2016

Яман меня избегает. Как я знаю, у него появилась девушка. Спойлер: это не Йылдыз. Она, кстати, переехала с родителями в Анкару и будет учиться там. Решение приняли на семейном совете: филиалы юридических институтов разбросаны по всей Турции, и в Анкаре нужен присмотр надёжного человека.

Тем же вечером она мне написала:

«Айлин, ты же приедешь в следующем месяце?»

«Конечно».

«Ура! Я слышала, у Ямана появилась девушка?»

«Да, рыженькая однокурсница. Дерья Татлуг».

«Я её ненавижу».

«Мы любим тех, кто нас не видит. И не видим тех, кто любит нас».

«Мне от твоих высоких мыслей только хуже».

«Не расстраивайся. Найдёшь себе лучше».

«Как ты? Или нашлась замена Керема?»

Я отключила телефон. Что за чушь она несёт? А если мама увидит эту переписку? Надо удалить. Немедленно.

Мерьем обязательно всё прочитает. Но и я не глупа. Нажав «удалить везде», я принялась за уроки.

10 апреля 2020

«Сладкие 16»

Назову подзаголовок так. Что из новостей? Йылдыз вышла замуж. Мы были на её свадьбе в Анкаре. Её муж — Джан, сын крупного бизнесмена по добыче драгоценных камней. Всё было шикарно. В газетах писали столько пожеланий, а жёлтая пресса не успокаивалась в грязных высказываниях.

Вот выдержка:

«СВАДЬБА РАЗБИТЫХ МЕЧТ»

«Как и почему Джан Индырым женился на Йылдыз Бирсин? Ответ прост. Джан хотел отомстить своей бывшей невесте Шагле, которая изменила ему с его лучшим другом. Надеюсь, Йылдыз знала, на что шла. Ведь слёзы из бриллиантов — это тоже слёзы».

— Журналист Арслан Л.

Свадьба прошла в семейном ресторане. А Йылдыз и правда после проливала немало горьких слёз с привкусом алмазов. О чём она думала, выходя замуж за Джана? Он не любил её, а она — его. Этот брак обречён быть лишь красивой картинкой с бриллиантовой огранкой. Кузина хотела, чтобы Яман ревновал. Но этого не случилось. Глупая сест-

рѐнка. Яман влюблѐн в другую. И ты, дорогой дневник, знаешь в кого.

Он появился вместе с братом-близнецом Керемом. Оба — одни. Я облегчѐнно вздохнула. Я так рада, что Керем не был с девушкой. Иначе это означало бы предложение, помолвку, свадьбу, детей. И да, я влюблена в него. Долгие годы неприятия были пыткой. Сейчас же я признаю свои чувства и дам им волю. Я поцелую его и признаюсь. Он не сможет устоять передо мной. Ведь Яман же не смог...

АЙЛИН

Разум сильнее чувств? Часто задумываюсь над философскими изречениями. Особенно над такими. Так что же всё-таки сильнее влияет на человека: разумный подход или эмоционально-чувственный?

До влюблённости в своего брата я думала, что над душой личности властвует разум. Именно такой позиции я придерживалась в глазах других. Быть умной — значит показывать только то, что касается чужих пешек на твоей шахматной доске. Расставляя приоритеты, ты прячешь истинность за фасадом, что делает из собственного тела марионетку. Кукла не задаёт вопросов. Она молчит и кажется удобной. Удобство — большой и тяжёлый груз, который человек несёт всю жизнь.

Так вот. Почему я понимаю головой, что нужно жить дальше без него, но сердцем не получается? Видя его с другими, мне становится тошно. Насилие шло рядом со мной наравне со странностью, но никогда не проявлялось так, как в чувственной ревности. И сейчас, видя его сидящим рядом с симпатичной блондинкой из компании, я готова разорвать её на куски. Он не имеет права смотреть на неё так. Всё, что было между нами, он страхнул. Выкинул. Начал с чистого листа.

Наблюдая за попыткой поцелуя, я затаила дыхание. Выдохнула, только когда этого не произошло. Протянула бармену пустой стакан. Никто не знает, что я здесь. Но я не могу так отпустить его. Потому что... потому что мы любим друг

друга.

Вот она встаёт и уходит, а он снова идёт к барной стойке. Один раз я уже притаилась, чтобы он меня не заметил. Керем был очень наблюдателен, когда дело касалось мелких деталей. За это я любила его ещё больше. Но сейчас, увидев недавнюю картину, я не желала прятаться, как виноватая. Пусть заметит. Пусть узнает.

Так и случилось.

Увидев меня, Керем издал рык и схватил за руку, потянув в тёмный коридор рядом с санузлом.

— Что ты тут забыла, Айлин? Прекрати преследовать меня!

Я погладила его по скуле. Такой родной и тёплой. Он был идеален: рост, вес, внешность. Мой бог. Мой свет. Моя тьма. Мой Керем.

— Ты мой.

Он ударил ладонью по стене слева от меня.

— Замолчи! Я закрыл глаза на первый, второй, третий раз. Но это уже перебор. У меня есть личная жизнь.

— С этой оборванкой? Сечиль? Я знаю про неё. И не думай, что ты замылил мне и другим глаза, придя сюда с непонятным существом. Милый мой, ну посмотри на меня.

— Ты больна! У тебя есть жених. Отстань наконец!

Я прильнула к нему, целуя щёки. Керем вспыхнул ещё больше.

— Не трогай! Ты точно сошла с ума.

— Сошла. Сошла от любви к тебе! Я больше так не могу. Ты не приходишь к нам, ведёшь обособленную жизнь. Когда же мне быть с тобой?

— Ты мне не нравишься!

— А Сечиль нравится? Ты её любишь?

— Не трогай Сечиль!

Всё ясно как день. Такая реакция на эту нищенку подогрела мою и без того сильную ярость. Я сделаю её жизнь невыносимой. О, она пожалеет, что захотела взять чужое.

— Не обдумывай ничего, Айлин! Иди и ложись спать!

— Хорошо, — холодно и безэмоционально сказала я. — Я уйду.

Уже дома, стоя у зеркала в ванной, я обдумывала, как сделать, чтобы Сечиль перестала существовать для Керема раз и навсегда.

Некто в капюшоне сделал несколько снимков на фотоаппарат. Набрав незнакомый номер, он произнёс код:

— Сделано. Фото у меня.

— Пора начинать действовать согласно приказу...

— Понял.

Человек на другом конце злобно хмыкнул и оборвал связь.

Утро было не таким добрым, как я думала. Всё те же мысли о Сечиль. Ночь не прошла даром, и я решила, как уберечь Керема от неё. Надо лишь втереться в доверие. И хоть я не люблю людей, для него я сделаю всё, чтобы он был счастлив со мной.

Наскоро собравшись и посмотрев в зеркало, я удовлетворённо поспешила вниз, в гостиную. Пришли гости, и мне необходимо с ними побыть. Семья Лейлы собралась в полном составе.

Гостиная особняка представляла собой комнату больших размеров с выходом к бассейну. Светло-бежевые обои с узорами украшали пространство, а два параллельно стоящих дивана создавали полукруг, в центре которого располагался низкий мраморный стол. Мама по профессии декоратор, поэтому интерьерные нюансы в доме создавала она. Многие знакомые восхищались её работами и предлагали заниматься этим коммерчески, но она была непреклонна: «Я живу ради мужа и дочери. Хобби не обязательно делать работой. Тем более что счастье не измеряется деньгами».

Оказавшись у арки, я приросла к полу. Она. Рубина. Мать

Ямана и Керема. Как же я ненавижу эту женщину. Однажды, в далёком прошлом, она грозила убить меня, если я расскажу то, что видела.

Я надела радостную маску и поздоровалась со всеми. Помимо Рубины, в зале находились Арас, Лейла, её отец и мать. Госпожа Шахин была очень красива. Волосы цвета воронова крыла создавали образ чёрного лебедя. Говорят, в молодости он украл её с собственной свадьбы с другим мужчиной. Тогда глава семьи был беден, но благодаря уму и приобретённым связям стал тем, кем является по сей день.

Мама зашла вместе с кухаркой, подготовив зону для чаепития, положенного при встрече гостей. Когда все сели, я нашла место рядом с Арасом и уже почти разродившейся Лейлой. Она натянуто мне улыбнулась. Я ей не поверила. Она давно подозревает, что Яман влюблён. И плод его вождельний — не кто иная, как я. Безусловно, она это понимает. И поэтому становится ещё одним человеком, способным запугивать меня этими бумажками, как пятилетнего ребёнка. Возможно, она притаилась и ждёт, когда сможет разрушить меня. А может, и нет. Никакие улики не указывают на Лейлу как на виновную в содеянной игре. Абсолютно никакие! Однако нельзя совсем убирать её из поля зрения. Наблюдение

— ключ к разгадке тайны.

— Дорогая моя Айлин, — благоговейно проворковал Арас, запечатлев на моём лбу невинный поцелуй. — Мы же решили, что свадьба пройдёт через три недели.

Страшно, что я ничего не почувствовала к человеку, который в будущем станет моим мужем!

— Да, милая. Мы — твоя будущая семья и будем рады помочь. Для начала определим, где вы будете жить. Или купим дом. Ведь в скором времени вы, как и Лейла, подарите нам внука или внучку.

Я пыталась сохранять самообладание. А в углу, тихо наблюдая за выбором места и платья, Рубина Алтун писала кому-то важное сообщение. Она знала, что я за ней слежу, и была бдительнее, чем когда-либо. «Эта девушка должна молчать ради собственной жизни, иначе...» Ох, у неё было много мыслей на этот счёт.

Рубина как мать до сих пор не могла пережить, что её сын без памяти любит эту девчонку. Да у неё не в порядке с головой. Но она не пыталась до него достучаться, потому что сама была такой. Яман весь пошёл в неё. А Керем — в мужа. Столько лет назад они были счастливы. А были ли? Или это предрассудки других, сплетни, собиравшиеся годами вокруг их семьи? И испытывала ли она ту любовь, которую давал ей муж? Наверное, нет.

Любовь — сильное чувство для человека, горящего им. Она имеет полную противоположность. Безразличие — вот что поистине гасит брак, связь, годы. Оно открывает потайные желания, которым сложно противостоять. Даже невозможно! И она была такой. Совершая ошибку, ты платишь не деньгами, а временем. Ведь правда вскроется и уйдёт вспять...

Тем временем, нахмурившись и слушая будущую свекровь, я неустанно смотрела на тётю. «Она что-то замышляет. Я уверена в этом».

Уже позже, в ресторане, я думала об угрозах и секрете, который никто не должен узнать.

— Ты наелась? Поела лишь десерт.

— Не хочу солёное, Арас!

— С тобой всё в порядке?

— О да.

Как же он мне надоел! Постоянно рядом. Вечно ему надо быть связанным со мной и физически, и морально. Его дошность мне противна.

— Ты же не передумала? Не хочешь уйти от меня?

Его глаза отражали искреннюю печаль и страх.

— Нет.

— Я рад! — Арас сразу взбодрился. — Знаешь, если бы я узнал о тебе и другом мужчине, не дай бог, я бы уничтожил его. Не смотри, что я ботаник. В тихом омуте ещё те черти водятся.

«Вот тут ты прав. Что ты скрываешь, Арас Шахин? Я знаю, что ты так же погряз во лжи и лицемерии, как и я».

ГЛАВА 11

ПОЧТА: ПИСЬМО ОТСУТСТВУЕТ

ЗАПИСКА:

Милая Айлин, вот мы и подобрались к развязке. Однако пока еще рано. Я хочу фееричное выступление с размахом, какого Стамбул давно не видел. Даю тебе фору, ведь мне нравится, когда жертва пытается вычислить хищника...

*Ты словно мышка бойся кошки
Мы поиграем здесь немножко
Он рядом, будь ты начеку
Найди меня, я не уйду!*

*Айлин, малыша, ты не спи
А жди пощады, не грусти
Она придет к тебе внезапно
И уничтожит всё до завтра*

*Секрет раскроется и помни
Согласной будь в переговорной
Не отрицай, а поощряй
Свою позицию аль тай?*

*Кровь руки мягко огибает
И с легкостью в пыль растирает
Гуляй, кути и веселись
Пока не поздно прыгай вниз*

*Пусть сон придет и поскорей
Вымаливай грехи у ней
Она - прощенье заслужила
И заново тебя простила*

*Толк будет или это брешь
Узнать придется и не счесть
Сколь ты грешна и прозорлива
Но также тайно и ранима*

Беги, беги, пока есть силы
Рассказывай им без причины
Ведь я достигну и тебя
И кровь в миг станет не своя...
- Мыслитель.

СЕЧИЛЬ

Сегодня состоялся разговор. Соперник корпорации Алтун охотно впитывал каждую частицу новой информации. Очень выгодно быть секретарём холдинга. Множество важной документации — счета, переводы, теневые схемы — косвенно проходит через меня.

Я поведала им о многом. Передала бумаги, заранее стертые данные о своей почте и контактах. Нужные файлы я отправляла только себе. Лицо, с которым я связывалась, тоже не хотело светиться. Поэтому тёмный офис одного из заброшенных домов подходил идеально.

Вы спросите, думала ли я о том, что меня могут убить?

Думала. Но выбора нет. Мне нужно восстановить справедливость. Карты сброшены. Осталось добиться желаемого результата.

— А что насчёт новой компании, которая скоро присоединится? Будет тендер. Сколько предлагает Алтун-холдинг?

— Триста миллионов.

— Хорошо.

— Вы уничтожите их?

Мужчина усмехнулся.

— Вы сделали всё, чтобы они потеряли львиную долю денег и акций. Остальное за нами. Благодарим за вклад и участие.

И мы разошлись.

Пора рассказать вам, читатель, историю жизни нашей героини — Сечиль. До событий этой книги она носила фамилию Кайя. От этого и будем отталкиваться.

Сечиль родилась в обеспеченной семье. У неё был старший брат Доган. Но это мы уже знали. Её мать и отец жили счастливо, без склок и ссор. И вот в один роковой день жизнь пятнадцатилетней Сечиль разделилась на «до» и «после».

В тот самый день, сидя у Чичек и дожидаясь семью, потому что брат поехал за родителями на машине, она писала стихотворение.

Любовь — так мало надо для неё:

Прикосновение рук матери, объятия.

Особенная связь с землёй, с самим собой.

Есть бездна чувств глубинных,

Ни с чем неповторимых.

Любовь — всего шесть букв простых,

Таких простых, как вечность,

Что нас хранит, лелеет, как младенца,

Что в колыбели спит.

Любовь так многогранна,

Что кажется забавной,

Пока осколком в сердце

Тебе не прилетит.

И не разрежет душу —

Духовный весь твой лик.

Ты не поймёшь, кто говорит,

А кто пародией кривит

Свою калеченную душу.

Итог таков, что есть одно:

Покуда любишь — ты страдаешь.

Страдание возвысит и тебя,

И твоё сердце,

Покуда вы — едины.

— Или поменять концовку?

Сидя за столом и уча историю, Чичек мельком взглянула на творение сестры.

— Очень глубокое произведение. Не нужно ничего убирать!

Сечиль выхватила учебник сестры и недовольно затараторила:

— Чичек! Взгляни и прочитай внимательнее. Прошу. Ты мой главный и единственный критик. Вот когда-нибудь опубликую о тебе что-нибудь — будешь слёзы лить.

— И публикуй. У меня скоро пробный экзамен. История очень важна. Ты бы сама готовилась!

Сечиль закатила глаза. Вот так всегда. Учёба не интересовала её так, как кузину. Она не видела смысла в повышенной успеваемости. Мама говорила: «К чему лежит душа, то и нужно делать». И Сечиль ей верила.

— Ладно, давай.

Чичек принялась читать и анализировать. Пребывая в задумчивости, делала пометки карандашом. Показывала, какое слово лучше заменить синонимом.

— Здесь — на это. А в этом четверостишии — на другое. К примеру, вот.

Сечиль слушала внимательно. На кухне было тихо и уютно. За окном догорал летний вечер. Где-то в доме тикали часы. И от этого стук собственного сердца казался слишком громким.

А потом зазвонил телефон.

Стационарный телефон тёти использовался настолько редко, что за всё время они слышали его второй раз в жизни.

Сечиль вздрогнула первой. Чичек подняла голову от тетради.

— Кто-то звонит? — спросила она.

— Наверное, мама.

Трубку взяла тётя. Сначала было слышно только её дыхание. Потом — короткое «да». Потом ещё одно. А затем наступила тишина, от которой у Сечиль похолодели пальцы.

— Да. Да, это я. Его сестра. А что?

Молчание.

А затем громкий, нечеловеческий крик заполнил комнату. Он ударился о стены, пролетел сквозь кухню, ворвался в грудь и остался там — эхом, которое Сечиль не забудет никогда.

— А-а-а-а-а! Нет! Мехмет, НЕ-Е-ЕТ!

Сечиль сорвалась с места. Ноги стали ватными, сердце забилось где-то в горле. Она вбежала на кухню и увидела тётю: та, прижимая трубку к груди, сползала по стене. Лицо белое. Губы трясутся. А потом — тишина. Тётя потеряла сознание.

— Мама! Мама! — Чичек бросилась к ней.

Дядя подхватил жену, стал приводить в чувства и, не глядя на девочек, хрипло сказал:

— Идите в комнату. Немедленно.

Но Сечиль не могла двинуться. Она смотрела на висящий телефонный провод. Он медленно покачивался из стороны в сторону, словно маятник, отсчитывающий чью-то жизнь.

Она не послушалась. Подошла. Подняла трубку.

— Алло! Алло! Вы меня слышите?

Шуршание. Потом — голос. Мужской. Слишком спокойный для того, что он должен был сказать. И от этого спокойствия стало ещё страшнее.

— Семья из трёх человек попала в аварию на дороге N. Установлены личности: Доган, Мехмет и Анна Кайя. Приезжайте на опознание. Тела будут обследованы с последующим вскрытием. Мне очень жаль.

Бросив трубку, Сечиль не почувствовала, как та выпала из рук. Звуки исчезли. Мир стал ватным. В ушах — сплошной гул. Пульсация отдавала в виски, в грудь, в кончики пальцев.

Она не помнила, как вышла из дома. Не помнила, как села в такси. Только дождь. Холодный. Злой. Он хлестал по лицу, смешиваясь с первыми слезами, которым она всё ещё не давала воли.

Машина остановилась.

Дальше — как в страшном сне.

Мигающие огни. Люди в форме. Оградительная лента, натянутая между деревьями. И три чёрных пакета на мокрой земле.

Мама. Папа. Брат.

Сечиль стояла под ливнем и громом и смотрела. Смотрела и не могла поверить, что это происходит в реальности. Не в кино. Не в кошмаре. А здесь. С ней. Навсегда.

Она хотела закричать, но не смогла. Хотела подойти — ноги не слушались. Хотела упасть — тело будто окаменело.

Именно в тот день её жизнь разделилась на «до» и «после». Именно тогда пятнадцатилетняя девочка стала взрос-

лой. В одну секунду. Под дождём. Один на один со смертью.

Полицейские осматривали место происшествия. Три накрытых чёрных пакета. Мама... папа... брат... Она всё стояла. Не могла отвести взгляд. Боялась моргнуть — вдруг они исчезнут. Или, наоборот, вдруг один из них пошевелится, и окажется, что это ошибка.

Ошибки не было.

Двое полицейских проходили мимо и тихо переговаривались.

— Кто был за рулём?

— Молодой парень.

— Но его здесь нет?

— Он сын и племянник богатых людей. Уже отмазали. Подлецы. Шеф говорит, что виновата семья из трёх человек, но я не верю. Дело замнут. Вроде у погибших осталась младшая дочь. Не представляю, что с ней будет, если она узнает.

— Узнает когда-нибудь.

— К сожалению...

— Можешь сказать, как звали парня, который врезался? Не тот ли с обложки журнала?

— Он самый. Представился Керемом Алтуном. Совершеннолетний. Вчера читал про него. Вот мир тесен: сегодня косвенно знаешь человека, а после он совершает такое.

— Молчи об этом. Уверен, дело закроют, а погибших признают виновными. Если заикнёшься — наткнёшься на влиятельных людей. Они опасны. Очень опасны.

Обернувшись, они заметили Сечиль. Резко замолчали. Переглянулись. И спешно удалились.

А она осталась.

Одна.

Под дождём.

Керем Алтун.

Это имя врезалось в неё, как нож. Оно звучало в голове снова и снова, заглушая раскаты грома.

Этот человек забрал её родителей. Её брата. Её жизнь.

Он — убийца. Похититель трёх душ.

Дальше всё было как в тумане: приехали тётя с дядей, завернули её в чей-то плед, увели к машине. Потом дом. Чичек. И темнота.

Она так и не смогла подойти к телам родных. Даже в морге теряла сознание, когда ей пытались их показать. Тоска и боль наполняли её до краёв. Она так скучала по ним! Так скучала, что не могла дышать.

В тот момент в ней надломился стержень смысла жизни.

Похороны прошли как в забытии. Слёзы. Страх разлуки. Боль. Она ощутила тогда весь спектр эмоций. От негативных до тошнотворных. От тошнотворных до животрепещущих. Только во время прощания из её глаз полились ручьи слёз. До этого — ни одной. Возможно, так некоторые переносят утрату. Утрата показывает нам силу судьбы, которую мы так недооцениваем.

Не менее тяжелый в памяти также всплыл следующий день после похорон, Сечиль впервые осталась одна в своей комнате. В доме было тихо. Слишком тихо. Даже стены, казалось, впитали общую скорбь и теперь молчали вместе с ней.

Она села на кровать и обвела взглядом комнату. Всё было на своих местах. Учебники. Лампа. Старый плед. И только воздух стал другим — тяжёлым, как перед грозой.

А потом она увидела её.

На спинке стула висела толстовка Догана. Тёмно-синяя, с выцветшим принтом на спине. Он забыл её, когда уезжал. Бросил второпях, как делал всегда. Сказал, что заберёт потом.

Не забрал.

Сечиль встала. Подошла. Осторожно, будто боялась спугнуть, коснулась рукава. Пальцы дрожали. Ткань была мягкой, ещё хранившей форму его плеч. Она сжала её в кулак и поднесла к лицу.

Пахло им. Доганом. Его одеколоном. Тёплым, немного

терпким, с ноткой табака, который он прятал от отца. И чем-то ещё — неуловимым. Домом.

Она зажмурилась.

На секунду показалось, что он сейчас войдёт. Скажет: «Сечиль, ты опять в моей толстовке?» А потом улыбнётся и потянется к её волосам.

Но никто не вошёл.

Сечиль надела толстовку. Она была большой, не по размеру. Рукава свисали до кончиков пальцев. Внутри — тепло. И запах. Единственное, что осталось.

Она забралась с ногами на кровать, обхватила колени руками и уткнулась лицом в ткань.

И только тогда заплакала.

Не так, как на похоронах, — громко, навзрыд, с воем, который шёл из самой глубины. А тихо. Скупое. Содрогаюсь всем телом.

— Ты обещал вернуться, — прошептала она. — Ты всегда возвращался.

Толстовка молчала.

С тех пор Сечиль спала в ней. Пряталась от мира. Носила, пока ткань не перестала пахнуть Доганом. Потом — просто хранила. Под подушкой. Потом — в шкафу. А когда стала старше, переложил в коробку вместе с немногими вещами, которые остались от семьи.

Иногда, в самые тёмные ночи, она доставала её. Сжимала в руках. Вспоминала.

И ненавидела.

Ненавидела того, кто лишил её брата. Того, кто отнял у неё этот запах, это тепло, это «возвращайся». Ненависть росла в ней вместе с болью. И однажды превратилась в цель.

Сечиль усмехнулась. Спустя восемь долгих лет, через тернии к цели, она добивается своего. И теперь во что бы то ни стало Керем Алтун получит по заслугам. Он ответит за безнаказанность, пав от её рук.

«Не дремлет вор, что охраняет не деньги, а их хозяина» — эту поговорку придумала тётя, а они с Чичек часто применяли её на практике.

Стоя здесь и сейчас, она осознаёт, как мы не ценим то, что у нас есть. «Ценность счастья не проявляется до тех пор, пока его у нас не отберут». Справедливость должна восторжествовать. Это ведь правильно? Каждый получит то, что заслужил. И плата у Керема Алтуна будет слишком высока.

ГЛАВА 12

Я помещу в душе свой стих, как отражение в зеркале: покажет шут ты или псих?!

Стихи собственного сочинения.

«**Истина**»

Задумываюсь я о жизни современной

Где каждый утопает в грязных мыслях и мечтах

Пред камерами явь меняют на обман

Глаголят истину всем нам

Пока одни работают не покладая рук

Другие множество иллюзий представляя

Рассказывают о своей судьбе и только врут

Пока другие жизнь живут не зная

Нехваткой времени охваченные в мире

Войной и помощью, с отсутствием корысти

Я наблюдаю мир, каким он был и есть

И слезы катятся рельефно - Их не счесть

Один вопрос : а почему я обособлена от них?

Живу в мирах мечты, отодвигая занавес

Реальности коварной и превратной

Ответ так прост: ты высшая , ты не такая

И эта ценность тянется со мной

И делает меня другой

Другой: порядочной , простой и прозаичной

Смотря на мир чрез призму утопично

Пусть каждый будет наделен такой чертой

Чем делать из себя шута горохового пред страной

Мы - избранные индивиды

Живущие для умных , и глупцов

Одним показывая фальш , другим открыв признание как истину

Прошу , побойтесь бога

Станьте как душа Ваша чиста

А мысли - пусть плывут как облака

По берегу бескрайней правды...

ЛЕЙЛА

Лёжа поздно ночью в постели и поглаживая живот, я всё чаще поглядывала на спящего рядом мужа, который громко посапывал. И думала о разговоре, произошедшем накануне вечером.

Когда я вернулась из дома Айлин, Яман стал более мягким и расположенным. Чаще дотрагивался до моего живота, до нашего будущего ребёнка. Его глаза горели живостью и страстью.

Обычно такого не бывает. Он приходит, ест, идёт в душ и ложится спать. Но в дни, напрямую или косвенно касающиеся его кузины Айлин, он становится другим человеком.

Тем, которого я совершенно не знала.

Значит ли это, что дело в ней? Или я в силу беременности придумываю невозможные и сюрреалистичные повороты?

Но сердце чувствует: что-то не так. Что-то надвигающееся. Или уже произошедшее.

Я осознаю, что у Ямана была жизнь до меня. Но нечто связывает его с Айлин. И это мне совсем не нравится.

Да, я горячо люблю его и ревную ко всему, что вижу и слышу. И если чутьё подсказывает, что есть скрытый нюанс, — значит, он есть.

Если мои переживания верны, почему он не рассказал? Хотя как рассказать о связи со своей сестрой?

И я боюсь, что он уедет. Бросит меня с ребёнком на руках, словно ничего и не было. Поэтому остаётся лишь сидеть

и, как серый кардинал, издалека делать выводы. Но даже с выводами не становится легче. Они завязываются в клубок неизвестности.

Как было просто в молодости.

Я покачала головой. Нет, не буду об этом думать.

Он — мой любимый человек. Но, видя Ямана, мне иногда кажется, что он — это Доган. Меня настолько свела с ума утрата, что я представляю вместо нынешнего мужа его. Это безумие.

Тогда я не задумывалась о том, есть ли у него другая. Влюблён ли он в кого-то ещё. Что я к нему испытываю.

Ничего этого не было.

Познакомившись с Доганом, я стала видеть мир ярче. Моё состояние всегда было благоприятным и весёлым. Тот слу-

чай изменил всё.

Даже повторно влюбившись, я не чувствую того, что было восемь лет назад. И не почувствую никогда. Потому что Доган отдавал мне всего себя. А здесь я внутренне понимаю: Яман не любит меня. Он позволяет любить его.

Этакая палка с двумя концами.

Если бы я узнала, что мой возлюбленный жив, я бы уехала с ребёнком, не думая о правильности и рисках. Потому что Доган принял бы меня, сделал своей женой и спутницей жизни.

Однако если ты слишком счастлив и долгое время, судьба чаще всего отбирает у тебя счастье. По законам равновесия оно не должно быть безмерным. А воспоминания — должны.

Вспоминая себя в тот день, я не знаю, как вообще выжила. Это была трагедия. Я не пошла на похороны, думая, что похороню вместе с ним и все мысли. Но они мариновались в

моей голове годами, требуя освобождения в форме истерик и слёз.

С приходом Ямана жизнь изменилась. Ради отца и матери согласившись на общение с ним, я не догадывалась, что так сильно привяжусь к совершенно другому по темпераменту и характеру человеку. Кроме того, обрету возможность стать матерью.

Жизнь — странная штука. Уверен в невозможном, а на деле возможно всё. Главное, чтобы прошло достаточное время.

И вот теперь я понимаю: даже моё неочевидное счастье может украсть та, чья жизнь повергает меня в шок.

Айлин Алтун мне никогда не нравилась.

Мой брат Арас, как крот, слеп к её реальным чувствам и мыслям. Её нужно остерегаться. Никогда не знаешь, о чём думает человек с таким интеллектом и самолюбием.

О да, её любовь к себе неизмерима и безгранична. Я считаю, что Айлин никого не любит, кроме себя. Меня воспитали нарциссом. И ведь правда: с детства растили, вбивали в голову, что она очень умна — что, впрочем, правда. Дорогие наряды. Единственная долгожданная дочь. Наследница бешеного состояния.

Родители избаловали её настолько, что Айлин не видит простых вещей. Они ей попросту неинтересны.

Она водит на поводке и Араса, моего бедного и глупого брата, и Ямана, того, кому я сказала «да» и скрепила узами священного брака.

Вы скажете: «Лейла, ты потакаешь мужу, а сама думаешь о другом?»

Я с вами согласна. Но такая уж я.

То, что было давно, всегда будет со мной. Забыть не получится. Значит, необходимо было пережить это ради финиша, к которому я пришла по стечению обстоятельств.

Пожни то, что сам посеял. Или лучше сказать: люби горячо хотя бы однажды, чтобы в следующий раз понимать, подходит тебе человек или нет.

И я любила. И сейчас люблю. Но своей, особенной любовью. Более сложной, борющейся, но живой.

Моё мёртвое прошлое чувство не вернётся. А жить нужно настоящим.

Я придвинулась к Яману и оставила поцелуй на его лбу. Он был милым и заботливым, но одновременно закрытым и неприступным. Какая сторона будет показана сегодня или завтра — неизвестно. Он так импульсивен, что испытываешь несколько состояний и чувств за раз.

— Почему ты не спишь?

Я вздрогнула и недоумённо посмотрела на нахмуренные брови мужа.

— Лейла?

— Я задумалась.

— О чём?

Может, рассказать ему, что меня волнует? А если он бросит? Но родители не позволят. Правда же? Или я ошибаюсь? Ведь это скажется в первую очередь на ребёнке. На нашем сыне.

Яман приоткрыл глаза и наблюдал за мной, как хищник за жертвой.

— Я знаю... может, я придумала... Но... Айлин. В общем,

я решила, что тебе дорога Айлин. И мне кажется, в прошлом вас связывали не только отношения между братом и сестрой.

Яман улыбнулся — так, как делает всегда, чтобы оттянуть момент и подумать. Придвинулся ближе и прошептал на ухо:

— Не думай о такой чепухе. Конечно, я люблю её. Но как сестру. Я, Керем и Айлин были вместе во всевозможных ситуациях.

— Я понимаю, но...

— Мне неприятно слышать, что ты ревнуешь меня к кухне. Это же инцест. Она бегала со мной по дому, а их ротвейлер по кличке Хас — рядом. Мы ели за одним столом столько лет, что не счесть. Наши родители общались так, будто это скоро закончится. И для моего отца это и вправду закончилось.

— Извини меня. Теперь я понимаю, что это лишь переживания о близком человеке. Прости.

— Тебе незачем извиняться. Мы — партнёры. А теперь спать.

Я была счастлива. Он был таким добрым. И сейчас я поверила его словам, потому что он говорил искренне, с открытой душой.

Яман был таким. Его шарм одурманивал даже самые стойкие сердца.

Повернувшись набок, я мгновенно заснула. Ведь никто не заберёт моё счастье. НИКТО.

А пока — хороших снов и удачных интриг.

ВСЁ НЕ ТО, ЧЕМ КАЖЕТСЯ...

Мы не те, кем являемся или пытаемся являться...

Покуда зло ходит с тобой,

Поверь в добро и не горюй.

Открой всем маску и признайся,

И тайну сердца затолкай всю.

А тем временем Яман не только не заснул, но и не мог простить себя за ещё одну сладкую ложь для своей жены.

Да, они родня. Да, они не могут быть вместе. Но, боже мой, как же он хочет, чтобы вместо Лейлы была Айлин.

Однако не все мечты становятся реальностью. Некоторые так и остаются на берегу моря, как камни, потонувшие в пережитках событий.

Часто, забываясь под градусом алкоголя, Яман представлял себя таким камнем. Со временем обточенным силой прибоя. Уже не являющимся частью этой планеты. Он застрял между двумя мирами. В потоке собственных поступков и мыслей.

Он не был ветреным. Он был верным. Но таким же эгоистом, каким являлась его самая сильная и единственная любовь.

И, став тем, кем он есть, он не мог бросить Лейлу. Но также не способен думать ни о ком, кроме Айлин.

«Однако я всегда буду вторым».

Это он говорил себе каждый день. И это мучило его изра-

ненное, не нашедшее отклика сердце.

«Любовь становится раем для любимых и адом для любивших».

— Да? Она кому-то рассказала о произошедшем?

— Нет. Мы следим за ней и прослушиваем.

— Уже скоро она поймёт: надо быть не умнее всех, а глупее.

ЛЕЙЛА И ЯМАН. ВЕЧЕР ПЯТНИЦЫ. УТРО СЛЕДУЮЩЕЙ СУББОТЫ

После разговора с Яманом что-то изменилось. Он уменьшил часы работы, стал уделять мне внимание и усыпил мою бдительность на сто процентов.

И сейчас, прохаживаясь с матерью по детским магазинам, я действительно испытывала то давнее, но пробудившееся с новой силой чувство насыщения жизнью.

Мать это заметила.

— Ты такая довольная, Лейла. Что-то хорошее произошло?

Я не смогла скрыть улыбку и рассказала о нынешнем положении с мужем.

— Он так ласков. Так мил.

Реакция матери была не такой радостной.

— Но он не был таким с тобой?

— Нет.

Она остановила меня и сильнее прижала к себе, взяв за руку.

— Лейла, ты понимаешь, что здесь нет ничего хорошего?

— Почему?

Я попыталась высвободиться, но безрезультатно. На нас косились прохожие, а продавец боялся подойти, чтобы не стать свидетелем разыгравшейся сцены.

— Отпусти. Мне и сыну больно.

Лишь слова о сыне сделали своё дело. Мать отбросила мою руку и вежливо попросила у консультанта голубой боди с мишкой посередине.

— Лейла, благодари моего внука за то, что я не высказала тебе за твою же глупость. — Перейдя на шёпот, она быстро заговорила: — У него есть любовница. Я уверена. И это значит, что ты, Лейла, плохо справляешься с обязанностями супруги. Яман — тот, кого нужно не только зацепить, но и удержать. Это выгодная партия. Белый свет для твоего отца. И вот счастье: мой Арас тоже влюбился в девушку их ранга.

— Ранга?

— Да. Они — элита. Мы молимся на таких. Благоволим перед ними. Если бы не твоя свадьба, отец бы разорился, а ты превратилась бы в нищенку, какой хотела стать много лет назад.

— Не смей так говорить! Доган был бы самым лучшим мужем и отцом!

Фыркнув, мать продолжила:

— К величайшему сожалению, его нет. Ах, да кого я обманываю? Променять золото на песок. Как прозаично, моя дорогая Лейла.

— Ты всегда так делаешь. Всегда потокаешь мне им. Всегда! Я устала.

— Ты должна быть самой лучшей. Или твой вагон уйдёт.

— Какой вагон? Кому я должна? Я сделала, как хотела ты. Ты, а не папа. Ты никогда меня не любила. Бросила в лапы незнакомого человека, но с дорогой фамилией и родословной. И, к твоему огорчению, я неплохо с ним живу. Даже смогла полюбить и прикипеть душой. А ты всё ищешь подвохи. Я сама думала об этом. Ждала, когда он уйдёт к дру-

гой. Но понимаю: ожидая, я лишь быстрее приближаю неизбежное. И ты как мать не можешь порадоваться за дочь?

Мать, как обычно, демонстративно отвернулась и стала рассматривать коляски.

Так случалось всегда. Странно, но для дочери именно мать была чужой. Взрослея, я старалась сблизиться с ней, но попытки оказались безуспешными. Она меня просто не любит. Не любит той любовью, какой любит Араса. Не ценит мою готовность прийти на помощь.

Всё, что касается меня, автоматически становится ненавистным, гадким, иллюзорным.

Эта женщина никогда не извинялась. Я — да. Всегда. Каждый раз в любом споре именно я оказывалась очагом раздора.

И вот в эту минуту мать снова разглагольствует, поставив точку: я ДОЛЖНА быть идеалом.

Но я ведь не должна, верно?

Мой спокойный темперамент прошёл огонь и воду, сделавшись стальным и внешне, и внутри.

Вдруг внизу живота закололо, и я сползла по стене.

Нет. Нет. Что происходит?

— Лейла! Позвоните в скорую! Срочно!

ГЛАВА 13

Время пришло. Карты раскрыты. Даю тебе маленькую подсказочку. Если ты ее развернула, то уже поняла, что там изображено. Старший аркан «Влюбленные». О, как это мило. Ведь от любви одни лишь проблемы, не находишь?

15 апреля 2020

Вчера я совершила что-то ужасное! Поистине ужасное! Он меня никогда не простит за это.

НИКОГДА
НИКОГДА
НИКОГДА
НИКОГДА...

ЛЕЙЛА

Читатель, наверное, в первый и последний раз я прибегаю к нехарактерной для меня манере описания. Однако другого выхода нет.

Героиня романа — Лейла — имеет полное право на главу от её лица. О её детстве и юности. Чтобы глубже раскрыть персонажа, важно показать жену Ямана Алтуна шире, чем я делала до этого. Ведь здесь каждый играет важную роль.

Я была вторым ребёнком в семье. Средним. Мой младший брат, Юсуф, с рождения страдал неизлечимой болезнью. Я не хочу раскрывать, какой именно, — эта тема слишком щепетильна по сей день. Одно могу сказать точно: после его смерти в возрасте четырёх лет наша жизнь стала другой.

Всю пустоту и боль родители перенесли с одного сына на Араса. Он — точная копия Юсуфа. Мать с отцом сходили с ума, если и с ним, не дай бог, что-то случилось.

Как вы поняли, меня в их родословной не существовало.

К шестнадцати годам, сформировавшись в девушку, не испытывая ласки и заботы, я прикипела к соседскому парню. Он был нашего круга, тоже из прибыльного состояния предков. Однако, как и все остальные, в итоге бросил меня, используя, как тряпичную куклу.

И тогда, при всей своей гордости и непоколебимости, я пошла к отцу. Впервые за много лет, увидев моё разбитое состояние, отец взревел. На следующий день этого парня публично обвинили в незаконном развращении несовершеннолетних.

Именно в тот переломный момент папа стал настоящим папой. Оберегающим. Уютным. Я стала его любимой доче-

рю, за которую он готов убить. И моей детской версии было достаточно одной такой любви.

Что с мамой? Для неё на планете Земля жили всего два сына. Один из них, как она выражалась, «ушёл к ангелам».

Ипек Шахин отличалась холодным, безэмоциональным нравом. Маска безразличия плелась за ней, словно порочная тень.

Внимание матери пришло лишь в период общения с семьёй Алтун. Уж очень она дорожила репутацией и видом. Перешагнув через свои принципы, она стала главной участницей жизни дочери. Но внутри Ипек осталась такой же. Жёсткой. Навязывающей правила и обязанности. Высказывающей недовольство и постоянную критику.

За столько лет можно привыкнуть, не находите?

Иногда, потупив взор, мать могла замахнуться на меня. Но отец вовремя приходил на помощь. Их брак трещал по

швам, а пресса только и говорила об искренней и вечной супружеской жизни этих двоих.

Находясь на трибуне детей мажоров, я не раз замечала, что мать заводит знакомства с партнёрами отца. А отец — с теми же методами. Несколько лет назад они негласно, между собой, объявили свободные отношения, посвятив в это лишь родных детей.

Арас, по-видимому, тоже всё замечал. Он отнёсся к этому спокойно и умиротворённо пожал плечами.

Мне же было жаль папу. Али Шахин не заслужил, чтобы его спутницей по жизни была она.

Годы шли. Ничего не менялось. Мать при каждом удобном случае лезла с советами, касаясь удержания выгодной подушки безопасности в виде Ямана.

«Если станешь официально членом семьи Алтун — поработишь весь мир», — таковы её слова. На мой взгляд, слиш-

ком много пафоса и высокопарности. В стиле Ипек.

Сейчас, наверное, по классике жанра, вам должно быть меня жаль. Пожалуйста, не жалейте. Мои родители — мои проблемы. Я лишь делюсь этим для полной картины.

Никто не выбирает родителей. Но даже к тем, кто не стоит и грамма внимания, ребёнок испытывает неподдельные и эмоциональные чувства. Ведь корень проблем в том, что, став старше, именно несформировавшийся ребёнок винит себя во всех грехах. Легко переложить на плечи невинного создания ошибки молодости.

Так было и со мной. Горечью утраты они выкинули воспоминания о наличии дочери. А при удобном случае, как по заказу, предъявили право опекать и исполнять прихоти.

В силу моей впечатлительности и страха совершить непоправимое, я бы никогда не познакомилась с Яманом. Я даже не знаю, какими мотивами руководствовалось сердце, совершая тот поступок во благо семейных устоев. Ведь раньше мало кого волновала судьба девочки по имени Лейла.

Когда я согласилась стать женой под данной фамилией, в лице матери, да и отчасти отца, я возвысилась на более высокий уровень.

Напоследок оставила самую сокровенную часть личной жизни.

Встреча с Доганом.

Помнится, это было обычное обеденное время. Полдень. Я шла со своей собакой Тайгой по Бейкозу: у бабушки по отцу там недвижимость, и я часто гостила. Побережье великолепно смотрелось оттуда в любое время дня и ночи, в любое время года.

По неизвестным причинам Тайга сорвалась и побежала по дороге вплоть до одного из магазинов. Он был невзрачным и не вписывался в состоятельный районный центр оживлённого Стамбула. Забежав туда, я ринулась за ней по пятам. Но меня опередили.

Молодой, красивый и харизматичный парень, ненамного старше меня, вынес эту сумасбродную даму из продуктового, параллельно успокаивая и нащёптывая СОБАКЕ слова.

Я не смогла сдержать смешок. Поняв, что он смотрит недоумённо, объяснила произошедшее.

— Меня зовут Доган Кайя.

— Я Лейла. Просто Лейла.

Ни к чему незнакомцу знать мою фамилию. Не стоит.

Так и закружило нас в водовороте любви и страсти. Нежные объятия, горячие поцелуи, исследования тел и прочие приятные вещи.

Однажды я даже познакомилась с его сестрой, но её образ,

совсем смутный, в ту же ночь исчез. Да и время вместе с Доганом — тоже.

Психиатр, к которому я попала по настоянию отца, а в дальнейшем и матери — что было ещё хуже терапии, — объяснил: при шоке мозг может закрыть некоторые или все фрагменты дня или длительного периода.

Так, я не помню тот день. Но прекрасно ощущаю те чувства, терзающие нутро.

Честно, после аварии мне запретили даже случайно идти к ним. Узнавать. Слышать. Видеть.

Да я и не пыталась. Боль распространялась, как ядовитый плющ, при любом упоминании.

Три года назад, переборов страх, я пришла в то место, но узнала, что его продали родственники.

И я ушла. Не попытавшись даже узнать, где живут его близкие. Отложила недостающий пазл в сторону.

Что я могу ещё сделать? Что скажу этим людям в лицо? Им не нужны размазанные по подушке слёзы когда-то влюблённой в уже давно почившего человека.

Возможно, вы меня осудите. Вот здесь — прошу, осудите!

Значит, я не была настолько привязана к нему. А может, это сумасшествие одолело? Внезапно, прямо в цель, без промаха.

Мне стало легче. Намного легче, чем было. Копившееся всю жизнь вдруг вылилось на вас. Не обессудьте, я не специально!

— Лейла! Лейла!

Надоедливый писк заставил открыть глаза. Прищурив-

шись, я почувствовала запах лекарств и больницы.

Я в больнице!

Но... что произошло? Как я сюда попала?

Привыкнув к потоку утреннего света, я начала различать знакомые фигуры. Первой заметила мать. Она стояла такая же холодная и недоступная, как всегда.

Я усмехнулась про себя. Ледник тронется, а Ипек Шахин — нет.

— Лейла, ты напугала нас!

Взгляд переместился на отца. Он беспокойно оглядывал моё тело, исследуя на наличие ран или причин для беспокойства.

— Всё хорошо, папа.

— Ты помнишь, что случилось? — нейтральным тоном, сев в кресло, произнесла мать.

Я отрицательно качнула головой и дотронулась до живота.

Его не было.

Я стала трогать живот двумя руками, пытаюсь сообразить, где мой малыш.

— Папа, где он?! Где мой сын?!

Отец быстро и безотлагательно заговорил:

— Ты упала в обморок. Врачи приехали и забрали тебя. Здесь у тебя отошли воды, и тебя экстренно повезли в операционную. Ты родила, доченька. Раньше срока, но родила!

Сынок! Наш внучок.

— Наш Юсуф, — тихо прошептала мать.

От наркоза в голове творился хаос. Как это — родила? Раньше почти на месяц. А почему его тогда не привезли?

— Где мой сын?

— Преждевременные роды дали о себе знать. Сейчас его обследуют. Он полежит в кувезе. Малыш прекрасен. С ним сидит Яман. Туда разрешено лишь ограниченное время.

Яман?

— Когда я родила?

— Полтора дня назад. Я горжусь тобой, дочка. — Папа поцеловал меня в лоб и поспешил к зятю, чтобы скорее рас-

сказать, что я пришла в себя.

Глядя в потолок, я не могла свыкнуться с мыслью, что так прошли мои роды, к которым я столь осмысленно готовилась.

Я — мама... У меня есть сын. Мой сыночек появился на свет, открыл глазки, сделал первый вдох. И я этого не видела.

На глаза навернулись слёзы. Они лились, словно море вышло за горизонт, а я и не пыталась их остановить.

— Не плачь. Юсуфа скоро к тебе привезут. Ты должна выглядеть красивой перед мужем, его матерью и другими членами семьи Алтун.

Я украдкой, с презрением посмотрела на мать. Ипек даже в эту минуту говорит о делах и имидже.

Обычно матери подбегают к дочерям, плачут вместе с ни-

ми и заботятся больше, чем о внуках. Но моя не такая.

И ещё — с чего они взяли, что моего сына будут звать Юсуф?

— Юсуфа не будет.

Мать оторвала глаза от телефона. Костяшки её пальцев побелели.

— Его зовут Юсуф Алтун.

— Его не будут называть, как моего мёртвого брата. Не будут! Я давала тебе множество поводов заткнуть меня, но в выборе имени решающее звено — мой муж и я. Я родила его.

— Ты — лишь сосуд для вынашивания. Мужчина — вот кто решает. И родители. Нам всем нравится это имя. И лучше всё-таки приведи себя в порядок, иначе на фотографиях расплывёшься. Алтун не должна выходить в свет с таким

ЛИЦОМ.

В моих жилах кипела ярость. Невероятная ярость.

Ни за что. Моего сына не будут называть именем того, кто давно не с нами, но будто всё ещё рядом. Память, столь горькая и печальная, шла бок о бок слишком долго. Пора прекратить это хотя бы в отношении собственного ребёнка.

— Я не могу назвать тебя иначе, как матерью. В раннем возрасте маленькая дочь ждёт ласки и нежности от своего кумира. Но я забыла это слово раз и навсегда, потому что именно ты вычеркнула меня из жизни. Как ненужную вещь. Как испорченный товар в супермаркете. Чем я была негодна? Я тоже потеряла брата! Тоже!

— Не смей так говорить о нём. Он — ангел. А ты... в тебе всегда было что-то такое. Дьявольское. Я знала, что подсознательно ты счастлива его кончине.

Из меня выбили весь воздух. Удар ниже пояса был нане-

сён с решительной чёткостью.

Подумать о том, что я радовалась смерти брата, — невыносимо!

— Побойся этих слов, чтобы не оказалось поздно извиняться. Я любила его. А ты... ты не мать! Может, и к лучшему, что Юсуф не увидел той, кем ты стала.

После этих слов Ипек подскочила и ударила меня. Щёку обожгло. В глазах темнота сменялась звёздным небом.

— Ты та, кого я меньше всего хотела. Да я жалею, что ты вообще родилась. Надо было сделать аборт, но нет же — муки совести победили.

Она начала резко трясти меня. Стало дурно. Слезы от боли перестали литься, и я пыталась пробудить инстинкт самосохранения.

Тщетно.

Пусть добьёт. Убьёт.

Она сказала, что хотела.

Ипек спасала себя, не понимая, что в помощи нуждалась та Лейла, которая так горячо любила свою маму...

Давным-давно я нарекла её мамой. А после сказочный розовый мир разрушился.

— Ипек! Что ты делаешь? Отойди от Лейлы!

Сзади показался отец. Он отдёргнул жену. Яман подскочил ко мне, что-то говорил, но я не слышала.

— Не Юсуф. Только не Юсуф.

— Хорошо, Лейла.

И тут меня накрыла истерика. Я доказывала, что так нельзя. Ребёнок мой.

В следующее мгновение тёплая жидкость разлилась по венам, и я притихла.

Все мысли стали такими далёкими, такими чуждыми, что хотелось прыгать от счастья.

Ко мне бежал мальчик. Лица его не было видно. Но отношение к нему казалось тёплым и приятным. Он протянул руку и раскрыл её.

Взяв содержимое, я ахнула.

Камень.

Когда-то, много лет назад, на пляже в Филадельфии, трёх-
летний Юсуф искал сокровище. И нашёл этот камень. Он
прозвал его Патрик.

— Юсуф. Милый. Это ты?

Облик брата кивнул, обнял меня крошечными ручками, а
затем, повернувшись, побежал обратно.

Этот сон я запомню надолго.

А сколько это — долго?

И какова вероятность, что мой мозг не проживает послед-
ние семь минут жизни?

Но никто никогда не узнает правды...

ГЛАВА 14

*Тише будь и не грусти
Победи и уходи....*

Моя милая Айлин, ты не умеешь хранить секреты. Верно? Возможно ты поняла, кто я. Возможно уже следишь за своим хищником. Только я на шаг впереди.

Завтра я опубликую последнее и важное событие на строках твоего дневника.

СЕЧИЛЬ

Рассказав Вам суть, думаю вы понимаете, зачем я делаю столько многоходовок. Надеюсь, я ответила на ваши вопросы, касаемо моего желания уничтожить медленно, мучительно семью Алтун. Или хотя бы Керема...

И мои действия дают плоды. Вчера созывался срочный совет, в котором обсуждали итоги проигрыша в тендере. Конкуренты обошли нас, совершив сделку на сумму, заранее не имеющейся по данным в их доступе. Конечно, я знала это. Однако компания Алтун, взяв долг, не смогла его отдать. И доход начнет превращаться в расход.

- Как они узнали? - взревел Боран-бей.

Спустя достаточно времени, проведенной в этой обстановке, я узнала о нем поближе. Боран Алтун был жестоким,

нарциссическим мужчиной, о его дочери говорили так же. Но мы с ней подружились. Точнее она считает меня своей подругой. А я позволяю ей так думать. Всегда остерегайся любого из Алтунов - это мой девиз.

- Мы потеряли миллионы, ты хоть понимаешь? Никчемная глупая голова, кто тебя нанял? - финансовый директор понурил голову, несмотря на свой более преклонный возраст. - Эта сделка дала старт для филиала в другой стране, при этом поддержав другие. Мы смогли бы оказывать им юридические и иные услуги, выручив для собранных нужд золотые горы. А теперь придется либо закрыть филиалы, либо влезть в кредиты.

- Но дядя, а разве у нас нет денег? - Яман со свойственной ему спокойной манерой произнес то, что ты на уме у каждого сидящего за столом.

- ИХ НЕТ! Денег нет. Мы были на грани банкротства из-за собственных трат.

- А какие у нас были траты? Что-то не припомню! - голос как сталь отчеканил Керем. - Здесь все свои, говори дядя, мне стало интересно.

Боран, весь покрасневший, но злой, принялся еще больше

кричать.

- Я помог другу. Взял кредит, чтобы они присоединились к нам. Однако тот разорился. Казна пуста!

Я, секретарь Керема и директора отделов в удивлении смотрели на своего хозяина, кормившего их семьёю годами.

Я внутри себя улыбнулась. О да, так вы оказывается еще и без денег. Очень вовремя и кстати. Молодец, Боран-бей. Темная лошадка выходит на арену, а тут уже и бить нечего. Все сделали за меня. В любом случае, если они потопят себя, я не прощу, если не заберу жизнь убийцы моих родителей. Око за око. Зуб за зуб. Жизнь за жизнь. Придется только выбрать подходящее место и время, не подставив себя. Хотя даже если и подставлю, мне всё равно. Справедливость, хоть и частичная, крошечная, восторжествует и уравновесит чашу весов во вратах между адом и раем. Разве кто-то должен ускользать от лап праведных, поклоняться порочающим и греховным? Нет. И Керем Алтун не исключение из правил, а такая же личность в теле человека.

- Тогда нужно искать сотрудничество. А как же N-Ная корпорация? Семья Милек поможет.

- Они не могут, я спрашивал.

- Как.

- А вот так, Яман. Видишь, бизнес сложнее, чем ты думаешь. Урганджиоглу перешли дорогу какой-то крупной рыбе, и теперь сами повязаны исполнением долгового обязательства. Халит случайно обмолвился. От них ушло половина спонсоров.

Так, спустя час, не прийдя ни к какому выводу, стали расходиться по своим местам. Дел было невпроворот.

- Жюли, передай мне список всех компаний, которые сотрудничают с нами. А также позвонили Родригесам и скажи, что Яман-бей занят. Перенеси на следующий день на три часа Позже. Спасибо.

Жюли, понутив голову, испуганно наблюдала за происходящим. Ей уже рассказали о случившемся в переговорной, и по ее телу пробежали мурашки.

- Госпожа Сечиль, неужели и вправду все так плохо?

- Надеюсь нет- Да, ДА ДА ДА- ох, это так ужасно и печально.

- Вы правы, вы абсолютно правы. Корпорация, а один миг

может сложиться как карточный домик.

- И не говори. Но - я дотронулась до ее плеча - не падай духом, Алтуны непобедимы.

Вранье признается за правду, если искренне не веришь в произошедшее. И я не верила, что они непобедимы. Личными усилиями, шаг за шагом, кирпич за кирпичом я буду уничтожать внутренности компании, пока не останется ни одной живой души по фамилии Алтун.

- Давай приступим к делам, из неувпоровот.

И мы, улыбнувшись друг другу, начали раскладывать по местам и приводить в порядок документы, обзванивать клиентов и анализировать возможные риски.

В обеденный перерыв, заглянул Керем-бей. Сделав вид, что его не существует, зарылась побольше в бумаги. Но не тут-то было.

- Сечиль, ты идешь со мной. Яман уехал. Сказал, что ты можешь помочь.

- Куда поехал Яман-бей? Он мне ничего не говорил.

- Его жена родила. Сегодня. Сына.

Боль укольнула глубоко внутрь. Сын... На месте Ямана должен был быть мой брат, и лелеять своего новорожденного ребенка. Однако Доган никогда уже не ощутит прелести семейной жизни и отцовского тепла. И все из-за человека, так непринужденно и вольно стоящего напротив. Я прищурилась: неужели у этого мужчины столь ненавистное сердце, которое не горит при мысли о сломанной судьбе и судьбах. Становится плохо от разделявшего даже с ним одного воздуха. Он мерзок и жесток, раз проявляет повседневно такое хладнокровие вперемешку с высокомерием. Считает себя фешенебельнее остальных - ну и пусть. Но почему иногда мое сердце ждет внимания или же я совсем помешалась от мщения? Ведь когда ты думаешь о навязчивой мысли, эта мысль становится реальной или же переходит в одержимость несуществующего образа или действия. Возможно я сошла с ума и в перемешку с ненавистью ощущаю прилив чего-то иного, чуждого мне до встречи с ним. Даже тот поцелуй, я пытаюсь забыть, но в голове происходит борьба. Одна сторона говорит: он враг и ты не можешь мыслить о нем в более позитивном ключе, вторая же твердит попробовал на вкус плод убийцы, узнать его побольше. Что я говорю? Из-за Керема Алтуна погибла моя семья, тяжелая утрата и горечь от их отсутствия. А у меня крошечные помыслы о нем, это отвратительно, я сама себе мерзка. Доказана вина, виновник не наказан. Но его эти черты лица, мне одновременно хочется

их рассмотреть и стереть с земли. Пора выпить воды! Нельзя отходить от плана. Вспомни родителей , вспомни Догана. Помни, помни , помни.

Керем, заметив побледневшее от нервов мое лицо, неожиданно для себя в несвойственной ему манере подошел и положил руку на мое плечо. Аккуратно и тихонько спросил:

- Все в порядке? Ты выглядишь измученной.

Я отмахнулась а место, где только лежала его рука, горело и пульсировало.

- Все хорошо. Господин Керем, я выполню ваши поручения. Можете не беспокоиться. Сейчас подойду.

Керем отошел как от пощены и надел беспристрастную маску. Что с ним такое случилось? Где холодный робот и циник, которого я всей душой не могу переносить.

Думаю многим из вас неинтересно, что я делала с кипой бумаг и договоров, ксерокопиями и сшиванием документов, переносом клиентов и печатанием отчета за месяц. Так? Вас больше обескураживает размышления в голове Се-чиль Кайя. И к сожалению, на него у меня нет ответа. Понимайте как хотите, только не оскорбляйте. Последнего я просто не перенесу. А переменчивость людского сердца, перене-

сенного таким количеством печальных событий, может приводить к сему роду последствиям. Это как Стокгольмский синдром, когда жертва начинает испытывать чувства к маньяку, который ее мучает. Ее мысли переполняются тысячами способами сбежать, а когда цель рядом, начинается паника. Страх, боль, выработка сил, а также совесть. Человек долго жаждущий насыщается путем, а не итогом, и начинает жалеть не только себя, но и виновника. Мозг работает по-другому, ставя в тупик решения и пути, к которому жертва приходит с самого начала. Ее внутренняя политика меняется на 360. По научному подопытной ломают психику, заставляя маниакально привязаться к нужному лицу. Также и со мной. Я настолько была зациклена на Кереме, что придя и стоя рядом, понимаю, что привязана к нему годами. Что я ищу в нем положительные малейшие качества, проявление эмоций или же частицу добропорядочности. Но иллюзии разбиваются и замок из песка теряет прежнее величественное, построенное с надеждой на сохранение, обличие.

Я - сама становлюсь помешанной. И меня нервирует то, что чувствую.

- Ты сделала достаточно, можешь идти домой.

Одна из работниц попросила передать слова господина Алтуна. Какого я не хотела и спрашивать. В голове кружились сотни разработок и сюжетов и я именно сейчас впервые

задумалась, а чем я лучше него? Отвечать злом на зло. Восемь лет согревания газеты с намеком на влиятельную семью Алтун. А по итогу, уже находясь здесь и внедряя хаос в их жизнь, я топчусь на месте от нахлынувших страдальческих посылов о справедливости мирского существования и силе «бумеранга».

Мозг повторяет «Отступать нельзя!» «Или ты , или теб». Жалость к себе от несодеянного погубит тебя в мгновение Ока после решения остановиться и уйти в сторону. Так не получится. Раз решила, доведи до конца. Тогда, спустя много лет, ты предстанешь перед ними не как защитница правды, а как слабовольная и неспособная девочка. Ощущаешь разницу? Думай не о себе, хотя бы в этом вопросе.

Мне стало плохо. Морально и физически. Мне срочно нужно лечь и отдохнуть. Столько накопившейся работы, переживаний, стрессе, встреч, кошмаров. Я истощена до предела. Собрав вещи, быстро пошла домой. Когда автобус высадил меня, и едва калитка родной обители открылась взору, я облегченно вздохнула. Пора переварить терзания.

Зайдя в гостиную, без разбора ничком легла на диван. В голове копились тысячи и тысячи мыслей, осколки которых небрежными движениями впивались в мою плоть изнутри. Когда придет день и я стану по-настоящему счастлива? И существует ли это ощущение? И каковы последствия?

Я готова была плакать. Кричать, орать, стонать. Взвалив на себя ношу, поняла, что она непосильна. Надеюсь на благоразумие и усердие, верила, что крепче духом, чем есть на самом деле. Но нет... я слаба. И сейчас это проявляется еще больше.

«Мама, папа, Доган, я... я сделаю это. Я смогу. Нет - шепчет мне мое второе сознание - нет, ты не убьешь человека. Не ты сотворила его, не тебе решать и искать выверенную правду. Остановись, ведь верный путь не сыщешь на страницах о мстительности и горячности. Жестокость - огромный порок, путающий сознание как сейчас и происходит с тобой.

С этими мыслями, трепещущими душу, я заснула.

Легкое, как перышко касание разбудило из туманного сна. Он не был простым, он нес роковое значение в судьбу жизни людей. В том числе и меня.

Открыв глаза, увидела Чичек. Она мягко улыбнулась и устроилась рядом. Приобняв, как всегда делая, сестра наблюдала и своим молчанием пытаться понять, что случилось. Чичек безмолвно ждала рассказала о произошедшем.

- Сестра. Привет.

- Почему ты так рано вернулась?

Посмотрев по сторонам, я спросила:

- А где Диджле?

- Она в саду, скоро пойдут гулять, а затем мама с папой заберут ее. Я пришла домой отдохнуть и пойти на пары. Сегодня же во вторую смену. Ты забыла?

- Да, дорогая. Совсем из головы вылетело.

- Ничего. - она провела своими тоненьким пальцами вдоль моей щеки, поцеловав в лоб- расскажи, милая, что случилось? Ты в это время еще на работе.

- Все сложно...

Чичек выглядела не удовлетворенной результатом выпытывания, заставив не юлить и поделиться.

- Я вижу, ты погибаешь, съедая себя изнутри. План пошел под откос? Керем узнал о тебе?

- Нет. - и тут слезы полились, я уткнулась в сестру и жалостно причитая, поделилась сидящем в сердце грузом.

Выслушав, принеся мне воды, начала мыслить. Сестра всегда такой была. Анализирует и прогнозирует, вывод из

общего - частное.

- Ты должна выпустить свои эмоции. Это во в первых. Во вторых, я не знаю, как ты сейчас отреагируешь на мои слова, но я скажу их. Я думаю, что Керем небезразличен тебе.

- Что?

- Не злись. Дай закончить. Мы с тобой знали, что план, разработанный столько лет может дать трещину, не проработанный момент, обходной путь, решай сама как его назвать. Ненависть, кормленная годами разумом, превратилась в интерес, а интерес в любовь. Мне неприятно это говорить, но лично я вижу данную ситуацию так. Ты столкнулась со своим внутренним конфликтом, отталкивая его за границы дозволенного. Сечиль, дорогая, да ты только о нем и говоришь.

- Ты мне в укор ставишь?

- Нет, что ты. Я не терплю этого человека, потому что его поступок разрушил мир спокойствия молодой девушки. Эта утрата затронула нас и изменила. Просто, если это вправду так, и ты чувствуешь к нему не только негативное чувство, то может стоит его принять? В любом случае, мы не знаем, а точно ли с вероятностью сто процентов именно Керем Алтун виноват в аварии. Слова полиции конечно многое значат, но верны ли они? А если это несчастный случай? Случай, после

которого и он сам страдает, находясь в тени своих страхов и ничтожных размышлений?

- Но ты поддерживала меня и согласилась.

- И я всегда буду на твоей стороне. Просто... ты поглощена этим, мучая себя. Ты должна ему рассказать об аварии, должна объяснить и может быть Керем выскажет то, о чем мы и не могли помыслить. Факты, доказательства невинности.

- С чего он мне скажет?

- По твоим словам, а я абсолютно верю им, он сам чувствует к тебе что-то, похожее на привязанность. Ревность в его ситуации, тот поцелуй, его метания и игры в горячо-холодно. Несложно догадаться, что он как и ты не может отвернуться от похожих чувств.

- Мне тошно - кричу я- он убийца, я не могу быть с убийцей.

- Верно. Ты права. Но... может стоит начать жизнь заново? Если он признает в содеянном, попытаться простить? Перевернуть главу прошлого, да, с тоской и болью.

- Как ты себе представляешь? Ты сама сошла с ума, сестра. Я не хочу тебя слушать и не буду.

- Прошу, не злись.

Но я вырвалась. Ее абсурд даже больше моего. Ахиня из ее уст вскрыла кровоточащие раны, скорбь и память о родителях, их нехватке.

- Сечиль, хватит мучить себя, их не вернешь. Сначала я была за плана, но теперь, видя тебя, я боюсь. Мне страшно потерять еще одного близкого человека.

Остановившись, повернула голову и словно в забвении произнесла:

- Не ты потеряла всю свою семью. Я одна.

Чичек, собранная по натуре, в несвойственной ей манере взревела.

- Одна? Я потеряла дядю, его жену, с которой мы были близки даже больше, чем с матерью в конкретных вопросах, двоюродного брата, приходившего на помощь и дающего неоценимые советы. В тот день, в момент звонка, я потеряла ту версию тебя. Но ни на миг не оставляла. Ни на день не упрекала и любила. А сейчас ты причинила мне боль сво-

ими словами. Если ты слепа и запуталась, не нужно вымещать злобу на тех, для кого ты на первом месте. Тетя Анна однажды сказала мне, чтобы я оберегала тебя. И я это делала. Не для нее, а потому что ты моя сестра. Можно сказать, родная, самая близкая и лучшая. Если хочешь побыть одна - будь. Но не превращай месть в одержимость, сметая всех и вся на пути. Я поддерживу тебя в любом вопросе; но если есть возможность откровенного разговора между двумя влюбленными людьми, то я бы выбрала это. Да больно, но может быть не Керем специально это сделал, а несчастный случай? Мы же не знаем, как отобразилась авария на нем?

- Теперь ты его защищаешь?

- Нет. Только если он и виновен, то мстить за это должен Всевышний, преподать урок. А несчастный случай, да еще и в такую удачную погоду восемь лет назад, вполне вероятен.

- Я не оставлю это. Он умрет. Сейчас я окончательно решила.

- Я не могу больше потерять сестру, Сечиль. - слезы градом катились по милому лицу Чичек.- Кто будет помогать мне в реальном мире, поддерживать и наставлять Диджле. Может остановишься здесь? сестра, прошу!

- Нет... после твоей речи мой разум прояснился и до безумия, иногда противоречивое, сказанное тобой, непростительно для меня. Любое преступление - это преступление. И если надо, чтобы это не было по отношению к убийце близких, я запихну его в самую глубь и похороню его раз и навсегда.

И Чичек пришлось лишь смириться с моим доводом.

- Прости, сестра. За мои слова.

Кузина улыбнулась и кивнув, обняла. С самого младенчества она была рядом, мы пережили столько всего, что количество перевалило в миллионы. *Она была моей душой, моим светом в ночи, и путеводной звездой. Без нее я не была бы я...*

ГЛАВА 15

КЕРЕМ

Утром, уже будучи в офисе, я получил сообщение от брата.

«С сыном всё хорошо. Лейла отходит от наркоза».

«Поздравляю, брат».

«Спасибо».

Мы с Яманом не были близки. Несмотря на то что мы близнецы и между нами существовала неподдельная связь, крепкой её назвать было нельзя. Но я искренне рад за него. Сын! Разве не это мечта каждого мужчины, достигшего высот в бизнесе? Верно. И даже если компания разрушится — чего я, безусловно, не допущу, — у Ямана будет семья.

У нас тоже была семья... до смерти отца.

Озгюр славился приятной наружностью и мягким нравом. Его отношение к семье и любовь к детям делали его великим среди других. С раннего детства я был привязан к отцу. У нас было много общего: темперамент, вкус, привычки, даже аллергия. Да, у меня жуткая аллергия на орехи. Мама, узнав об этом, чуть не сошла с ума. Пришлось убирать половину блюд из рациона. Тогда я считал, что жизнь кончена. Как же

я ошибался.

И вот, сидя за этим столом, предавшись тёплым воспоминаниям, я снова увидел её. Сечиль.

Вчера она ушла, явно чувствуя себя нехорошо. Иначе, как обычно, сказала бы какую-нибудь колкость. Спросил у Жюли, не знает ли она, что случилось. Получив отрицательный ответ, я приготовил сюрприз. Небольшой букет роз, поставленный на её стол, был весьма неплохим пожеланием выздоровления.

Честно говоря, я не мог понять своих мотивов. Безусловно, Сечиль меня бесила, раздражала, выводила из себя. Но, с другой стороны, лишь она одна не смотрела на меня как на золотую медаль, достигнув которую станешь лучшим спортсменом в мире. Она не прогибалась и говорила правду в глаза. А увидев её с Селимом, я понял, что невероятным образом влюбился.

Ненависть взрастила огонёк любви, превратив его в бушующий пожар, разгорающийся с каждым днём.

Послушав друга о том дне и поняв, что Селиму она очень нравится, я решил завоевать Сечиль. Стать обходительным. Может, она почувствует то же, что и я? Или я тешусь глупыми мыслями?

Сечиль... Она такая...

Мысли оборвал звук телефона.

Айлин. Пропущенный звонок (10).

А: «Керем, мне нужна твоя помощь. Возможно, сегодня решится моя судьба».

К: «Прекрати мне писать. Я на работе».

А: «Прости меня».

Через десять минут я опомнился. В смысле «прости меня»?

Эта фраза вызвала во мне странное чувство. Айлин никогда не просит прощения. Это не в её характере. Не в её стиле.

Я набрал её номер. Сбрасывает.

Ох, Айлин.

К: «Где ты?»

Тишина.

Ладно. Приеду домой вечером и решу вопрос. Если нужно — заеду к ним.

Но как же потом, узнав о случившемся, Керем будет жа-

леть, что не настоял на звонке и не успел спасти свою кухню...

Хруст под ногами привлекал внимание моих «гончих». Они близко. Они здесь.

Одна скупая слеза прокатилась по обмёрзшей щеке и тут же застыла ледяной крошкой. Десять часов на холоде. Босые окровавленные ноги оставляли след, по которому я пыталась выбраться к людям. Но лес молчал. Только снег скрипел под ступнями, выдавая каждый шаг.

Движение справа впрыснуло в кровь адреналин. Я перешла на бег. Неслась сломя голову, даже не сообразив, что меня в любом случае поймают. Это игра. И я в ней лишь пешка.

Но даже тогда я думала о нём. Мой демон. Мой порок. Моя жизнь.

Я готова принять свою судьбу, зная, что даже в загробном мире мы с ним встретимся.

В самый страшный момент, усмехнувшись от скорой кончины, я вспомнила строки собственного сочинения.

«Демон»

Когда ты влюбишься — запомни:

Любовь есть зло во тьме никчемной.

Твой Демон рядом, пред тобой,

Начертанный тебе судьбой.

Он бродит в пустоши, по морю,

Приходит, томно говорит:

«Любим я был, а ты немая,

Хоть слово вымолвить могла.

А ты осталась как чужая —

Чужая жизнь и тишина».

В объятиях нежных засыпаю,

А чувствую себя одним.

Ты недостойна.

Но родная.

Я не могу просто уйти.

Уж лучше буду мучить нас,

Чем приходить не в нужный час.

В холодном доме оставаться

И заново в тебя влюбляться.

Но ты уже будешь с другим,

А я предстану перед ним —

Просить продать тебя как ценность,

Манящую меня как сон.

«Только во тьме забудь об этом,

Мой милый муж, мой чудо-друг.

Я буду вечно лишь с тобой

И зацелую под луной».

Всё ещё бежав и проговаривая про себя слова, я остановилась поражённая увиденным.

Человек в маске с орудием в руке смотрел на меня из-за дерева. Он нагнал меня. НАГНАЛ.

Но он же был так далеко сзади? А сейчас — впереди. Прямо передо мной!

Или мне уже кажется?

Тело окоченело настолько, что каждый вздох давался с хрипом. Лёгкие горели. Во рту — привкус крови и снега. Сердце билось где-то в горле, в висках, в кончиках отмороженных пальцев.

Он не двигался. Просто стоял и смотрел. И в этом бездействии было куда больше ужаса, чем если бы он бросился на меня сразу.

— Кто ты? Покажись.

Молчание. Только ветер.

— Покажи своё лицо и убей. Но не будь трусом.

И он это делает.

Медленными, выверенными движениями маска слетает с лица. Сначала я вижу подбородок. Потом губы, растянутые в улыбке. А затем глаза.

Знакомые. Слишком знакомые.

Но я не успеваю понять, кому они принадлежат.

Лицо расплывается. Черты меняются. Один миг — и передо мной будто бы Керем. Другой — Яман. Третий — кто-то, кого я видела лишь мельком, в толпе, много лет назад.

Или это всё мне мерещится?

Из моего рта вырывается вопль. Не крик. Именно вопль — животный, рвущий горло.

Нет. Только не... Нет!

Я отшатнулась. Ноги подкосились. Земля ушла из-под ног.

А потом — пустота.

Крик сброшенной с обрыва измученной девушки остался в памяти деревьев лишь завыванием ветра. Снег безмолвно принял тело. Лес накрыл его тишиной.

Выполнив приказ и поместив тело на видное место, рабо-

тая в перчатках, не оставляя улик, «Оно» напевало.

Сначала тихо. Потом всё громче. Голос то становился женским, то срывался на мужской. Словно пел не один человек, а несколько.

«Море не спит, а дуб не шумит.

Найди ты её — и будешь жив.

Бойся судьбы, что под смехом дрожит.

Плачь и узнаешь, кто врал и блюдит».

Оно склонилось над телом. Провело пальцем по холодной щеке. Почти нежно.

— Ты всегда думала, что умнее всех. А оказалась просто девочкой, которая слишком поздно поняла, с кем играла.

Выпрямилось. Посмотрело вдаль, туда, где за лесом спал

город.

— Один уже ищет. Второй скоро начнёт. А третий... третий всегда знал, чем всё закончится.

Усмехнувшись, «Оно» развернулось и пошло прочь. Следы тянулись за ним, но через несколько метров обрывались. Будто человека и вовсе не существовало.

Но прежде чем исчезнуть, «Оно» остановилось на секунду. Достало из кармана маленький предмет и положило его на камень у самой кромки обрыва.

Это был браслет. Тонкий, серебряный, с потускневшей от времени гравировкой на внутренней стороне.

Вещь, которую Айлин потеряла много лет назад.

Вещь, о существовании которой не знал почти никто.

И теперь она лежала у обрыва. Слишком аккуратно. Слишком нарочно. Словно её не уронили, а оставили. Как знак. Как предупреждение. Или как издёвку.

Но кто мог знать об этом браслете?

Тот, кто был рядом с Айлин в день, когда она его потеряла? Или тот, кто следил за ней годами?

А может, «Оно» и не знало значения этой вещи. Просто выполняло чужой приказ.

Или знало всё.

И тогда браслет — это не улика. Это приглашение. Кому-то, кто должен его найти. Кому-то, кто поймёт, что это не случайность.

Но кто?

Или кто-то, о ком они все забыли?

«Оно» растворилось в лесу, оставив после себя лишь снег, тишину и крошечный серебряный браслет, блестевший в лунном свете.

Следы оборвались. Будто человека и не было.

А может, и не было.

План почти выполнен. Осталось дело за малым.

Ну что, Керем-бей, сможешь ли ты отыскать свою никчёмную сестренку?

«Оно» проделало филигранную работу, достойную мастера. Что может быть лучше ушедшей правды? Лишь смакование её.

Хозяин будет доволен.

А кто именно нанял — не знал даже сам исполнитель.

И чем больше «Оно» думало об этом, тем сильнее убеждалось: заказчик не просто знал семью Алтун.

Он был везде.

Снаружи. Внутри. Рядом.

Он мог быть кем угодно.

Мужчиной. Женщиной.

Тем, кто сидел за одним столом с Айлин.

Или тем, кто никогда не появлялся в их доме.

А может, заказчика и вовсе не было.

Может, «Оно» само придумало его, чтобы не сойти с ума от того, что творило.

Но тогда кто платил?

Кто оставил браслет?

Кто знал, где искать ее?

«Оно» не знало ответов.

И, возможно, это было к лучшему.

Потому что иногда незнание — единственный способ выжить.

20:00

«Я ЗДЕСЬ ПО ТВОЕЙ ВИНЕ. ТЫ ЗАСТАВИЛ МЕНЯ СДЕЛАТЬ ЭТО».

Я ЗДЕСЬ

Я ЗДЕСЬ

Я ЗДЕСЬ

Я ЗДЕСЬ

Да, именно такая участь у тех, кто слишком много всего знает.

ЧАСТЬ II «ПОИСК»

ГЛАВА 16

Воспоминание Догана

Боль пришла не сразу, сначала был удар – глухой, тяжелый, как будто весь мир схлопнулся в мою грудную клетку. Я услышал хруст стекла, крик мамы, папино проклятье, а потом – тишина. Она накрывала меня ватой, теплой и липкой. Помню, что люди в телевизоре в такие моменты просили не засыпать. Я попытаюсь. Ноги не чувствовались, я даже не понял сразу, что мы перевернулись. Я висел на ремне как кук-

ла, и в ушах звенел тот звук – металлический стон, который издают умирающие машины. Где-то рядом были мои родители, но они молчали. Я хотел позвать их, но вместо слов из горла вырвался только хрип.

А потом я подумал о Сечиль. Моей младшей сестренке. Ей всего пятнадцать и как она будет одна? Я вспомнил ее милые ямочки на щеках, светлые, почти белые волосы и прозрачные как небо голубые глаза. Она такая светлая девочка, смотрящая на мир с обожанием. Как она любила печь торт на папин день рождения! Мы тогда всю кухню заляпали кремом, а она заплакала, потому что свечи не хотели зажигаться. Я обнял ее и сказал: «Ничего, в следующем году мы купим самые лучшие свечи». Мы не купили. Не будет следующего года.

Всетаки как мозг человека ясно понимает момент, что постепенно погибает. Ты веришь в чудо исцеления, прежней жизни, но этого не случается. На все боля божья, бога и судьбы.

Я слышал голоса снаружи. Кто-то кричал, хлопали дверцы машин, шуршали шины по мокрому асфальту. Кто это может быть? Разум постепенно заплотняла дымка, но я еще не закончил свои размышления в конце своего пути. Я смотрел на него сквозь треснутое стекло и думал, как глупо это все. Мы ехали по своим делам, спорили о фильме, а через секунду – пустота. И я не знаю, кто врезался в нас. Даже не успел разглядеть ту машину. Может это был пьяный водитель, мо-

жет, кто-то отвлекся.

Жизнь – что это? Одно мгновенье. Одно дыхание. А потом темнота. Я закрою глаза и все. А остальные останутся. Им придется жить дальше.

Ну вот и все. Прощай, Сечиль, мой маленький ангел. Я люблю тебя.

За 24 часа до того, как найдут тело.

СЕЧИЛЬ

Настало время раскрыть все карты и уничтожить врага.

Я шла размеренными шагами к той самой двери, и сердце с болью замирало. «Почему ты чувствуешь к нему не только ненависть? Разве твоё сердце способно испытывать что-то хорошее? Сотри из памяти слова Чичек и соберись. Либо сейчас, либо никогда».

Время было далеко за семь вечера. Я вошла без стука. Почти всех сотрудников отпустили, а начальство пребывало в больнице по случаю рождения нового члена их большой семьи.

Керем сидел за столом, устало глядя в монитор. Рубашка расстёгнута до четвёртой пуговицы, галстук валялся на полу.

«Соберись, Сечиль».

Он поднял глаза и, заметив меня, мягко улыбнулся.

— Сечиль? Ты что здесь делаешь? Я думал, ты ушла вместе со всеми. Сегодня сокращённый день. Ты плохо себя чувствуешь?

Я ничего не произнесла. Слова застряли в горле комом.

— Сечиль? Ты меня слышишь? Что-то случилось?

Я кивнула.

— Я пришла разобраться, Керем-бей. И с чего такое тёплое отношение именно сегодня? Розы на столе?

— Решил, что пора закончить нашу вражду. Хочу узнать тебя получше и перестать быть врагом.

Я пропустила его слова мимо ушей и направила разговор в нужное русло.

— Вы спрашивали, что случилось?

Он наблюдал за каждым моим движением, за мимикой, за взглядом. Кивнул, ожидая.

«Давай, Сечиль. Тебе нечего терять. Сделай это. Отомсти».

— Случился ты. Восемь лет назад. В день, когда моя жизнь разделилась на «до» и «после».

Керем явно не ожидал такого начала.

— Я тебя не понимаю... Объясни.

Он начал подниматься, но я внезапно закричала:

— Сядь на место! Я... я должна это сделать. Ты не понимаешь и не поймёшь... Эта пустота... она всегда со мной... всегда...

Слёзы катились по щекам.

Я достала из сумки пистолет и направила его прямо в лоб Керему.

— Сечиль, убери оружие. Что ты делаешь? Ты с ума сошла?

— Я давно сошла... ещё тогда... когда маленькая Се...

Я осеклась и перезарядила пистолет так, как когда-то показывал дядя Мерт, у которого я украла оружие.

— Сечиль... посмотри на меня... Зачем ты наставила его на меня?

Я засмеялась. Сквозь льющиеся слёзы. А внутри — ничего.

— Я пыталась подобраться к тебе все эти годы. И вот я здесь, чтобы отомстить за свою семью. Отомстить человеку, так яростно скрывавшему свой статус убийцы. Хочешь историю? У нас есть минута. Больше восьми лет назад произошла авария, в которой ты был виновен. Да. Это была моя семья.

Лицо Керема стало белым и безэмоциональным.

— Моя семья тогда погибла. Мать, отец, брат... А я нет.

В тот злополучный день, узнав о случившемся, я приехала на место аварии. Откуда я узнала твоё имя? Полицейский передавал информацию начальству. Сказал, что ты назвался Алтуном Керемом. Сын богатых родителей. В итоге дело замяли, мою семью сделали виновной, а тебя — белым и пушистым.

— Это был несчастный случай.

— Несчастный случай унёс не твою жизнь, а жизни невинных людей, которые спешили к своей дочери и сестре! У моего брата была девушка, которая ждала предложения... Но всё было зря... Скажи зачем? Зачем ты это сделал? Как совесть не замучила тебя за столько лет?

Он молчал.

— Почему ты молчишь? — я стала жать на курок. Руки тряслись.

— Потому что это не я был за рулём того автомобиля!

Его слова ввели меня в шок. Я слышала его имя. Видела его лицо.

— Но я всё знаю.

— Ты ничего не знаешь, Сечиль. Абсолютно ничего.

— Тогда расскажи! Я обязана знать! Это была моя семья! — я неистово орала, слёзы лились ручьём. — Ещё скажи, что это мой брат врезался в вашу машину!

— Это был не я! — Керем вышел из себя. — Убери пистолет и не совершай ошибку. Твой поступок не вернёт тебе семью.

— Кто? Имя?

И тут пазлы начали складываться в моей голове.

Керем медленно подходил ко мне. Его рука почти дотронулась до моей, но я вовремя отстранилась. Нет, нет, нет. Не может быть. Но именно это и может быть. Конечно.

— Сечиль, прошу, посмотри на меня. Прошу. Сечиль... Давай поговорим. Убери оружие, и я всё расскажу.

Оружие с грохотом упало на пол. Я в ужасе прикрыла рот рукой. Колени задрожали, мир вокруг закружился. Сердце начало выпрыгивать из груди.

Тук.

Тук.

Тук.

«Скажи. Скажи это. Скажи!»

— Это он. Он. Мой брат!

— Он не хотел этого... Это несчастный случай.

— Ты всё знал! Ты, мерзкий подонок, покрывал своего брата! Ну конечно! А я-то думаю, почему он называл твоё имя и так на тебя похож!

— Он был не в себе. Черепно-мозговая травма. Думаю, он даже не понял вопроса и сказал первое близкое ему имя.

— Первое близкое? Был не в себе? Он погубил троих! Всё это время я ненавидела тебя. Проклинала во снах и ждала расплаты. А параллельно благополучно общалась с убийцей! Убийцей! Он проник в мою голову и навязал себя!

— Это был несчастный случай. Яман не употреблял ни наркотики, ни алкоголь.

Тук.

Тук.

Тук.

Яман! Яман! В голове всё плыло. Воспоминания из прошлого врывались в настоящее. Как человеку может прийти в голову выдавать себя за другого? Как после такого совесть не поедает его, как черви — усопшего? Кусочек за кусочком? Как дух его не отделяется от тела и не ищет место в геенне огненной?

Вопросы заполнили голову. Я начала неистово орать, круша всё, что попадалось под руку. Но тут кто-то обхватил мои руки, сжал. Пелена слёз, причинённая повторной болью, вырвалась наружу.

— Выплесни весь свой гнев, Сечиль. Поплачь.

Чья-то рука крепче прижала меня к себе. Я уткнулась в изгиб шеи, выпуская из оков исчадие ада, несправедливость и муки. Тела матери, отца и Догана в неестественных позах. Долгие годы после. Минуты радости и горя, которые я не могла с ними разделить.

Моя мама... Сейчас, всхлипывая на плече Керема, я вдруг увидела её. Прозрачное бесформенное существо наблюдало за мной из угла кабинета. Я знала, что это она. Мама. Она явилась узреть падение своего ребёнка. Моё страдание и мою грешность.

Именно я искала поддержки в объятиях убийцы моей семьи. Именно я зарекалась об отмщении и уничтожении. И вот мой крах.

Столь унижительно было моё положение, что я ненавидела себя. И одновременно так хотела ещё немного побыть с тем, кто мог оказать хотя бы формальную поддержку. Сердце расколосось надвое: прошлое и настоящее.

— Мама... Прости меня. Прости. Я не справилась.

Но в углу уже никого не было. А может, и не существовало вовсе. Иллюзия мозга часто обманывает зрение, слух и осязание. И я снова попала в ловушку собственного разума.

— Мама... мамочка... — вопли раз за разом заполняли кабинет, пока в лёгких не закончился кислород.

Очнувшись как ото сна, я заставила себя отшатнуться от Керем-бея. Руки дрожали. Я утёрла последние слёзы, собравшиеся в уголках глаз. А он всё стоял. И в его взгляде я заметила то, что калечит, за что люди могут ненароком убить, — жалость. Жалость к судьбе бедной девочки-сироты.

— Не смотри на меня так. Убери свою жалость подальше. Вы виновны!

— Это был несчастный случай. Эксперты подтвердили.

— Нет! — яростно закричала я. — Случайность — слишком мягкое и оправдательное слово. Случайно можно не закрыть дверь, забыть телефон. Но это не предшествует аварии, уносящей жизни невинных людей!

Керем пошёл ко мне. Шаг. Второй. Третий. Я отступала, пока не упёрлась в стену.

— Я понимаю, тебе плохо. Утрата часто толкает нас на необдуманные поступки. Но...

— Я обдумывала чересчур долго. Восемь лет — немалый срок.

— Послушай. Яман, будь он убийцей той семьи, ответил бы за свой поступок. Да, возможно, не сразу. Но ответил бы. Я лично не позволил бы брату жить с этим. Да и он не смог бы. Его нрав, его характер распалили бы то пламя, превратив в пожар. В вас обоих это есть.

— Не ставь его наравне со мной! — рявкнула я.

Керем подошёл вплотную. Его рука погладила мою щёку, прошлась по скуле, затем коснулась губ. Он, видя моё минутное отторжение, измученно выдохнул и начал свой рассказ.

— Я не ставлю. Позволь рассказать то, что я помню о той ночи. — Молчание придало ему смелости. — Это случилось в день рождения нашей матери. Весь день я провёл с Ханде. Ты её знаешь. Под вечер, после разговора с Айлин, моей кухней, Яман исчез. Ни звонки, ни сообщения не доходили. Я насторожился: брат никогда не уйдёт с мероприятия, не предупредив меня, мать или тётю с Айлин. Выйдя проветриться, заметил, что моя машина исчезла. Спросил охрану, куда он поехал и с кем. Те в один голос ответили, что не знают. В такие дни они следят за людьми вне круга, а не за членами семьи. Спустя час дяде позвонила полиция и предупредила об аварии. Мы поехали. Поисковая группа уже прибыла и начала осмотр. Увидев Ямана живым, я обрадовался. Но полиция сказала, что в другой машине погибли трое. Дядя при нас задал вопрос о виновности племянника. Ему ответили, что на первый взгляд виновата вторая сторона. На том и порешали. После, на всякий случай, от лица компании предла-

гали приличную сумму денег некой госпоже — близкой родственнице погибших, то ли сестре... Я не помню точно. Она отказалась их принять и прервала попытки помочь.

— Тётя... Это была моя тётя.

— Дальше — суд. Доказательственная база, ввиду необычных обстоятельств, без камер, установила, что из-за погодных условий твоя семья столкнулась с Яманом. Это можно считать несчастным случаем. На дороге были проблемы.

— А как доказали? Камер не было.

— Я не знаю. Вроде проводилась экспертиза по силе удара и сопоставляли факты. Уже после я узнал, что Яман назвался мной. А так как мы близнецы, то он выступал от моего имени. А я, наоборот, — от его.

Я стояла опустошённая, не в силах пошевелиться. Он говорил об этом с такой простотой, будто читал прогноз пого-

ды в Стамбуле. Мурашки снова и снова давали о себе знать.

— Сечиль, я не представляю, что ты чувствуешь. Мой отец тоже погиб. И если бы это не был такой же несчастный случай, я бы отомстил. Но здесь намеренно никто не виноват. Был ливень. Ужасный дождь. Дальше собственного носа ничего не было видно. Ты осознаёшь?

Я смотрела на него. Рот онемел. Внутри разливался дёготь вперемешку с ядом.

— Сечиль, ответь. Знаю, мы не ладили. Но я не могу оставить тебя в таком состоянии. Тебе нужно в душ, умыться и желательно напиться.

Я усмехнулась и попыталась идти. Ноги не слушались. Я почти упала, но Керем подхватил меня, как безвольную куклу, пережившую за короткий срок бесчисленное количество эмоций.

Дальше всё как в тумане: машина, огни города, проплыва-

ющие облаками. Потом — чьи-то руки. Меня раздели, укрыли, окунули в реку спокойствия. Стало хорошо и мирно. Безразличие сменилось успокоением. Я начала приходить в себя. Очертания обрели форму. От страха глотнула воды и каким-то чудом оказалась в незнакомой ванне.

— Помогите! Помогите!

Дверь открылась. Вошёл Керем. Крик застрял в глотке.

— Возьми. Тебе станет лучше. Это вино. Не волнуйся и не смотри так — оно не отравлено.

Я сделала, как он велел. Расслабление проникло сквозь защиту.

— Где я?

— У меня дома.

— Почему я в белье?

— Ты хотела купаться в одежде?

— Глупый вопрос.

Керем подошёл, наклонился. Я ощутила запах дорогого мужского одеколona. Его губы коснулись моего лба.

— Кажется, жар спал. То ты ледяная, как мертвец, то горяишь, как раскалённая печь.

— Я уже восемь лет между небом и землёй, — прошептала я.

Он услышал. Лицо стало хмурым, движения — более заботливыми.

— У меня похожее состояние. Отец погиб внезапно. И спустя много лет я всё ещё надеюсь, что дыра в груди затянется и он зайдёт в комнату как ни в чём не бывало.

Увидев мои округлившиеся глаза, он осёкся и сменил тему.

— Давай помогу тебе вылезти.

Он закатал рукава рубашки, обнажив красивые, в меру накачанные руки. Закутав меня в полотенце, одним движением опустил на пол. Я ощутила его тело на своём, и это было странно правильно. Его дыхание, иногда прерывистое, обжигало щёку. Мои руки то и дело касались стальных мышц. Да, чёрт возьми, он был слишком красив. Слишком. До дрожи. И моё тело тянулось к нему, к неизведанному, к новому. К границам страсти, которые он мог бы открыть.

Наши взгляды встретились. Его карие глаза потемнели, мои голубые стали глубокой морской гладью. И вдруг мы оба, как по команде, отстранились.

Секунды превратились в минуты. Воздух между нами стал невыносимо душным и влажным.

— Я оставлю тебе одежду, — сказал Керем и вышел приготовить чай.

Я окинула взглядом жилище холостяка. Идеальный порядок. Современный стиль под дерево создавал уют. Расположившись в кресле на кухне-гостиной, я принялась пить чай. Нужно перевести тему или создать повод для новой. Иначе я буду корить себя всю жизнь за желание, которое обуревает нас обоих.

— Почему ты привёз меня сюда?

— В твоём состоянии либо сюда, либо в больницу. — Он сел и достал телефон. — Тридцать пропущенных от Чичек. Кто это?

Испуганно ахнув, я вырвала смартфон из его рук и быстро

прочитала сообщения. Какой ужас! Моя дорогая Чичек! Я же не говорила ей, куда пошла. Она чувствовала, что именно сегодня. Может, увидела пистолет.

Стоп.

— А где пистолет?

— Выкинул в море, когда вёз сюда. Это было бы слишком опрометчиво.

— А камеры?

— В моём кабинете их нет. Ты прекрасно осведомлена.

Кивнув, я решила позвонить сестре. Чичек взяла с первого гудка.

— О господи, Сечиль! Ты жива! Я уже хотела предупре-

дить родителей, полицию!

— У меня всё хорошо. Завтра приеду — расскажу.

— Где ты? Ночь на дворе! Прошу, скажи, что ты всё-таки не убила его! Я сходила с ума от нервов.

— Нет, он жив. Всё. Позже позвоню. Люблю.

— И я тебя. Слава Всевышнему! Убийство — не выход, а временное наслаждение.

Я отключилась.

— Сообщница?

— Я не буду говорить тебе о своей семье. Я ещё помню, что ты покрывал брата.

— Никто не покрывал, — медленно и вкрадчиво ответил он.

— Ты сейчас другой.

— Какой «другой»? — поднял брови Керем. — Вроде такой же.

— Не холодный, не злой, не ненавидящий и не колкий.

Он замолчал и принялся смотреть на меня. Изучал. Обдумывал. Мне стало неудобно. Пристальный взгляд человека, которого я вроде бы не выношу.

— Ты не ответил.

— А какой тебе больше нравится?

Вопрос поставил меня в тупик.

— Настоящий. Без масок. Но не думай, что я хорошо к тебе отношусь. Это заблуждение. Я добрая только сегодня посредством вина.

Керем усмехнулся, и на щеке проступила ямочка, которую я была готова... Нет. Нет. Ничего я не готова.

— Значит, тебя надо почаще угощать этим сладострастным напитком.

— Ну а я тебе какая нравлюсь? Ну давай, ответь. Вопрос на вопрос.

Он смотрел и внимательно слушал, но так ничего и не сказал.

— Пора спать. Я постелил тебе в своей спальне.

— А ты?

— Диван тоже удобный.

У меня не было сил спорить. Стоило коснуться подушки — и я провалилась в сон.

Мне снилось, что Керем укрывает меня и тихо шепчет:

«Мне нравишься ты всегда. В любое время дня и ночи, в любой период суток и года. Мне кажется, я влюблён в тебя. Твоё сопротивление, твоя язвительность возрождают во мне то, что я давно похоронил после утраты любимого человека».

ГЛАВА 17

Заметка в конце дневника.

«Я люблю его. Всего и по частям. Я верю, что сумасшествие - это норма, когда ты любишь человека, который этого не чувствует».

Я хочу от него детей. Желательно двоих. Сына и дочь. Большой дом на берегу в Анталии и мопса (по кличке Бакс. А рядом - отец моих детей, мой любимый, мой - Керем....

Ли

Почему Ли? Потому что он так сказал. Будучи ребенком, мы играли в слова с незнакомыми детьми. Один из них, светловолосый мальчик- мой ровесник - произнес имя Айлин неправильно.

- Айлан

- Я не Айлан, глупый ребенок. Я Айлин.

и мы начали ругаться. В спорах я всегда выхожу победителем. И не только в них.

- Называй ее Ли. Мне лично так даже больше нравится. И не запутаешься. Керем заставил нас задуматься.

И вот так мы пришли к компромиссу.

«Мне нравится...» ииии. Я была самой счастливой на свете тогда. Я ему нравилась.

7:54

На следующий день

КЕРЕМ

Звук телефона разрезал тишину утра. Керем упорно пытался пренебречь желанием ответить, однако настойчивость звонка заставила его взять трубку.

— Алло. Да?

— Керем, приезжай домой к тете Мерьем. Тут произошло кое-что. У нас проблемы.

Он не сразу сообразил, что это за голос так нервно передает информацию. Лейла. Жена брата не звонит ему. Никогда. Значит, ситуация серьезная, и ей было просто необходимо попросить о помощи.

— Что случилось? В двух словах расскажи, Лейла.

— Айлин. Она пропала. И Яман тоже.

Я нахмурился. Мой брат и сестра — взрослые люди, которые могут быть где угодно в течение трех дней. По закону, разумеется.

— Они совершеннолетние. Не вижу проблем.

— Она не берет трубку. Мы попытались отследить телефон, однако он показывает лесополосу. Далеко на запад.

— Понятно. А Яман где?

— Я не знаю. Он был со мной и Асланом, а потом кто-то позвонил, и он убежал. Прошло уже несколько часов, телефон выключен.

— Уже еду. Ты главное не переживай. У тебя ребенок.

— Спасибо.

И она отключилась.

Собравшись наспех, я зашел в спальню, где спала Сечиль. Но ее там не было. На месте подушки лежала записка, которая гласила:

«Спасибо за всё».

Мда, очень содержательно. Но ладно, сейчас чувства отходят на второй план — важно решить вопрос с местонахождением брата и Айлин.

Уже в машине, пересекая улицу за улицей, Керем размышлял. Он чувствовал, что Яман знает об Айлин. Ну или она о нем. Между ними было слишком много секретов, и язвительные комментарии только доказывали наличие тайн. «Постоянные перепалки, оскорбления или соперничество — тот уровень общения, который я всегда наблюдал между своими родственниками. Причем где Айлин, там и брат», — подумал Керем.

Утренний Стамбул всегда нравился мужчине. Глядя на солнце, выходящее из-за горизонта, словно чувствуешь новый прилив сил. Как будто жизнь перематывается в самое начало и начинает протекать по новой: не неистово, а размеренно, плавно, выдворяя мрачные воспоминания и давая

шанс на другие — радостные, счастливые, яркие. И именно так, под утренним рассветом, ощущаешь, что человек — лишь крохотная пылинка в системе гигантов. Его не будет, а мир всё равно останется. Те же виды, те же дни, те же дни недели. Странно об этом думать в столь раннем возрасте, а не на пенсии, однако факты, даже такие неприятные, являются правдой. Правдой спустя сорок, пятьдесят, шестьдесят лет. Для каждого временной промежуток наступления почвы для размышлений разный. И от этого жизненные обстоятельства кажутся острее, чем были до этого. В прошлом.

«Приехал».

Дверцы особняка открылись, и моему взору предстала картина идеально вылизанного каменного строения. Дядя Боран слишком любит пышность и роскошь. Так же, как и моя мать. Однако живет в апартаментах в центре города, обустроенных в стиле отца. Он всегда говорил, что если убрать хоть одну деталь из интерьера дома — значит уничтожить память о нем. Отец очень любил свой домашний уют, свою жену и детей. Ох, прошло столько лет, а отголоски прошлого никогда не становятся менее значимыми. Но, наверное, только я так часто вспоминаю о нем. Яман всегда был привязан к матери, всегда находил в ее лице поддержку и тепло, оттого и стал тем, кем есть. После утраты близкого человека в нем что-то надломилось, ведь отец часто критиковал брата за множество причин.

«Ты должен быть как Керем. Яман, я тебя люблю так же,

как и второго своего сына, однако стань лучше. Прекрати дурачиться».

Странно, что именно после смерти отца Яман взялся за ум. Может, он решил выполнить его просьбу, сделать то, о чем тот так мечтал.

Чего нельзя сказать обо мне. Вечеринки, спиртные напитки, куча девушек и развлечений. Это заглушало тяжесть в груди, которая расплзалась настолько стремительно, что ее невозможно было остановить и тем более искоренить.

Припарковавшись, стремительным шагом захожу в холл-гостиную. Там за столом сидели тетя Мерьем, мама, дядя Боран и горничная, протягивающая стакан воды с таблеткой. Обратив на тетю внимание, заметил ее красное, минуту назад наверняка бывшее в истерике лицо, а губы, всё еще подрагивающие, смотрели на меня с мольбой. Мне стало не по себе. Значит, всё-таки всё серьезнее, чем я думал.

— Керем, милый мой, прости меня. Это мне наказание за то, что я всегда была строга со всеми. И с тобой, и с Яманом, и с... — она прервалась, уступив рыданиям. — И с моей крошкой. Моей доченькой, моей Айлин. Она сбежала. Сбежала от неблагополучной матери, из дома.

— Может, она с Арасом? — внезапно спросил я, не увидев его среди присутствующих.

— Арас поехал искать ее. По всем местам, которые знает. Хороший мальчик. Звонит каждый час, но пока безрезультатно, ах.

Я обнял тетю, зная, что, даже если я недолюбливаю ее характер, она всегда о нас всех заботилась. И больше всего на свете любила родную дочь, хотя редко ей это показывала. Придирки на постоянной основе укрепили в ней мнение, что только этим способом возможно вырастить идеал. Я не разделяю ее точку зрения, однако мне было искренне жаль. Жаль как мать, потерявшую ребенка.

— Ты понимаешь, Керем, она же никогда не уходила. Никогда. Вечером возвращалась, была под пристальным контролем. В случае ссоры всегда писала, что ненадолго вышла. Она всегда была обходительной со своей матерью.

— Мерьем, ну правда. Это уже перебор. Ты собрала нас всех рано утром, вытолкав с постелей. Твоя дочь уже взрослая, пора бы ее отпустить в плавание одну. Ой, сынок, с этими причитаниями мы не поздоровались. Дай, я тебя поцелую.

Рубина Алтун — моя мама — была строгой, но справедливой женщиной, без гиперопеки и навязчивых идей в отношении меня или Ямана. Я поцеловал ее и обнял, как полагалось при наших родственных узах.

— Мам, а где Яман?

— Я не...

— Этот мальчишка вечно где-то шатается, — прервал дядя Боран. — Ни минуты покоя. Я уверен, что Айлин с ним. Ведь их здесь нет.

— С чего ты взял, Боран? Зачем нашей дочери быть с

ним? У него жена, родившийся несколько дней назад ребенок!

— Потому что мы прекрасно видим, что он равнодушен к Айлин.

Оханье раздалось в комнате одновременно от меня и Мерьем. Мама и дядя даже бровью не повели.

— Да как ты можешь говорить такое о своем же племяннике? Яман рос на глазах у нас всю жизнь. Это абсурдно.

— Но это правда, — вмешалась мама. Ее слова были четкие, без запинки определявшие эмоцию. — Не делай из себя неженку, Мерьем. Ты сама это видела, однако избегаешь и шарахаешься любого упоминания об очевидном.

— Подождите, Яману нравится Айлин? Вы понимаете, что несете? У него наверху находятся жена и ребенок! Прекратите оскорбительно отзываться о моем родном брате. Да, между ними есть тайны и секреты. Они брат и сестра. То, что вы говорите, определяет данные отношения одним словом — инцест. Отвратительно. Просто невозможно.

— Мы не сказали, дорогой сын, что Айлин тоже его любит. Это одностороннее чувство. Я знаю, что она влюблена в тебя.

Я взглянул на маму. Откуда она знает? Я скрывал как мог, рубил на корню эту одержимость сестры, совершенно не поддерживая такого рода действия. Меня и Айлин быть не может.

— Ах, Рубина, да как ты смеешь? Моя дочка не такая.

Она помолвлена! А ну-ка извинись.

— И не подумаю. Какую воспитала, такую и принимай.

— Да ты...

— Стоп.

Присев на диван вместе с дядей Бораном, я начал обдумывать услышанное.

— Прекратите все. Мы — семья. И склоки здесь не нужны. Мама, пойди, пожалуйста, к Лейле и побудь с внуком.

— Хорошо. Но только ради тебя.

Я кивнул. Мама была очень специфична по своей натуре, и далеко не каждый может уговорить ее сделать что-то или указать на что-то. Сегодня удачный, редкий день.

— Забудем, что только наговорили друг другу. По-другому я выразиться не могу. Мы все должны найти Айлин. Яман часто пропадает на несколько дней, поэтому, как только появится связь, мы снова ему позвоним. Я не думаю, что они с Айлин вместе. Иначе бы сестра была в сети.

— Когда они вдвоем — случается что-то плохое, которое потом тяжело решить, — загадочно произнес дядя.

— Ты о чем?

— Ни о чем он, — поспешно заявила тетя Мерьем, однако глаза ее выдали. О, она знает, о чем. Мне стало любопытно. Но информации я не получу.

— Ладно, расскажи, что было вчера. Мы воссоздали картину.

После достаточно объемного рассказа я устало потер гла-

за.

— В 16:00 она покинула дом. И больше ни сообщения, ничего от нее не поступало.

— В 16:00?

— Да.

Как я мог забыть. Открыв сообщения, стал читать наш диалог, параллельно озвучивая некоторые ключевые моменты. И вдруг обнаружил новое сообщение, содержащее весьма странное внутреннее состояние.

— Значит, я был последним...

— Что?

— Айлин писала мне. Дважды. Первый раз в 18:40. Прощения просила.

— Прощения? На нее не похоже.

Я согласился с дядей. Второе сообщение — в 23:50. Сказано: «Я ЗДЕСЬ ПО ТВОЕЙ ВИНЕ. ТЫ ЗАСТАВИЛ МЕНЯ СДЕЛАТЬ ЭТО».

— Я не видел. Это новое сообщение. И что оно значит? Какая-то чушь.

— Ах, моя доченька. Что же с тобой? Керем, племянник мой, найди ее. Сердце беспокойно с самой ночи. Где же Айлин? Моя доченька.

— Подожди причитать, женщина. Может, всё не так серьезно, — Боран, разозлившись, стукнул по низкому журнальному столу. — Найдется наша дочь.

— Я хотел спросить: вы отследили телефон, и где показа-

ло местоположение?

— Рядом с границей в N. Местность от круга N.

Встав, быстро зашагал к выходу.

— Ты куда, Керем?

Обернувшись, заверил тетю, чтобы она сидела и ждала.

— Начну с того места. Вдруг что-то найдется.

— Может, возьмешь меня?

— Хорошо, дядя. Вдвоем посмотрим. Арас пусть ищет в других местах. Вроде бы до леса местность не настолько обширна. Как раз по светлому времени поищем. Мало ли.

— Что? Какой лес? Что Айлин будет делать...

— Каяна, — горничная пришла по первому зову, ненадолго отойдя за новой порцией таблеток и воды. — Налей госпоже Мерьем снотворного, а не успокоительного. Сейчас же.

— Но...

— Твоя помощь лишь затормозит нас. Я сказал, что привезу дочь домой.

— Спасибо, Боран. Буду вас ждать.

Итак, мы поехали на поиски сестры.

Где же ты, Айлин? И где мой брат?

Мы ехали молча. Дядя Боран сжимал руль так, что побе-

лели костяшки. Утренний Стамбул остался позади, сменившись серыми окраинами, а затем — редкими деревьями, которые постепенно сгущались в лес. Чем дальше мы отдалялись от города, тем тяжелее становился воздух. Он будто давил на грудь, мешая дышать ровно.

Я смотрел в окно и молчал. В голове крутилось это чертово сообщение: «Я ЗДЕСЬ ПО ТВОЕЙ ВИНЕ. ТЫ ЗАСТАВИЛ МЕНЯ СДЕЛАТЬ ЭТО». Слова врезались в сознание, как осколки. Что она имела в виду? Что я сделал?

— Где-то здесь, — нарушил тишину дядя. — Телефон показывал этот квадрат. Дальше — лесополоса.

Мы остановились у старой грунтовой дороги. Я вышел первым. Земля под ногами была влажной, пахло сыростью, прелыми листьями и чем-то еще. Неприятным. Тягучим, как предчувствие.

— Айлин! — крикнул я.

Голос утонул в тишине. Даже птицы не отвечали.

Мы разделились. Боран пошел вдоль дороги, я — ближе к краю. Трава здесь была высокой, путалась в ногах. Ветки цеплялись за одежду, будто не пускали вперед.

А потом я увидел.

Сперва — кроссовок. Он лежал на земле, у самого края. Я замер. Ноги будто приросли. В груди всё оборвалось, стало пусто и гулко.

— Дядя! — голос сел. — Боран!

Он не слышал.

Я сделал шаг. Потом еще один. Кроссовок был маленький, женский. Со сбитым носком, испачканный землей. А дальше, в паре метров, что-то темнело в траве.

Я не хотел смотреть. Тело само двигалось вперед.

Она лежала внизу.

Сначала я увидел руку. Смуглую, сломанную в локте, с неестественно вывернутой ладонью. Пальцы сжаты, будто в последний момент она хваталась за воздух. Потом — плечо, шею. Черные волосы рассыпались по земле, запутавшись в сухих листьях.

Айлин.

Я хотел закричать, но не смог. Из горла вырвался только хрип.

Она лежала у подножия обрыва, внизу, в зарослях. Лицо было повернуто в сторону, как будто она смотрела куда-то в лес. Но взгляд был пустой, стеклянный. В уголке рта застыла тонкая полоска крови.

Я упал на колени у края. Земля осыпалась под руками. В

висках стучало так, что перекрывало всё — ветер, листья, собственное дыхание.

— Керем! — где-то сзади бежал дядя. — Что? Что там?

Я не мог ответить.

Боран замер рядом. Послышалось, как он захрипел, схватился за грудь, осел на землю. Но я не мог повернуться. Не мог отвести взгляд.

Она была там. Внизу. Одна.

Я не знаю, сколько прошло времени. Минута? Десять? Воздух стал плотным, и каждый вдох давался с трудом. В какой-то момент я просто поднялся и начал спускаться. Ноги скользили по мокрой траве, цеплялись за корни. Я упал, содрал ладонь, но боли не почувствовал.

Она была совсем близко.

Джинсы порваны на колене. Кофта задралась, оголив бледный живот. На шее — маленькая цепочка, запутавшаяся в волосах. Я присел рядом. Протянул руку, но не коснулся. Не смог.

— Айлин... — прошептал я. — Что же ты...

Она не ответила. И никогда не ответит.

Вокруг стояла жуткая тишина. Только ветер шелестел верхушками деревьев, и этот звук напоминал далекий шепот.

А потом я заметил.

Телефон.

Он лежал в траве, рядом с ее бедром, потухшим экраном

вверх. Я аккуратно поднял его. Экран был холодным, в трещинах. Аппарат включился с трудом, на последнем проценте. Фон — ее лицо. Улыбается. Солнце в волосах.

Я сжал телефон в руке, и он хрустнул.

И тут мой взгляд упал на карман.

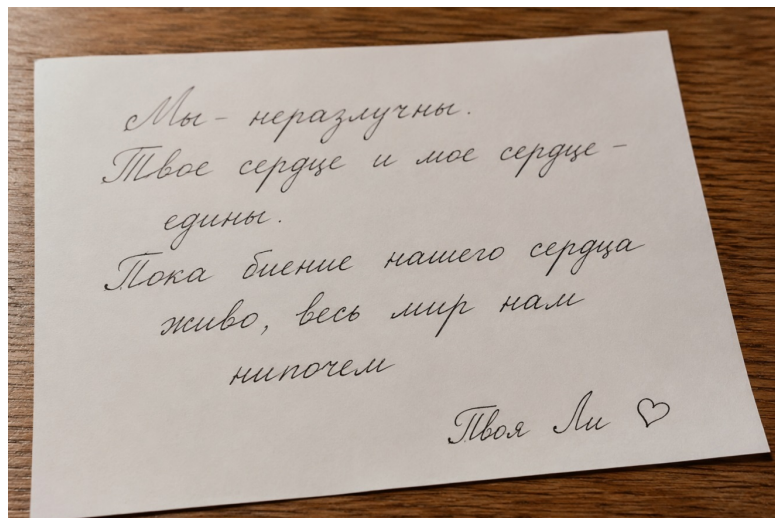
Из кармана джинсов, наполовину торчащий, выглядывал уголок белой бумаги. Сложенная несколько раз записка. Она словно ждала, когда кто-то ее найдет.

Я вытащил ее. Бумага была влажной, края размокли. Пальцы дрожали так, что я с третьего раза развернул лист.

Почерк был ее. Неровный, скачущий.

Писалось второпях.

**«Мы - неразлучны. Твое сердце и мое сердце - едины.
Пока биение нашего сердца живо, весь мир нам нипочем»
Твоя Ли**

Я перечитал трижды.

— Нет... — выдохнул я. — Нет, нет, нет...

Мир на секунду замер. То воспоминание, словно соль на рану, всплыло из памяти. Это оно...

Бодрум.

Она сидела на маленьких ступенях дома, где на выходных собиралась наша семья. Бодрум встретил летнее утро тепло-той и зеленью. Маленькая кузина болтала ногами и упорно объясняла своему плюшевому кролику, подаренному мамой, как правильно строить предложение на английском. Её остроумность меня забавляла. Я не смог сдержать улыбки и сел рядом.

Конечно, Айлин заметила. Для своих шести лет она могла поставить на место любого взрослого, заставив почувствовать себя глупцом. Она ни перед кем не прогибалась. Ну, наверное, кроме меня. Если я о чём-то просил, она выполняла. Тётя Мерьем всегда удивлялась этому и часто этим пользовалась.

— Ты чего тут сидишь? — спросил я.

Её миловидное лицо повернулось, глаза сузились.

— Я пришёл без упреков и нотаций. Просто хотел побыть в тишине. Даже на отдыхе не остаёшься в необходимом одиночестве.

— Все мы одиноки, брат.

Я потрепал её по голове и засмеялся.

Проницательная и прямолинейная, слишком взрослая даже для старшего возраста, Айлин была уникальной. Такие дети не встречаются. А если попадаются на твоём тривиальном пути — это надо запомнить.

Но даже тогда я боялся, что она исчезнет, как миг. Определённо, я относился к нашей малютке Ли с теплотой и любовью.

— Одиноки?

— Да. Живём и умираем. Пока бьётся наше сердце. И в первом, и во втором случае это происходит в одиночестве. И очень странно, что ты его ищешь. Обычно люди стараются быть рядом с кем-то. Это вроде как нормально.

— Нормально? А для тебя?

— Я... Даже не знаю. Боюсь ли я? Наверное, да. Причём страх привязаться к человеку мучительнее, чем его потерять без эмоциональных привязок.

— Ты считаешь себя одинокой?

— Нет. Фактически у меня есть семья. Ты.

— Мы — семья. Ты можешь на нас положиться. Понимаешь?

Айлин ничего не ответила. Пожала плечами.

— Хочешь, я тебе кое-что скажу?

Она не подала виду, но я заметил, как её лицо чуть изменилось — в ожидании.

— Итак, запомни эту фразу. Пока биение нашего сердца живо — весь мир нам нипочём.

— Почему ты это сказал? — тихо спросила она.

— Так однажды сказал мне папа, когда мне было тоскливо и тревожно. И ты, дорогая Айлин, должна понять: пока мы вместе, пока живём и дышим, пока общаемся друг с другом — любая невзгода решаема. Главное — поделиться с близким, чьи сердца связаны между собой.

Сестра долго молчала.

А потом сделала то, чего сама не ожидала. Прильнула тельцем и обняла.

Я не отстранился. Только посмотрел на неё удивлённо, но мягко.

— Всё хорошо?

— Теперь да.

Сзади послышался сдавленный стон. Боран. Он так и не смог подняться.

— Она жива? — донеслось сверху. — Керем, она жива?!

Я не ответил.

Потому что в этом лесу, под этим серым небом, живых уже не осталось.

Тем временем, Яман стоял на обочине пустой трассы за городом. Телефон был выключен, как она и сказала. Он ждал много часов. В кулаке — скомканная сигаретная пачка, в голове — её последнее сообщение:

«Встретимся срочно. Приезжай один. Телефон выключи. Никому не говори».

Он приехал. А её всё не было.

И все же , когда терпение лопнуло, он поехал домой. Злой от того, что она его держит за глупца. Он был глупцом. Глупцом от любви к ней...

ГЛАВА 18

ПРОШЛОЕ

В тот день — а может, я искажаю всё в своей памяти — я была в гостях у Керема и Ямана. У их матери, Рубины, собрались гости по случаю дня рождения. Из колонок лилась песня известной турецкой певицы, а я сидела на диване и угрюмо смотрела перед собой.

Что там было?

Была моя главная слабость. Керем.

Он стоял у столика снаружи. В честь праздника был разбит шатёр, украшенный розами, пионами и лилиями. Их за-

пах окутал весь дом.

Ах да, я продолжаю...

Керем стоял с блондинкой — сестрой моей подруги Башак. Он наклонился к ней, что-то шепнул, и та покраснела. А затем коснулся её руки.

И мне показалось, что внутри меня что-то безвозвратно оборвалось.

Он должен был быть со мной. Я так долго готовилась признать в своих чувствах. Репетировала речь. Даже нарядилась тайком от матери.

А он флиртовал с этой девицей, совершенно не замечая меня.

Нет. Нужно с ним поговорить.

Пока гости поздравляли Рубину и произносили тосты за столиками, я подошла к брату. Я не помнила всего пути. Просто в какой-то момент оказалась рядом, схватила Керема за запястье и прошипела сквозь зубы:

— Керем, пойдём. Мне нужно сказать тебе кое-что.

Он удивлённо вскинул бровь, но улыбнулся той снисходительной улыбкой, которую я ненавидела и любила одновременно.

— Айлин, сейчас не время. Не видишь — я занят.

— Сейчас, — я сжала его руку так, что побелели костяшки.

Вздохнув и извинившись перед блондинкой, он пошёл за мной.

Оказавшись в гостевой спальне, я захлопнула дверь и повернулась к нему. Сердце бешено колотилось. Его глаза притягивали. До чего же он красив. Эта его холодность, отстранённость и недоступность сводили меня с ума.

— Я долго буду стоять и ждать?

Вот он. Момент настал. Отступить некуда.

— Что ты делал с этой блондинкой? — спросила я, и голос дрогнул.

— С Ханде?

— Да.

— Я думаю, в твоём возрасте не стоит задавать вопросы, на которые тебе ещё рано знать ответы.

— Почему ты такой со мной?

— Какой? Я твой брат и не обязан делиться личным.

— Всего лишь брат? Но я... я... я люблю тебя.

Керем на секунду замер. А потом рассмеялся.

Я никогда не видела его таким. Это был не злой смех — скорее удивлённый, будто я рассказала анекдот.

— Айлин, ты серьёзно? Ты моя двоюродная сестра. Ты для меня ребёнок. И всегда будешь таковой.

— Я не ребёнок! — Я сделала шаг вперёд, чувствуя, как слёзы подступают к глазам. — Я знаю, что такое любовь. Я люблю тебя с тех пор, как мы ездили на море. Тогда ты научил меня плавать. Я не забыла.

Но он посмотрел на меня взглядом, полным пренебрежения и грусти.

— Айлин, сестра, это не любовь. Это глупость. Ты просто привязалась ко мне, потому что я был добр к тебе. Но мы семья. И никогда не будем вместе. Ты найдёшь себе нормального парня. Не из родственников. Выйдете замуж. Всё как у нормальных людей.

Нормальных людей?

А я, значит, ненормальная...

И я не выдержала.

Шагнув к нему, встала на цыпочки и прижалась к его губам. Целовала так, как целуют в фильмах — отчаянно, жадно, даже больно. Вжималась в него всем телом, надеясь, что он ответит. Что почувствует то же самое.

Но он не ответил.

Керем мягко, но твёрдо взял меня за плечи и отодвинул от себя.

Посмотрев в его глаза, я поняла: в них нет того огня, который испепеляет мою душу.

— Айлин, остановись, — голос его стал строгим и холодным. — Если ты продолжишь, я расскажу твоим родителям. Я не позволю тебе наделать глупостей.

Я отшатнулась, как от пощёчины.

Щёки горели. Внутри всё сжалось. Я смотрела на него и ненавидела. За то, что он был лучше, старше, умнее. За то, что он не любил меня. За то, что я в этот момент выглядела как глупая маленькая девчонка.

— Ты ничего не понимаешь, — прошептала я, сглатыва-

вая слёзы. — Ничего. Ты просто боишься разглядеть во мне большее, чем сестру. Боишься своих чувств. Я знаю: глубоко внутри они существуют. Но ты их насильно скрываешь.

Керем вздохнул. В его глазах промелькнула тень усталости.

— Я знаю тебя с детства. И люблю. Но только как сестру. А то, что ты делаешь сейчас, — неправильно. Это не любовь. Это одержимость. В любви двое испытывают одинаковые чувства. В одержимости — лишь ты. В будущем, я уверен, ты пожалеешь об этом разговоре.

Он отпустил мои плечи и сделал шаг назад.

— Я пойду. И надеюсь, что впредь такого не произойдёт. Иначе придётся принимать меры.

Меня бросило в дрожь.

Меры?

Ну конечно. Психиатр. Любимое чудо-средство моей мамы и отца. Лечение от всех болезней.

Ненавижу. Никто, кроме него не увидит больше мои слёзы.

— НИКТО.

— Даже я?

Я обернулась. В дверном проёме стоял Яман и смотрел на меня.

Я вытерла глаза, поправила платье и сделала вид, что ничего не случилось.

— Что ты?

— Я всё слышал. Может, уедем с этой тухлой вечеринки? Не беспокойся, мама не заметит. У неё есть дела поважнее. Я вымученно улыбнулась и уверенно произнесла:

— Давай. Только я поведу.

— Тебе же только шестнадцать.

— Я умею. И ты это прекрасно знаешь.

— Хорошо, согласен, моя королева.

Его озорной блеск в глазах всегда подстрекал меня на безбашенные вещи...

СЕЧИЛЬ

Придя домой ранним утром, прошла мимо зеркала, но вернувшись, посмотрела в него.

Не верится: Я стала тем, кого ненавидела. Как же прозаично, как будто не вижу, а играю роль.

Я легла, но сон не шел. В голове роились всякие мысли. Что произошло вчера? И как это понимать?

Выдохнув, я подбирала каждому вопросу оправдание.

Первое. Я не смогла убить Керема. Но хорошо, что не сделала этого. Потому что этот человек — не убийца моих родителей.

Или же...

Нет. Разве можно врать о причастности родного брата? Керем не лгал. Точно нет. В его глазах отражалась правда — болезненная, но объяснявшая многое.

Второе. Я должна отомстить. Только вопрос: что мне от

этого будет?

Узнав сейчас такой поворот, стало не просто хуже — ужасно. Сколько оскорблений принял человек, стоявший вчера передо мной. Восемь лет проклятий и желаний скорой смерти. Ложное обвинение. Вина.

Краем глаза я заметила фотографию в рамке. Мамин день рождения. Она его никогда не отмечала, но всегда выполняла прихоти своих детей.

На снимке папа целует её в щёку. Молодая блондинка смеётся, будто в последний раз. На их руках — маленький Доган. Ему здесь три года.

Время словно остановилось на этом снимке.

Что они сказали бы мне? Если бы могли. Обвинили или поддержали? Рассказали бы всё, раскрыли виновных и указали на невинных? А может, опровергли мои теории?

Голова раскалывалась. Мысли вихрем заполняли каждое пространство мозга.

Не могу смириться с тем, что их смерть — случайность. Этого просто не может быть.

Или может?

Где ответ...

Мне стало страшно. Я словно незрячий палач рублю всё на своём пути, благодаря своим мыслям и целям. Где правда, а где проведена черта лжи? Или она мне чужда и никогда не будет видна?

Кто-нибудь, ответьте! Прошу... я в отчаянии.

Слёзы катились по горячим щекам. Я не осознавала, как освобождаю через них всё своё нутро. Слёзы — путь к началу конца. Как колесо, возвращающее нас по новой к прошлой дороге, временно заглушая страдания...

Я даже не заметила, как заснула.

Или это был не сон? Скорее не сон, а видение...

Я снова дома.

Пахнет пахлавой и чаем. Я медленно улыбаюсь, страшась, что райская сказка может оборваться в любую секунду.

Дом... и тропинка. Такая извилистая и каменная, по которой в детстве я постоянно спотыкалась и раздирала колени до крови. Тут птицы поют свою трель. Родители кормят птенцов, пытаюсь изо всех сил.

— Сестра!

Повернувшись, я заметила Догана. Его карие, прекрасные и обворожительные глаза смотрят на меня.

Я побежала и обняла его.

— Мой родной! Мой милый братик.

— Сечиль... — он отстранился. — Всё в порядке? Почему ты с закрытыми глазами?

— Боюсь.

— Чего?

— Что всё это прекратится.

Брат ничего не ответил. Опустил голову и всмотрелся в землю.

— Иногда ты не получаешь ценность, какой бы желанной

она ни была.

И тут донёсся раскатистый смех папы и пререкания мамы. Распахнув глаза, я не видела, куда бегу. Но я бежала. Так долго вас не видела. Как же я скучаю!

Вбежав в кухню, я остановилась.

Мама готовила пахлаву, а отец всё крал из-под её носа грецкий орех, быстро жуя, чтобы она не заметила.

— Ах ты, Мехмет! Прекрати, иначе не получишь ни ку-сочка.

Они словно были далеко. Не обращали на меня никакого внимания.

Было так тепло. Даже горячо. Обжигало. Сердце пылало и пыталось запомнить их — каждого по отдельности. Заставить поверить в реальность увиденного.

Наконец они меня заметили.

Мама идёт ко мне и целует. А папа обнимает — нежно и ласково, словно я хрупкий полевой цветочек.

— Наша девочка. Наша малышка. Как ты без нас?

— Всё плохо, папа. Мама. Я тоже хочу быть с вами.

— Тебе рано идти туда. Слишком рано. Давай иди.

— Куда? — недоумённо спросила я. — Я хочу быть здесь!

— Нет, милая, наша Сечиль, — мама, всё такая же великопная, заправила прядь мне за ухо. — Не ищи здесь того, что может обрести там.

— Но... убийца... убийца...

— Прощение — сила. Нельзя всегда страдать, дорогая.

Мы обрели покой. Так обрети его ты. Оставь попытки мести. Хватит. Она довела тебя до грани. Я боюсь за тебя. Боюсь, что мания мщения доведёт тебя до необратимого. Не каждый человек виновен в грехе. Бывает простое слово под названием «судьба». Значит, это было заложено ещё при рождении. От судьбы не уйдёшь, как бы ты себя ни оберегал.

— Но... я не могу без вас дышать.

— Твоя боль перекрывает поступление воздуха. Сделай вдох без груза в лице нас.

— Я...

— Обещай мне... Обещай, доченька.

— Хорошо...

— Тебе пора. Мне жаль расставаться, но иначе нельзя. Иди. Ступай.

— Куда?

— Из дома. Из прошлого.

— А память?

— Для памяти не нужно переживать муки произошедшего. Хватит только счастливых моментов и образов. Бери только хорошее, отбросив плохое.

И я ушла.

А обернувшись, заметила, что они были очень далеко позади. Фигуры родителей удалялись, махая мне рукой.

Вдруг подул ветер и растрепал мои непослушные волосы. И рядом с родителями возник он. Мой Доган.

— Доган!

Он радостно улыбался, взяв за руку маму. Они были живые. Они были счастливы.

Там?

Где — там?

Я открыла глаза.

Потолок. Знакомый. Родной. Свет падал из окна иначе, чем обычно — мягче, будто кто-то приглушил день.

Я лежала неподвижно и слушала.

Птицы за окном. Шум далёких машин. Шаги на кухне. Всё как всегда.

Но что-то было не так.

Я села. Медленно. Прислушалась к себе.

Тело не болело. Голова не раскалывалась. В груди не было того камня, который я носила восемь лет.

Я замерла.

Камень... его не было.

Я приложила руку к груди. Дыхание ровное. Сердце бьётся спокойно. Не колотится. Не заходится в панике. Не сжимается от ненависти.

Просто бьётся.

Я встала и подошла к зеркалу.

Оттуда смотрела я. Но какая-то другая. Глаза те же — голубые, усталые. Волосы те же — растрёпанные после сна. Но что-то в лице изменилось.

Не внешне. Внутренне.

Будто кто-то снял с меня чужую кожу.

Я долго смотрела на своё отражение, пытаюсь понять, что именно не так. И тогда поняла.

Я больше не хотела убивать.

Не потому что простила. Не потому что забыла. А потому что... устала.

Впервые за восемь лет я не думала о Кереме с ненавистью. Я не думала о нём вообще. И это было странно. И легко.

Я вышла на кухню.

Чичек стояла у плиты. Услышав шаги, обернулась.

— Я так рада, что ты вернулась. Домой. Я слышала, как ты пришла утром. Бери, я приготовила пахлаву.

Я замерла.

- Ты чего? - спросила она.

— Ничего, просто дежавю.

Она посмотрела на меня внимательно. Дольше обычного.

— Ты какая-то другая сегодня.

— Какая?

— Не знаю. Спокойная.

Я села за стол. Взяла блин. Откусила. Вкусно. По-настоящему вкусно.

— Чичек.

— Да?

— Я больше не буду мстить

Она замерла. Медленно поставила тарелку на стол и повернулась ко мне.

— Что?

— Я не буду мстить. Никому. Ни Керему. Ни его семье. Никому.

Чичек долго молчала. Потом села напротив, не сводя с меня глаз.

— Мне приснились мама и папа. И Доган. Они сказали, что хотят покоя. И я хочу. Я устала, Чичек. Я так устала.

Она взяла мою руку. Крепко. Как всегда.

— Ты уверена?

— Да.

— Я так долго ждала этого слова.

— Я знаю.

— Я боялась, что ты не вернёшься. Что месть заберёт тебя совсем.

— Она почти забрала.

Чичек придвинулась ближе и обняла меня — крепко, по-настоящему, как умела только она.

— Ты вернулась, — прошептала она. — Слава богу.

Я улыбнулась. Впервые за долгое время — искренне.

— Я тоже.

И после, сидя за столом, и уплетая вкуснейшую еду, рассказала самому дорогому и близкому человеку случившееся вчера.

И она выслушала меня: без упреков, лишь с понимаем и сопереживанием.

Позже, когда я вышла в сад, я остановилась.

Вдохнула. Полной грудью. Без груза.

Небо было голубым. Птицы пели. Из дома донёсся смех Диджле.

Звонкий. Лёгкий. Счастливый. Она чему-то радовалась — может, новой игрушке, может, угощенью или конфетам, а может, просто тому, что она - ребенок и весь мир — это праздник.

И слава богу.

Я закрыла глаза и подставила лицо солнцу.

Тепло растеклось по коже. По щекам. По лбу. Не обжигало. Просто грело. Как будто кто-то большой и добрый накрыл меня ладонью.

Ветер шевельнул волосы. Бросил прядь на лицо. Я не стала убирать.

— Спасибо, — прошептала я.

Не знаю, кому. Маме. Папе. Догану. Небу. Себе.

Может, всем сразу.

Ветер прошёл по саду. Качнул розовый куст. Сбросил пару лепестков.

Они полетели вниз — медленно, кружась. Розовые на тёмной земле.

Я смотрела на них и думала: красиво. И грустно. И правильно.

Всё когда-то заканчивается. Цветы. Сезоны. Люди.

Но что-то остаётся.

Тепло. Память. Смех Диджле из открытого окна.

Я встала. Отряхнула платье. Поправила волосы.

И поняла, что не чувствую больше ни мести, ни ненависти.

Просто себя.

Просто Сечиль.

ГЛАВА 19

Ещё один счастливый день в моей жизни — когда я пошла в первый класс.

Отец вёл меня за руку и заботливо шептал слова о значимости этого дня. Всё было как-то по-особенному.

Наверное, я любила его как могла. Со своими особенностями. Своеобразно. Специфически.

И спустя много лет образ сильного и мудрого отца разбился на множество осколков. Как зеркало.

То событие, зрителем которого я стала, разрезало мою жизнь на «до» и «после».

Я зла, что увидела это.

Зла, что узнала.

Просто зла.

Конечно, догадки имелись. Но догадки и факты — это две разные точки, лежащие на противоположных направлениях.

*Легко убить и дальше жить
Легко узнать и тут же скрыть
Легко принять и отпустить
Легко, да только если нить
Нить жизни это не твоя
А лишь чужая западня
Прими себя и попроси*

Прощенье вскоре вознеси.

Ты будешь жить, и память чтить

Злишь на себя, возвысив меня

Будь одержим и окажись рядом

И встретимся мы только взглядом

Письменные отрывки старой редакции Айлин Алтун...

Я пытаюсь передать всё, что знаю, из своей памяти. Для тебя. Для истины. Мои руки дрожат, а ручка непрерывно пишет. У меня всего несколько часов, нельзя терять ни минуты драгоценного времени. Времени, чтобы он узнал правду обо мне, о моем грехе и низости, о количестве ценной информации, которая попала в руки монстра. Но я не я, если не попытаюсь обойти даже самые извращенные и гадкие планы.

«Найди , прошу, Керем, найди его».

КЕРЕМ

Беда не приходит одна.

Яман с Лейлой разводятся.

Прошла неделя после похорон. Долгие, мучительные семь дней, наполненных горем. Особенно тяжело тёте. Мерьем, некогда красивая и женственная, сейчас казалась иссохшей старухой — потерянной, безумной, ни на что не реагирую-

щей.

Но ещё сильнее помутнел рассудок у меня.

Лишь мне и дяде Борану рассказали тайну. При вскрытии выяснилось: кузина Айлин была беременна. Срок — четыре-пять месяцев. Мы решили не говорить остальным и похоронили её вместе с ребёнком.

Врач поставил самоубийство. Никаких следов насильственного характера на теле не обнаружено. Спрашивали, оставляла ли она предсмертную записку.

Я промолчал.

Записку... Ту несчастную записку я спрятал в комнате. Нечего кому-то это видеть.

Вы спросите: почему не выкинешь?

Ответ прост. Не могу.

Да, я злился на Айлин. Но она была двоюродной сестрой. Членом семьи. И, видя боль от её ухода, мне становится стыдно за всё, что я когда-либо ей сказал.

Прости, читатель, за прерывающийся и стремительный рассказ.

И снова горе настигло нас.

Сидя в офисе, полностью погрузившись в работу, я пытаюсь переключиться. Мне это необходимо. Иначе сойду с ума.

А в глазах стоит сцена похорон. Как тётя чуть не упала в яму. Как мы несли гроб. Как дядя еле сдерживался, чтобы не выплеснуть все эмоции. Как Яман...

Мой брат ушёл в загул. Не приходит домой. А если и воз-

вращается — то не в состоянии понимать значение своих действий.

Лейла стала ближе. Начала звонить каждый день. Потому что Арас уехал.

Просто взял и уехал. Он часто следил за ней. Его окутала ярость, что она сбежала и умерла. Как будто ей этого хотелось? Что-то в нем есть подозрительное. Арас. Арас. Не ты ли боготворил свою будущую жену? Боготворил, видев в каждом — соперника, ревностно относясь к другим.

В нем присутствует помешательство. Да только мы все обезумели в тот день.

Жизнь стремглав развернула привычный уклад, создав хаос. Хаос кинул зерно для разрухи. А мы — разрушители своего сознания и оболочки. Физической и психической.

Поэтому я переживаю. О брате. О тёте. О дяде.

Одна мама слишком спокойна.

Она никогда не любила Айлин и не скрывала этого за маской. Только мать всегда была такой. Всегда и останется прежней. Для неё существовало благополучие лишь своих детей. В особенности Ямана.

Но сейчас даже она не может привести его в чувства. Направить на путь истинный.

И началась кабала. Ругань. Ссоры. Заявление на развод от Лейлы.

Он наносит ей моральные раны, размазывая об пол обувь, словно она — пыль под ногами.

Поэтому эта хрупкая девушка ищет утешение во мне. Ищет взгляд своего возлюбленного. Его лицо, не обрамлённое пороком.

Лейла пытается разглядеть во мне — его. И иногда это её успокаивает.

Но Яман не даёт развод. Аслан должен жить с отцом. И мать с ним полностью согласна.

В общем — осиное гнездо, которое разрастается с каждой секундой всё больше.

Но допустим, с этим можно справиться. Только...

У меня не выходит из головы разговор с братом.

Я уверен: Айлин кто-то убил.

Но кто?

Убийство? Разве врач не удостоверил факт того, что она сама это сделала?

И, услышав эти слова, тётя Мерьем теперь как заезженная пластинка повторяет:

— Найдите убийцу моей девочки. Моя девочка... Моя Айлин.

А вдруг это правда?

Никто не знал ничего о её жизни. Кроме, пожалуй, Ямана — который утверждает обратное — и Араса, следившего по пятам. Почти по пятам.

Я считаю, кузина знала о наблюдении со стороны. И либо избегала его, либо подкупила.

Айлин способна на всё. На всё.

Клубок интриг не развязывается, а запутывается всё больше.

Моя голова сейчас взорвётся.

В дверь постучали. Я надел привычную маску безэмоциональности, на какую был способен.

Вошла Сечиль.

Я опешил. Не думал, что она выйдет на работу после той встречи. Её лицо было таким же красивым, а волосы струились волнами, как белая пена.

— Керем-бей, соболезную вашей утрате. Можно кое-что спросить? Это касается вашей покойной сестры.

Я обратил более пристальный взгляд.

— Спасибо. Что случилось?

— Вот.

Она положила на стол белый большой конверт.

— Откройте, Керем-бей. Там... Я не буду говорить. Однако, я думаю, вы знаете ответ.

— Что там и прошу, пожалуйста на «ты»?

Я открыл конверт, параллельно смотря на Сечиль. Она нервно перебирала пальцы рук, периодически закусывая нижнюю губу. Её явно волновало содержимое. И мой интерес к этому возрос ещё больше.

Я открыл конверт.

Внутри — лист. Мятый. С загнутыми краями. Будто его долго носили с собой.

Почерк я узнал сразу.

Айлин.

Я замер.

Рука сама поднесла лист ближе. Буквы прыгали. Я перечитал дважды, трижды — и всё равно не поверил.

ЭТО Я СДЕЛАЛА. Я.

ЭТО БЫЛА СЛУЧАЙНОСТЬ.

ЭТО БЫЛА СЛУЧАЙНОСТЬ.

ЭТА БЫЛА СЛУЧАЙНОСТЬ.

ЭТО БЫЛА СЛУЧАЙНОСТЬ.

В верхнем углу — обрывок даты. Неполный. Только первая половина года.

20...

Я узнал эту манеру. Айлин всегда ставила дату в углу. Каждый раз. С детства. Она говорила, что так делает, чтобы потом можно было вернуться и вспомнить.

Дневник.

Это был лист из её дневника.

— Керем-бей?

Голос Сечиль донёлся будто издалека. Я поднял на неё глаза.

— Просто Керем. Откуда это у тебя?

— Прислали. В конверте. Под дверь.

— Кто?

— Не знаю.

Я снова посмотрел на лист. Бумага старая. Пожелтевшая по краям. Чернила выцвели. Это писалось давно. Не вчера.

Не месяц назад.

— Это из дневника, — сказал я тихо.

Сечиль нахмурилась.

— Из дневника?

— Айлин вела дневник. С детства. Все знали. Она носила его с собой. Чёрная книжка, всегда в сумке.

Я положил лист на стол.

— После её смерти дневник пропал. Просто исчез. Никто не знает, где он. Никто не знает, что с ним стало.

— И ты не искал?

— Искал. Но не нашёл. А потом перестал.

— Почему?

— Потому что боялся того, что там может быть.

Я посмотрел на Сечиль.

— И, видимо, не зря.

Она молчала. Смотрела на лист. Потом на меня.

— Керем-бей. Керем.

— Что?

— Почему это прислали мне?

Я замер.

Она права. Это был главный вопрос. Не «что в дневнике». Не «кто убил». А почему именно она.

— Я не знаю.

— Я тоже. Но это не случайность.

— Согласен.

Сечиль подошла ближе. Села напротив. Впервые за всё

время — без вражды. Без колкостей. Просто села.

— Я помогу тебе в поиске, — сказала она.

— С чего ты взяла, что я буду искать?

— Потому что хочешь знать правду. Кто-то посылает сокровенные вещи покойного человека. Может быть это было не самоубийство? Да и Айлин - твоя сестра.

Я кивнул. Конечно, все знали о том, что Айлин сама прыгнула.

— Я сам решу. Найду причастного к этому или глупого шутника.

Девушка взяла мою руку в свою, и начала произносить следующее:

– Дай помочь. Это как-то связано и со мной.

– Нет.

– Почему?

– А если это пишет убийца? Ты - под его прицелом.

– Ты считаешь, ее убили?

– Это теория.

Сечиль согласилась.

– Нам нужно найти ее дневник. Он - ключ. И тогда я пойму, зачем ко мне домой присылают сомнительные бумаги.

– Ладно. Найдем дневник. И больше ты в это не ввязывайся.

– Хорошо. Тогда завтра же приступим.

За окном шумел Стамбул. Где-то далеко кричали чайки.

Сечиль встала. Она уже взялась за ручку двери. И вдруг

остановилась.

Обернулась.

— Керем.

— Что?

Она долго молчала. Будто собиралась с силами.

А потом сказала — тихо, ровно, без пафоса:

— Я больше не буду мстить. Никому. Ни тебе. Ни твоему брату. Ни твоей семье.

Я замер.

- Понимаю, что тогда наговорила всякого. Но я устала. Так устала. Я не хочу больше жить в состоянии нападения. Пора жить дальше.

Она посмотрела мне прямо в глаза.

— Это не прощение. Это просто... конец.

Она вымученно улыбнулась.

— Если захочешь поговорить — я рядом. - это было единственное, что я смог выдавить из себя.

Дверь закрылась.

Я ещё долго сидел и смотрел на неё. На то место, где она стояла. На ручку, которую она только что держала.

А потом перевёл взгляд на лист.

ЭТО Я СДЕЛАЛА. Я.

ЭТО БЫЛА СЛУЧАЙНОСТЬ.

Я перечитал. В третий раз. В четвёртый.

И вдруг понял, что смотрю не на слова. А на вопрос.

Почему Сечиль?

Почему не мне? Не Яману? Не матери? Не Арасу?

Почему ей?

Я откинулся в кресле. Закрыв глаза.

И начал думать.

Первое. Тот, кто прислал это, знал, что Сечиль существует. Знал, где она живёт. Знал, что она придёт ко мне. Это не случайный человек. Это кто-то, кто следит за ней.

Второе. Тот, кто прислал это, знал про дневник. Знал, что он существовал. Знал, что в нём есть этот лист. И знал, что лист можно вырвать и отправить.

Третье. Тот, кто прислал это, хотел, чтобы именно Сечиль принесла его мне. Не сама прочитала. Не выбросила. Не отдала в полицию. А пришла. Ко мне.

Почему? Потому что хотел, чтобы мы были вместе. Чтобы мы объединились. Чтобы начали копать.

А зачем? Чтобы нас было проще убрать.

Или чтобы мы сами привели его к чему-то. К дневнику. К правде. К тому, что он не может найти сам.

Я открыл глаза.

Сечиль.

Я впустил её в это. Своими руками.

Когда она сказала, что поможет, я кивнул. Я не подумал. Не сказал: «Нет. Это опасно. Уходи. Живи».

Потому что хотел, чтобы она была рядом. Потому что устал быть один. Потому что впервые за долгое время кто-то смотрел на меня не как на Алтуна. А как на человека.

И я позволил этому случиться.

Я сжал лист в руке.

Тот, кто это прислал, уже знает, что она пошла ко мне. Уже знает, что мы вместе. Уже знает, что она в игре.

А если она в игре — она в опасности.

Я встал. Подошёл к окну.

Стамбул горел огнями. Люди шли по улицам. Смеялись. Жили. Не знали, что где-то в темноте кто-то ждёт.

Я думал о Сечиль.

О том, как она сидела напротив. Как сказала, что устала. Как улыбнулась. Как впервые за всё время не была врагом.

И о том, что я не имел права её в это втягивать.

Она мстила восемь лет. Она потеряла семью. Она прошла через ад. И только-только начала дышать. А я — я снова втя-

нул её в это. В кровь. В ложь. В смерть.

Я должен был сказать «нет».

Должен был защитить. Но не защитил. Потому что эгоист. Потому что хотел, чтобы она осталась. Потому что впервые за долгое время мне было не всё равно.

Я провёл рукой по лицу.

А если с ней что-то случится?

Если тот, кто прислал этот конверт, придёт за ней? Если он сделает с ней то же, что сделал с Айлин? Если я найду её где-нибудь в лесу. В снегу. С перерезанным горлом.

Я замер.

Нет.

Этого не будет.

Я не позволю.

Взглянув на часы, я вздохнул. Уже поздно. Нужно заехать к брату — повидать племянника и Лейлу. Ей одиноко и грустно: они переехали в отдельную квартиру всего несколько дней назад.

— Керем-бей! Стойте.

— Да, Фидан. Что-то из другого отдела?

— Вам прислали обновлённые данные по финансам компании. Возьмите.

Взяв бумаги, я направился к машине и назвал водителю адрес.

Повернувшись к окну, задумался. Многие не замечают, что свободны от сложного выбора, от которого зависит не одна жизнь.

Прочитав отчёт, потёр глаза. Всё хуже, чем было. Мы — банкроты.

И это ясно: со смертью Айлин дядя и брат вовсе перестали появляться в нашем детище. А я, к сожалению, не всемогущ. Как ни пытался.

— Подожди меня, Рамазан. Я быстро. И возьми эти бумаги, утилизируй. У меня на это совершенно нет времени.

— Конечно, Керем-бей.

Я хлопнул его по плечу.

Как быстро всё меняется. Совсем недавно я не задумы-

вался о вещах, которые сейчас играют значимую роль.

Размеренными шагами приближаясь к квартире 290, я услышал ругань. Забеспокоившись, ускорился — и у двери заметил, что она приоткрыта.

Оттуда громко доносились голоса. Я узнал их сразу. Лейла и Яман.

Тихо войдя в коридор, я увидел, что они стоят лицом друг к другу и не могут меня заметить из-за угла обзора.

— Ты пьян. Снова.

Брат попытался обнять жену, но она отвергла его, ударив по щеке.

— Не подходи. Ты жалок!

— Да.

— Зачем ты так? Ради неё?

— Её больше нет! А меня — вместе с ней!

— Но я твоя жена! Жена! У нас сын...

Яман ничего не делал. А Лейла, вся измученная, упала на колени.

— Как часто я видела твой безразличный взгляд... Мне так больно! Жутко больно! Уходи, прошу, уйди от нас, — злостно процедила она.

— Не могу.

— Не можешь? Зато можешь играть со мной, мучить, крошить будущее!

— Не могу. Потому что я тебя тоже люблю.

Лейла начала смеяться. Неистово.

— Если бы любил, то не изменил. Это не любовь, — её голос сорвался. — Это замена. И я устала быть на втором плане. Устала ждать от тебя чувства, которое поглощает меня изнутри.

— Но ты же меня любишь.

Ох, Яман. Какой же ты подонок. Хоть и близкий мне человек.

— Люблю. Так сильно, что ненавижу себя за это. Люблю, подавляя свою гордость. Люблю, понимая, что ты никогда меня не выберешь. А если и выберешь — то не по собственному желанию. Я хочу уйти, но мне некуда. Некуда, слышишь?

И тут я вмешался.

Она — на коленях, как загнанная лань. И брат — не согнувшийся ни на шаг перед ней.

— Поехали ко мне. Где Аслан?

Лейла была так счастлива.

— Она не заберёт моего сына. Если хочет — пусть идёт сама.

Я взглянул на испуганные большие глаза невестки и показал ей, чтобы она шла собираться.

Подойдя к Яману, я ужаснулся. Его стеклянные глаза смотрели прямо перед собой, не видя.

— Яман, брат, я заберу её. Ради вашего блага. А ты — поспи.

— Строишь из себя героя? Поэтому они тебя и любят больше. Все они. Герой Керем. А я — запасной. И для Айлин, и для Лейлы. Может, и хорошо, что первая умерла. Лучше пусть не достанется никому.

Он спятил.

— Прекрати. Не говори так о ней. Или о своей жене. Ложись.

Он еле стоял на ногах. Послушавшись, мирно лёг и мгновенно захрапел.

А мы тем временем — я, Лейла и Аслан — уехали в безопасное для них место.

Лейла расслабилась и заснула. Так же крепко, как и посапывающий рядом племянник.

Ох, Яман. Ты сам виновник своей судьбы. И губитель людей, любящих тебя всем сердцем. Их брак обречен на провал, однако может это единственный верный выход.

ГЛАВА 20

Прошное

Айлин, 15 лет

Всегда было смешно от того, как мир поклоняется глупцам. Умные, образованные духовно и морально люди становятся неким объектом, который необходимо подавить и искоренить. Они боятся нашей власти, нашего могущества и влияния. Страшно, когда тобой управляет человек, не до конца понимающий структуру и ее целостность, но еще страшнее, когда рука правящего обдуманна и прямо по плану ведет по извилистой дороге, даже несмотря на тирания или неприятности, жаждущие впереди.

Ведь это так? Сколько бы меня не убеждали в обратном - сила разума разрушительна для низших существ, так как они осознают собственную слабость, хотя слепо еще надеяться на верховенство мыслей и суждений. В редких случаях, существо под названием личность превращает себя в тот образ,

который скрывается у него внутри. Чаше - это подобие более высшего, не равного ему, и именно это выдает «самозванца». Зачем я тебе, дневник, пишу это? Потому что меня раздражает несправедливость! Была бы я при высоком статусе в мире, совершила бы множество действий, которые, конечно же, встретили бы с негодованием. А какие это действия? - я думаю, ты и так знаешь. Для каждого они различны, но их суть - едина.

СЕЧИЛЬ

Я приняла решение помочь Керему.

Ради себя. Ну и, может быть, ради него. Но больше — потому что хочу узнать истину.

Для чего некто отправил мне конверт, до этого как маньяк пугая пустыми бумажками? Я надеялась, что шалость прекратится, закончится навсегда. Однако эта шутка перешла в пугающие последствия.

Айлин Алтун мертва.

Узнав об этом, я пребывала в негодовании. Эта смерть повергла в шок весь Стамбул и особенно затронула сердца сво-

им предательски скверным информационным потоком.

Сегодня утром главная и знаменитая газета «Op, News!» настолько омерзительно показала свою позицию относительно внезапной кончины единственной наследницы богатейшего состояния.

АЙЛИН АЛТУН: БЕЗУМНАЯ САМОУБИЙЦА ИЛИ ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ УБЕЖАЛ ОТ СОБСТВЕННОЙ СЕМЬИ ИЗ-ЗА СВОЕЙ ТАЙНЫ?

«Op, News!» снова с вами.

Наши уважаемые читатели, мы хотели бы рассказать вам секреты, которые откопали в закромах теневого занавеса. Кладёзь знаний нам предоставила N — не будем подставлять этого верного СМИ человека. Пусть её личность останется тайной.

Итак, в ночь на семнадцатое-восемнадцатое число N-ого месяца 2026 года дочь миллионера Борана Алтуна была найдена мёртвой на окраине города, рядом с лесополосой. Предварительно — упавшей с обрыва.

Нам не передать, как чувствуют себя её родители. Но давайте ближе к сенсации.

Айлин Алтун всё время процветания корпорации отца была закрытой, замкнутой и замаскированной особой. Многие отзываются о ней так: «Она заставляет почувствовать себя не в своей тарелке. Слишком умная, высокомерная, ставящая себя выше всех». Но это внутренние рассуждения очевидцев.

А вот внешне: «Ослепительная и необыкновенная красота. Модельная внешность и дар познания мира. Её ум заставлял остерегаться».

И вот, вроде бы идеальная, правильная дочь своего отца, без единой крупинки плохой репутации. И тут — раз. Смерть.

У неё было всё: золотая ложка во рту с рождения, любящие родители, внешность, образованность, скорая свадьба с влиятельным наследником семьи Шахин.

Вроде бы сказка наяву? Но так ли это?

Мы опровергаем это высказывание. Айлин Алтун не могла сойти с ума, как говорят здесь все. Вся Турция продвигает теорию, возникшую из воздуха.

Айлин не имела психического расстройства. Она боялась.

Боялась секрета, который хранила.

Инкогнито рассказала, что госпожа Алтун приходила к ней. Просила скрыть информацию, которая разрушила бы все сферы её нынешней жизни. Та заплатила ей большую сумму за молчание. Однако чего скрывать тайну ныне умершей девушки? И спасибо ей, что поделилась.

Оказывается, Айлин Алтун была беременна!

Беременна, как нам может показаться очевидным, не от своего жениха — Араса Шахина. Вот так новость!

Тихий игрок — не равно пешка. А находящаяся в тени королева. Осталось только найти отца неродившегося в утробе матери дитя.

Знала ли семья Алтун об этом? Если же нет — мне их жаль...

20-е числа, 2026 год.

Утоление вашей любознательности — наша работа.

— «Op, News!»

Ну и так далее...

Да, мне тоже не нравилась Айлин. Она была серым кардиналом. Королевой на шахматной доске, которая могла поставить тебе шах и мат тогда, когда ты и вовсе не ожидаешь.

Однако... Как мне говорила мама: о мёртвых говорите либо хорошо, либо никак. И она абсолютно права.

Что сейчас переживает её семья? А Керем? Она была его сестрой.

Конечно, мне не должно быть дела до них. До него в частности. Но людские чувства мне не чужды. Смерть во всех её проявлениях не несёт ни единого момента радости. Особенно если это девушка, у которой вся жизнь впереди.

Она была почти как я. Приблизительно ровесница. И неизвестно, как приняла судьбу — от своих или от чужих рук.

А её беременность? Разве человек не может иметь свои секреты относительно организма и подобных явлений? Она не убила. Она всего лишь случайно забеременела.

Может быть, это ошибка? А сейчас, благодаря жёлтой прессе, её опорочили и поставили под удар авторитет компании.

Вы скажете, что я должна быть рада. Что семья Алтун пребывает в положении более горестном, чем я могла представить.

Но нет.

Нельзя обвинять человека и тем более всю семью в грехах виновного. Да и это тоже не вариант.

Я довела себя до крайности. Искоренила всё доброе, светлое. Повернула своё нутро к более мрачному, тёмному, дьявольскому. И это не привело ни к душевному спокойствию, ни к обретению самой себя.

Я слилась с тем, что когда-то было мне чуждо, противно, гадко.

Но человек, который залез во тьму по собственному желанию, обуреваемый мстостью, уже никогда не станет прежним. Некоторые даже сходят с ума и не выдерживают давления, исходящего из адского пламени.

Я не знаю, как отпустила всё... Но это случилось.

Я стала другой. Конечно, всегда буду помнить о возможной причастности Ямана к этому. Только вот это может быть и вправду дело случая.

Как бы горько мне ни было, иногда даже самые раздражающие люди не падают так низко, как мы надеялись.

Ожидание не равно реальность. Правда не всегда истинна. А ложь не такая неправильная, как может показаться на первый взгляд.

Всё дело в том, какие эмоции одолевают тебя в тот момент. Именно благодаря им мы и сдвигаем чашу весов в ту или иную сторону.

И вот я собираюсь встретиться с Керемом на нейтральной территории.

Он объявил всем сотрудникам о разорении компании. Это вызвало бурю негодования. Однако он пообещал как наш начальник выплатить каждому полную заработную плату за месяц.

— Ты куда это, Сечиль?

— Да, тётя?

Тётя всегда появляется именно тогда, когда совершенно нет желания начинать диалог «по душам».

— Хотела спросить, надолго ли ты?

— А что?

Она замялась. Начала ходить вокруг да около, хитро юлить, уходя от прямого ответа. Изучив тётю за всё время, догадываюсь: дело о моей личной жизни.

— Тётя, говори.

— Ну ладно. Была не была. — Она перестала заламывать руки, хотя это было ей совсем не свойственно. — Мы ждём Демира... Ну того Демира. Он хочет прийти на чай. Увидеть тебя. Присмотреться. Он давно глаз с тебя не спускает.

— Тётя! Что за вздор! Ни за что.

— А что? Время идёт. Твой Селим никак не действует. А тут просто попробуй.

Я напрочь забыла о Селиме. Может, написать ему, чтобы он приехал? Сыграл роль возлюбленного? Нет. Это будет плохой идеей. Тогда тётя возьмёт его в оборот, и он не успеет оглянуться, как она сама наденет кольцо ему на палец.

А о Демире...

— Нет! Он глупый и ещё странный. Словно хочет обладать мной. И эта его улыбка. Постоянная, как будто приросла к нему.

— Сечиль! Прекрати! Мы воспитываем тебя, а ты не можешь сделать доброе дело.

— Смогла бы, если бы не касалось меня! Ты, тётя, всегда пытаешься выпроводить меня вон.

— Я? — Она яростно вскинула бровь и хмыкнула. — Так ты отплатила нам? Столько лет забот, а ты обвиняешь меня в плохом отношении? Грех — страшное бремя, Сечиль.

— Я не... не хотела говорить это.

Но тётя не дала закончить. Вскинув руку, приказала молчать.

— Я поняла. Только помни: тогда я потеряла частичку себя, пообещав, что дочь брата — моя родная племянница — будет жить, не зная улицы, голода, ненависти. До этого времени я выполняла и буду выполнять данное много лет назад обещание.

— Значит, вы взяли меня из-за долга?

— Да. Но не только. Мехмет... Он... — Она не выдержала и ушла. — Поэтому можешь идти куда вздумается, раз не хочешь делать ни то, ни другое.

Поразмыслив, я осознала глубже свою ошибку и сделала выводы. Лучше просидеть час с Демиром, чем конфликтовать с тётей.

С другой стороны, она всегда специфически, но проявляла заботу и некую доброту. Не каждый возьмёт на попечение подростка, который формируется посредством обстоятельств и тяжёлых мрачных событий.

— Тётя! Постой! — Я поравнялась с ней. Она казалась такой маленькой, словно её плечи доставали до земли. И мне стало поистине стыдно. Более чем когда-либо.

— Что тебе? Иди к хорошим людям, а меня, старую злыд-

ню, оставь.

— Тётя... Прости меня. Я не права. И очень рада, что ты у меня есть. И Чичек, и Диджле, и дядя Мерт.

Молчание.

— Хорошо. Переходим к плану В.

— Ты простишь меня, если мы попьём чаю с Демиром?

Тётя мгновенно просветлела, оставив вдалеке признаки грусти и печали. Повернувшись, согласилась и пошла готовиться.

Назначили на вечер. Сегодня.

Время: 10:50. Сбор в 11:30.

Надеюсь, успею.

Пора узнать, кто ты — таинственный человек.

Кафе «Flower» выглядело как эталон богатой жизни.

Все столы, выходящие на морской пейзаж, представляли собой различные виды цветов, а стулья изображали подобие зелёных лепестков. В воздухе царил душистый запах. Официанты, одетые под дизайн обслуживаемого столика, подходили и предлагали свои услуги.

Керем уже ждал меня.

И не один.

Рядом с ним располагалась Лейла с коляской, в которой, как я понимаю, мирно посапывал её с Яманом ребёнок.

В момент я съёжилась и задумалась: для чего она здесь?

— Сечиль, доброе утро.

— Доброе.

— Привет, Сечиль.

— Доброе, Лейла.

Лейла выглядела из ряда вон плохо. Тёмные круги под глазами, исхудавшие руки. Безусловно, она недавно родила,

но её глаза выдавали не приятную усталость, а мученический вид. Её будто что-то гложет, однако она боится признаться.

— Садись, Сечиль. Я позвал сюда Лейлу ответить на несколько вопросов относительно Айлин. Она согласилась.

— Да. Рада помочь.

Я кивнула. Взяв свой блокнот, который пережил всё детство, юность и этот промежуток времени вместе со мной, стала записывать.

ПОКАЗАНИЯ. ЛЕЙЛА АЛТУН: жертва или хищник?

— Если ты не против, я начну первый.

И я покорно согласилась.

— Итак, Лейла, когда ты видела Айлин?

— Мы с ней встретились последний раз за неделю, если не ошибаюсь, до случившегося. Я старалась её избегать.

— Избегать? Для чего?

— Это личный вопрос. С ней лучше было не иметь ника-

ких дел. Айлин лишь притворялась.

— Притворялась?

— Да. Айлин врала. Каждому. И у неё получалось это филигранно.

Её ответы кратко помечаю и делаю свои заметки.

СИЛЬНО НЕРВНИЧАЕТ. Постоянно смотрит по сторонам. Боится. Страх? Кто?

Плохие отношения с Айлин. Подозреваемая 1. Версия: неизвестна.

— Лейла, извини, что перебиваю, но хотела спросить: ты что-то видела или слышала насчёт каких-то белых бумаг? В виде записок или конвертов. Ты жила в доме и, возможно, кто-то ходил с такими? Может, замечала на тумбах или в кабинете?

Она сжалась, а её глаза стали бегать, как белка в колесе.

ЗНАЕТ. ИЛИ ДОГАДЫВАЕТСЯ. ПОКРЫВАЕТ КОГО-ТО.

— Не-ет, — тихо пропищала она. — Подобного не видела. Да и я повсеместно была занята приготовлением свадьбы своего брата и рождением ребёнка, само собой.

— Поняла. А какие у вас отношения с мужем?

Она позеленела.

— Думаю, ей хватит. Лейла, можешь идти. Отдыхай.

— Пока, Сечиль. Пока, Керем. Пойдём, Аслан, малыш.

Снова пометка: КЕРЕМ ЗНАЕТ?

Вывод: НЕИЗВЕСТНО. Ввиду недостаточной доказательственной базы касаясь допроса.

Я подозрительно прищурилась, глядя Керему в глаза.

— Почему ты перебил её? Лейла бы рассказала. Точно рассказала.

Керем нахмурился и вместо ответа попросил официанта подойти для заказа еды.

— Что будешь, Сечиль?

— Зачем меня приглашать сюда, если ты делаешь из меня пустое место? Ответь, чёрт возьми.

Ударив рукой по столу, Керем начал рассматривать меня, останавливая свой взгляд на глазах.

— Нам жаркое и салат. И вино. Спасибо.

— Я ничего не буду, благодарю. Уже уйду.

— Куда? Сядь, поешь.

Я опешила. Он сейчас серьёзно?

— Ты смеёшься надо мной? Позвал, выставил душой, а сейчас сидишь как ни в чём не бывало. Что ты скрываешь, Керем?

— Я рад, что наконец ты перешла в разговоре на «ты».

— Всё. Больше моей помощи не жди. Пока.

Попытавшись встать, резко села обратно из-за сжимающей руки. Керем силой заставил сесть, и его глаза излучали муки выбора: рассказать мне или умолчать.

Я ждала. Не знаю сколько, но ждала. А когда принесли еду, он, выпив залпом бокал, начал говорить:

— Мне жаль, что я тебя обидел. Мне ценно твоё мнение. Однако допрос своих близких и родственников невозможен. Я не хотел их подозревать. Правда не хотел. Но когда Айлин умерла, я начал вспоминать. Всё. Каждую мелочь: как мама морщилась, когда Айлин входила в комнату. Как Лейла замолкала, стоило прозвучать её имени. Как Яман уходил, если она была рядом. Я думал — это случайность. Совпадение. Горе. Но потом я понял: они все знали что-то. Каждый — своё. И молчали.

Он посмотрел на меня.

— Я не могу допрашивать чужих. Но и своим верить больше не могу. Вот и всё. Вот почему я начал с них.

— Не всегда всё...

— Прошу, не перебивай меня. Я считал, что рядом с тобой моя тревога пройдет, однако она стала еще вероятнее. Ощущение того, что моя семья скрывает под фасадом темноту, всё больше настораживает меня.

Он сделал паузу, попросив ещё два бокала. Я ему отдала свой. Осушив их, Керем продолжил:

— Когда ты спросила у Лейлы за Ямана, моя холодность оттаяла и перешла в стыд. Семья Алтун рушится, оставляя за собой руины. Я долго размышлял, но теперь принял решение рассказать тебе. Вдруг это поможет нашему следствию. Яман и Лейла разводятся. Он слишком много пьёт. И да, тебе на него абсолютно всё равно, ты не хочешь даже слышать это имя. Только сложно не упомянуть ещё об одном факте. Я думаю, что у него с Айлин был секрет.

— Секрет?

— Да. Они вдвоём скрывали что-то. И Яман предположительно мог знать. Однако ты скажешь: почему бы мне с ним не поговорить? А я отвечу: он мне соврёт. Единственный из всех. По крайней мере, я так думал. И был не прав, потому что смотря на Лейлу, я удивился, как человек, который вроде бы очень хорошо ко мне относится, здесь соврал. Тоже соврал, понимаешь?

— Я решила, что она не договаривает.

— Я тоже это увидел. Она знает о чём-то.

— Значит, есть повод понаблюдать за ней.

— Есть. Но... — Керем взял мои руки в свои. — Как бы смешно это ни звучало, но, наверное, ты — единственный человек, который не причастен к смерти кузины. Я разбит. И не могу никому довериться, кроме тебя. Лейла — я верил ей. Перед этим я задал ей такой же вопрос. Ответ был одинаковый: она не знает. Но она прекрасно осведомлена об этом конверте, а возможно, и об убийце. Либо это её рук дело, либо она боится человека, имеющего над ней всепоглощающую власть. И этот человек...

— Твой брат.

— Моя мать.

— Мать?

Я округлила глаза. Мать Керема и Ямана? С чего бы?

— Она всегда боялась неодобрения Рубины Алтун. И... как-то раз мама, когда мы собрались в гостиной с тётёй и дядей, обмолвилась, что Яман влюблён в Айлин. Она этого не одобряла. И я думаю: а что, если Лейле это известно? А если они вместе с матерью это затеяли? А может быть, ещё более безумное. Айлин никогда не нравилась маме. Она её нена-

видела, если говорить мягко, поэтому могла зародить сомнения в голове Лейлы, придумать мнимую привязанность между своим же сыном и племянницей в своих целях.

— Ты рассматриваешь подозреваемых: Лейлу и Рубину, она же твоя мать?

— Да и мне тошно от мысли ее причастности, но.. Я специально позвал тебя сюда, чтобы определить, донесёт ли она матери за это. Ведь посторонняя девушка расследует и так уже понятный и ясный исход дела. Ты скажешь, что я говорю сумбур, чистый бред, и возможно, это так. Но у меня не осталось никого. Они все повязаны. Может, не в прямом смысле, но связаны: тайнами, интригами и иным.

— Я вижу, ты хочешь сказать ещё кое-что.

— Да. Ты права. — Керем улыбнулся одной из своих фальшивых улыбок, и одна за другой они померкли. — Арас. Он уехал. Не случайное ли совпадение? Уехать, хотя перед этим маниакально преследуя Айлин. Преследуя каждый её шаг, и потом — раз, он далеко отсюда, утешает себя, по словам Лейлы.

— Он следил за ней?

— Регулярно. Я уверен, она знала это. Арас мечтал видеть Айлин его женой. Быть с ней. Как ужасно ревнивый мужчина может бросить память о ней и исчезнуть? Причём никто не говорит куда. Это странно.

— Очень странно. Значит, он тоже под подозрением?

— В первую очередь. И, как бы грустно ни звучало: Лейла и мама. Но Рубину надо проверить. Араса найти. А Лейлу... я надеюсь, что она испугается чего-то и расскажет, что знает.

— Должна быть веская причина.

— Найду.

— Больше никого не было?

— Ну, можно поговорить с Башак и... о, конечно.

Его лицо озарилось пониманием. Керем пододвинулся ближе.

— Как я мог об этом забыть. Всегда ближе к Айлин была её двоюродная сестра Йылдыз. Она замужем, но на похоронах была вместе со своими двумя детьми. И что интересно: совсем не обронила ни одной слезы. При этом быстро поки-

нула город, уехав обратно. Что произошло между ними — загадка, которую тоже необходимо узнать.

— Ну, все по-разному принимают скорбь. Слезы — не отсутствие эмоций внутри.

— Я понимаю. Но не Йылдыз. Она — гиперчувствительная. Это Айлин почти за свою жизнь не изливала душу.

— Поняла. Значит, их нужно найти и узнать правду. Я тебе точно нужна? Ты не забыл, что я хотела тебя убить?

— Лучше пуля в лоб, чем нож в спину. Я доверяю тебе. Не знаю почему, но доверяю. Ты мне нужна.

Я посмотрела на него. Долго.

— Хорошо. Тогда так.

— Как?

— Мы будем делать это вместе. Без секретов друг от друга. Не как начальник и подчинённая, а как люди, которые пережили боль и ложь. Я помогаю тебе, отчасти оттого, что чуть не убила, а с другой стороны — узнать того, кто своими пустыми письмами водит за нос. Я не буду пугаться. Я

устала. Это некто — всего человек, из плоти и крови, и он способен нести наказание от рук таких же, как мы.

Керем молчал, смотря на меня. Он изучал мои глаза, как изучают новый образец в лаборатории.

А потом просто кивнул.

Знаете, читатели, иногда молчание сильнее слов.

ГЛАВА 21

ПРОШЛОЕ

Море дышало где-то за дюнами — глубоко, медленно, как живое. Звёзды висели низко, и от них пахло солью и чем-то чужим.

Он привёл меня в маленький дом у берега. Не свой, а чей-то совсем пустой. Ключ он достал из кармана и долго не мог вставить в замок — пальцы не слушались. Я стояла позади и смотрела на его спину. На то, как дрожат плечи. И думала: «Зачем я здесь?»

Дверь открылась.

Внутри пахло пылью и морем. Он зажёл лампу. Огонёк дрогнул, и свет упал на его лицо. И я увидела то, чего видеть не хотела.

Признание. Момент признания в любви. Саму любовь. Настоящую. Ту, которую не могла принять. Ту, которую

не могла вернуть.

— Айлин.

— Что?

— Я должен сказать.

Я знала. Знала давно, что не смогу ответить тем же.

Но не остановила.

— Я люблю тебя.

Море выдохнуло. Лампа качнулась. Он смотрел на меня так, будто я была всем миром — началом и концом. А я смотрела на него и видела другого.

Не его.

Не того, кто стоял здесь с открытым сердцем.

А того, кто никогда так не смотрел. Того, чьи глаза были холодны. Того, чьи руки никогда меня не хотели коснуться по доброй воле.

Я взяла его за руку.

— Идём.

Мы вышли на берег и зашли в море. Вода была ледяной. Я прекрасно помнила это. Как холод обжёг ноги. Как песок прилипал к коже. Как ветер рвал волосы.

Он обнял меня словно хрупкую вазу, и поцеловал. Долго. Нежно. Так, как целуют в первый раз. Так, как целуют, когда боятся спугнуть.

Я закрыла глаза, мне стало противно. Это не то, что я хочу, однако если представить на его месте другого.

И представила его.

Того, кого любила. Того, кто не хотел меня. Того, кто был личной болью. Его губы. Его руки. Его холодность.

И так я целовала одного, а думала о другом.

И когда он потянул меня обратно в дом, я не сопротивлялась. Не потому что хотела, а потому что не знала, как отказать, потому что устала быть той, кого не принимают, потому что хотела хотя бы раз почувствовать возможность близости с *ним*.

В доме было темно.

Он раздевал меня медленно, боясь услышать отказ на половине пройденного пути. Целуя плечи, шею, ключицы, шептал мое имя как молитву и я разрешала ему сделать это.

Позволяла касаться, смотреть, любить.

А сама — была где-то далеко. Там, где никого не было. В своих утопических мечтах, в нереальности, в грезах, не способным сбыться.

Его дыхание на коже. Его руки на талии. Я закрыла глаза и снова увидела его. Того, кого хотела. Того, кто никогда не будет со мной. Того, кто сейчас, возможно, спал рядом с другой.

И от этого — стало ещё пустее.

Он целовал в шею. Шептал: «Ты моя».

А я думала: «Нет. Я его. Сейчас и навсегда. Навечно твоя, Керем».

Он заснул рядом. Счастливый. Уверенный, что теперь я его. Но утром я ушла, с пустой душой, с ненавистью к нему, и

слабостью, которую я совершила посредством несбыточного желания, со злобой к себе, что отдалась ему, а не тому единственному, кто заслужил право на мое тело, так как разум во всецело с моим идеалом.

Я использовала его, сделав вид, что ничего не было. Успокоение это не принесло, зато повлекло последствия, которые разрушили надежду на лучшее.

СЕЧИЛЬ

Это была самая абсурдная ситуация из всех, в которых я когда-либо оказывалась. Только здесь мне предстояло быть не наблюдательницей, а участницей. Боёв. Взглядов и слов.

Во-первых, Керем любезно предложил отвезти меня домой. Я долго противилась, а потом поняла: с этим человеком бессмысленно бороться, оттягивая уже решённое.

Во-вторых, он постоянно спрашивал, что за важное дело, о котором я не хочу ему рассказывать.

— Что за важный вечер?

— Мне необходимо быть рядом с тётей. И никак иначе.

— Ты близка с ней?

— С тётей? — у меня пересохло в горле. — Скорее нет, чем да. Она редко показывает любовь. Даже при близких. Это случилось после смерти моего отца. Тётя потеряла самое дорогое, что у неё было. Мехмет Кайя и она жили всю жизнь рядом друг с другом. Это было в приоритете. Он — для неё. Ну и Чичек, конечно.

— Её муж, наверное, волосы на себе рвал от ревности. Я бы ревновал.

Краем глаза я увидела, как он посмотрел на меня. Наши взгляды встретились — и тело прошибло мурашками. В салоне резко стало тесно.

— Сечиль...

— Нет, он не ревновал, — перебила я, меняя тему. — И это было беспочвенно. Папа нашёл маму, они поженились, родился Доган. Дядя Мерт мечтал о ребёнке, но тётя не могла забеременеть. А когда родители узнали обо мне, тётя узнала и о Чичек. Счастья было безгранично. Тогда они и сблизились. Мы с Чичек пошли вместе в школу, я часто гостила и ночевала у тёти — сестра не могла без меня провести и минуты.

— Это здорово.

— Да. Хорошее было время.

Озноб не прекратился. Я потянулась нажать на печку — надеясь, что не сломаю аппаратуру своим ложным представлением о её местонахождении. Когда рука коснулась кнопки, я почувствовала, что Керем остановился.

— Что-то случилось?

— Да.

И всё. Понимаете? Больше ничего он не сказал.

Керем подался ближе — так, что его лицо оказалось в нескольких сантиметрах от моего. И снова это горячее дыхание. Ладонью он коснулся моего лица — нежно, с робостью. Не трогая. Лаская.

— Сечиль, я хотел сказать... Точнее, попытаться сказать, что... Ну, в общем. Чёрт, я становлюсь первоклассником перед концертом, который забыл свой стих.

— Не надо... Возможно, твои слова только всё усугубят.

— И пусть.

Его глаза. Ну до чего же они красивы. Тёмно-карие. Сейчас они напоминали ночь, тьму, в которой я утонула безвозвратно.

И что я вообще чувствую к нему? Ненависть? Нет. Жалость? Нет. Лю... НЕТ!

— Я хочу поцеловать тебя. Можно?

Я нахмурилась. Не то, что я ожидала. Но его слова... Поцелуй? Сечиль, а хочешь ли ты этого? Да. Да. Да.

Тогда, в лифте, мне показалось, что тысячи искр между нами распаляли пыл двух молодых людей.

— Это значит нет?

— Я... я... — хватит мямлить, скажи ДА. — Этого не надо. Мы же партнёры по расследованию.

Он усмехнулся. Громко. С ноткой грусти. Взъерошил волосы, откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза и замер.

— Керем, всё хорошо?

— Нет. Ничего хорошо нет. Я должен сейчас думать о кухне, об этом клубке тайн. Но я заиклен на тебе. Это нормально?

Я не могла ответить. В голове была паутина из множества нитей, которые ждали своей очереди.

— Несколько месяцев назад я стал думать о тебе намного чаще, чем нужно. И решил: если поцелую тебя, наваждение уйдёт.

— И оно ушло? — тихонько спросила я.

— Как видишь — оно стало ещё больше. Я не знаю, что чувствую к тебе. Однако осознаю: мне необходимо быть рядом с тобой. Всегда.

— Всегда?

— Всегда. Твоя колкость подкупает. Находит отклик в противоборстве со мной. Возможно, это даже в какой-то степени любовь.

— Любовь?

Я переспрашивала как дурочка.

— Только ответь мне: чувствуешь ли ты что-то подобное? Хоть малейшее тёплое чувство. Да, я был плохим человеком и останусь таким до конца своих дней. Но могу показывать тебе не только негативное. И мне всё равно, сколько было у тебя до меня парней, любила ты их или нет. Это прошлое.

— Я...

— Скажи, Сечиль. Прошу, не терзай меня ещё больше. На меня навалилось столько, что разгребать я буду всю жизнь. И ты — даже со своим непростым прошлым и ненавистью ко мне — мой якорь в ночи. Если, конечно, захочешь им стать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.